Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 8 30 АПРЕЛЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП(б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 8
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
„П Р А В Д А"

Главлит № А—12974 Тираж 75.000

Типография газеты „Правда". Москва, Тверская, 48.

О решениях апрельского об'единенного пленума ЦК и ЦКК.

Апрельский об'единенный пленум ЦК и ЦКК подверг обсуждению существеннейшие экономические и политические проблемы, связанные с текущей партийной и советской политикой.

Обсуждение итогов и уроков хлебозаготовительной кампании поставило перед пленумом во весь рост задачи нашей политики в деревне, а обсуждение так называемого шахтинского дела побудило дать ответ на важнейшие вопросы классовой политики партии в связи с социалистической индустриализацией страны.

Существеннейший интерес представляет здесь именно классовая сторона дела, именно смысл решений пленума с точки зрения политики партии и пролетарского государства в отношении различных классов и социальных групп советского общества. XV с'езд партии наметил необходимость более энергичного наступления на кулацкие элементы деревни. С'езд, с одной стороны, поставил в порядок дня проведение мероприятий, усиливающих наш непосредственный нажим на кулака, а с другой стороны—проведение широким фронтом коллективизации бедняцких и середняцких крестьянских хозяйств. Более энергичное ограничение частнокапиталистических хозяйств и более энергичное непосредственное наступление на них «сопровождаются» здесь, таким образом, усилением коллективизации бедняцких и середняцких элементов деревни. Эти две задачи по своему существу представляют две стороны одной и той же общей социально-экономической и политической задачи и знаменуют переход политики нашей партии в деревне в некоторую новую фазу.

Ряд хозяйственных затруднений и некоторых наших экономических и операционных просчетов сопровождался, несомненно, оживлением активности кулака и усиленным напором кулачества на хлебные цены с целью их срыва и всемерного взвинчивания и порою недостаточной активностью партийных и советских организаций в деле отпора кулаку и даже колебаниями отдельных элементов кооперативного, советского и партийного аппарата в важнейшем вопросе о сохранении уровня цен на хлеб. Первоначальный ход хлебозаготовительной кампании, с точки зрения ее классового содержания, доказал, что некоторые элементы партии не сделали достаточно решительного, своевременного, правильного вывода из тех директив, которые были даны XV с'ездом партии.

Охарактеризовав затруднительную кон'юнктуру, сложившуюся в процессе хлебозаготовительной кампании, пленум заявляет в своей резолюции о хлебозаготовках:

«Кулачество могло использовать эту кон'юнктуру тем более, что заготовительные организации как государственные, так и кооперативные не обнаруживали ни единства выступлений на рынке (вместо этого была ожесточенная конкуренция и, следовательно, об'ективная помощь частнику и кулаку), ни необходимого темпа в развертывании работ; вместе с тем не было развернуто своевременно широких операций по завозу промышленных товаров в надлежащие сроки, соответственно условиям спроса со стороны основных хлебозаготовительных районов.

С другой стороны, парторганизации, в особенности в связи с дискуссией, прошли мимо важнейших очередных задач, связанных с хлебозаготовками в расчете, что хлебозаготовки автоматически будут давать положительный результат, а некоторые отдельные элементы партии, в особенности в деревне, не оказались способными проводить достаточный отпор кулачеству и соответственно подымать к активной роли бедняцко-середняцкие слои деревни».

Таким образом, неудачи первоначального хода хлебозаготовок, в известной мере зависевшие от недостаточного внимания партийных и советских организаций к задаче наступления на кулацкие элементы деревни, в довольно острой форме поставили в порядок дня ряд мероприятий, направленных к исправлению положения и прежде всего направленных против сельской буржуазии.

Останавливаясь на этих мероприятиях, резолюция об'единенного пленума заключает:

«Об'единенный пленум ЦК и ЦКК считает, что без проведения этих и подобных им мероприятий не могли быть устранены серьезнейшие затруднения в области заготовок хлеба. Об'единенный пленум одобряет поэтому целиком и полностью линию Политбюро, данную в директивных письмах от 6 января и 13 февраля сего года по вопросам хлебозаготовок.

Теперь мы можем с полным основанием констатировать, что указанные мероприятия, в известной своей части носившие чрезвычайный характер, обеспечили крупнейшие успехи в деле усиления хлебозаготовок».

Нет никакого сомнения в том, что кампания наступления на кулака, проведенная во время хлебозаготовок и сопровождавшаяся консолидацией сил бедноты и борьбой за преодоление кулацкого влияния на середняка, а также широкая мобилизация партийных сил на дело хлебозаготовок вместе с «проверкой и чисткой советского, кооперативного аппарата в хлебозаготовительных районах от явно разложившихся элементов, не видящих классов в деревне и не желающих «ссориться» с кулаками», что все это имеет значение, выходящее далеко за пределы хлебозаготовительной полосы. Наступление на кулака во время хлебозаготовительной кампании шло по тому политическому направлению, которое было отмечено XV с'ездом партии; раскачка бедняцко-середняцких сил против кулака имела положительное значение не только с точки зрения успешного проведения хлебозаготовительной кампании, но является плюсом и с точки зрения осуществления общего политического курса, намеченного XV партийным с'ездом, с точки зрения улучшения всей работы партии в деревне.

Подчеркнув это, пленум счел вместе с тем необходимым перед перспективой следующей хлебозаготовительной кампании предостеречь не только от организационных ошибок, проявленных в прошлой кампании, но и от неправильного понимания роли и места проведенных мероприятий в общей системе нашей политики в деревне, указав прежде всего на необходимость избежания извращений и перегибов, допущенных во время второго этапа хлебозаготовительной кампании.

«Эти извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов, подлежат самой категорической отмене, и партия обязана об'явить им самую решительную борьбу, ибо они грозят дать длительный отрицательный как экономический, так и политический результат. Сюда относятся все методы, которые, ударяя не только по кулаку, но и по середняку, фактически являются сползанием на рельсы продразверстки, а именно: конфискация хлебных излишков (без всякого судебного применения 107 статьи), запрещение внутридеревенской купли-продажи хлеба или запрещение «вольного» хлебного рынка вообще; обыски в целях «выявления» излишков; заградительные отряды; принудительное распределение облигаций крестьянского займа при расчетах за хлеб и при продаже дефицитных товаров крестьянству; денежные выдачи по почтовым переводам, когда часть посылок выдается облигациями займа или другими бумагами; административный нажим по отношению к середняку; введение прямого продуктообмена и т. д., и т. п.».

Об'единенный пленум, констатировавший «повышение авторитета советской власти среди основных масс крестьянства», вместе с тем указал на наличие «некоторого недовольства верхушечного слоя середняков, в особенности в связи с имевшими место извращениями и перегибами».

Против повторения и развития этих перегибов пленум предупреждает со всей серьезностью и решительностью.

«Об'единенный пленум ЦК и ЦКК требует беспощадной борьбы с такими методами и немедленной ликвидации подобных перегибов и извращений, ибо они нарушают основы экономической политики партии, угрожают экономической связи между городом и деревней, подрывают систему кредита и грозят ослаблением союза рабочего класса и основных масс середняцкого крестьянства».

При этом об'единенный пленум подчеркнул недопустимость легкомысленного отношения к оценке хлебозаготовительной кампании этого года с точки зрения ее уроков для будущей работы.

«Об'единенный пленум ЦК и ЦКК, — говорится в резолюции,—полагает, что затруднения в хлебозаготовках, имевшие место в этом году, нельзя считать случайностью. Эти хлебозаготовительные затруднения связаны с трудностями быстрого темпа индустриализации страны, диктуемого пролетарскому государству всей международной и внутренней обстановкой, и с ошибками планового хозяйственного руководства. Эти затруднения были усугублены и осложнены стремлением кулацкой части деревни и спекулянтов использовать их, взвинтить цены на хлеб и сорвать советскую политику цен. Поэтому, поскольку затруднения в хлебозаготовках могут еще появиться в будущем, партия с тем большей настойчивостью должна добиваться того, чтобы неослабно выполнялся лозунг XV с'езда партии о «дальнейшем наступлении на кулачество», о регулировании частного рынка и систематическом вовлечении единоличного крестьянского хозяйства со стороны кооперативных и государственных организаций в русло социалистического строительства».

Это значит, что партии в целом и, в первую очередь, деревенским партийным организациям предстоит проведение дальнейшего наступления на кулака, организация сил бедноты и осуществление широкой кампании по коллективизации сельского хозяйства на основе прочного союза с середняком, ибо только на этой основе успехи социализма будут значительными и прочными.

Эту же основу предполагают и те практические указания об'единенного пленума, которые относятся к проведению следующей хлебозаготовительной кампании.

Необходимо подчеркнуть, однако, что ухудшение хлебозаготовок в апреле внушает тревогу, и что партии надо «продолжать кампанию с неослабным вниманием и настойчивостью» и всемерно усилить борьбу с халатностью, расхлябанностью и недостаточной активностью на хлебозаготовительном фронте еще в этом году.

Прозевать на этом фронте теперь, забыть, что «та часть мероприятий, которая имела экстраординарный характер», отпадает лишь

«по мере ликвидации затруднений в хлебозаготовках»,—это значит, сорвать значительные достижения последних месяцев и обеспечить умножение трудностей в будущем году, значит сделать неизбежным применение экстраординарных мер и в следующей хлебозаготовительной кампании.

* * *

Так называемое шахтинское дело еще раз красноречиво показало, что успешно протекающее строительство социализма в СССР происходит в обстановке скрытой и упорной борьбы реакционных сил против нового общественного строя.

«Это дело, — гласит резолюция об'единенного пленума,— приобрело явно общесоюзное значение, так как вскрыло новые формы и новые методы борьбы буржуазной контрреволюции против пролетарского государства, против социалистической индустриализации. Политическое значение этого дела подчеркивается тем, что вредительская организация в Донбассе, созданная бывшими шахтовладельцами и группой особо привилегированных в прошлом специалистов, была связана с бывшими русскими и иностранными собственниками, а также с иностранной военной разведкой и, помимо других задач, ставила своей целью срыв обороны Советского Союза и прямую подготовку к интервенции и к войне с СССР».

Буржуазная контрреволюция пыталась использовать все антисоветские силы и спекулировать на всех промахах, недостатках и слабостях наших советских организаций для дискредитирования пролетарской диктатуры и подготовки контрреволюционных выступлений.

Об'единенный пленум тщательно проанализировал те недосмотры, ошибки и промахи, которые были допущены как советскими, так и партийными организациями Шахтинского района, и извлек из этого дела уроки для будущего.

Пленум подчеркнул недостатки в методах работы руководителей-хозяйственников, роль которых «до сих пор остается по преимуществу ролью плохого комиссара в промышленности, т.-е. вместо действительного управления предприятием сводится к так называемому «общему руководству», и при этом указал на необходимость решительного улучшения дела использования специалистов в хозяйственном строительстве.

Главнейшие указания пленума в этой области сводятся к тому, чтобы партийные и советские организации:

1) ведя решительную и беспощадную борьбу с такими элементами из среды специалистов, которые играют контрреволюционную роль, преодолевая оставшиеся до сих пор в этой среде кастовую замкнутость и узко-корпоративные настроения и вовлекая их во всю работу профсоюзов, производственных совещаний и т. п., вместе с тем

приняли меры к «улучшению условий работы подавляющей массы честных, преданных своему делу работников-специалистов»;

2) систематически обеспечивали действительную проверку нашими организациями работы специалистов;

3) придали важнейшее значение подготовке и воспитанию кадров красных специалистов и усилению их роли в процессе социалистического строительства;

4) приняли меры к организации более широкого выдвижения рабочих на хозяйственную работу и к правильному использованию сил рабочих-выдвиженцев.

Задаче укрепления кадров красных специалистов пленум отвел первостепенную политическую роль.

> «В соответствии с ростом и сложностью хозяйственного строительства хозяйственники должны поставить перед собою задачу путем получения спецзнаний и изучения техники производства овладеть производственно-технической стороной дела. Из основного кадра этих хозяйственников-практиков и кончающих втузы красных специалистов партия должна теперь более, чем когда-либо ранее, выдвигать красных пролетарских специалистов на замену чуждых социалистическому строительству элементов из среды буржуазных специалистов. В этом одна из основных задач хозяйственного строительства, без успешного осуществления которой не может быть проведена социалистическая индустриализация».

В осуществление этого курса пленум наметил ряд практических предложений, дополнив их предложениями об улучшении постановки дела выдвижения рабочих на хозяйственную работу.

Указав на ряд вопиющих упущений в области охраны труда, пленум с особым ударением сказал о необходимости вовлечения масс в дело руководства производством, как о радикальном условии предотвращения фактов «шахтинского» типа.

Расследование дела показало, что рабочие массы сплошь и рядом встречали при своих попытках повлиять на ход капитального строительства, рационализации, в смысле устранения существенных дефектов и злоупотреблений, не только сопротивление хозяйственно-управляющих организаций, но и организаций профсоюзных.

Производственные совещания, становящиеся важнейшими органами социалистического строительства и борьбы с извращениями и злоупотреблениями, играли в Шахтинском районе крайне незначительную роль.

Отметив необходимость решительного поворота в этой области, пленум указал на одну важную конкретную форму борьбы с извращениями.

> «В крупных предприятиях,—сказано в резолюции пленума,—особенно там, где имеются серьезные недочеты в строительстве и в использовании оборудования, а также, где проводятся крупные капитальные работы, необходимо немедленно создать временные контрольные комиссии рабочих с участием в них технического персонала.
>
> Опыт целиком и полностью подтвердил целесообразность существования временных контрольных комиссий в общей системе фабрично-заводских рабочих организаций, как органа производственных совещаний, необходимость их более широкого применения и большего внимания к их работе со стороны партийных, профессиональных и хозяйственных органов».

Оживление профсоюзов, приближение их к производству, развитие самокритики внутри профсоюзов, более энергичное вовлечение рабочих масс в социалистическое строительство,—вот те задачи, важность и первостепенность которых иллюстрирована «шахтинским» делом.

Резолюция о «шахтинском» деле кончается тезисом о самокритике, последним по счету, но отнюдь не последним по значению.

> «Главнейшим условием для обеспечения успешного проведения всех намеченных мероприятий должно быть действительное проведение в жизнь лозунга XV с'езда о самокритике, а также значительное улучшение работы парторганизаций в деле проведения внутрипартийной демократии и усиленной повседневной борьбы с недостатками в работе партийных, профессиональных, советских и хозяйственных органов».

Лозунг самокритики, как лозунг большого практического действия, как лозунг активизации партийных масс, в частности, в деле борьбы с бюрократизмом, недостатками и промахами нашего советского и партийного аппарата, злоупотреблениями отдельных лиц и организаций, является, несомненно, одним из определяющих лозунгов текущей политики партии.

А. Слепков.

Лицо предателя[1]).

Имя г-на Гильфердинга достаточно известно. Это—классический тип ренегата. В свое время он отдал известную дань марксизму, написав «Финансовый капитал», являющийся доселе крупнейшим явлением в марксистской теоретической литературе.

Правда, чуткое ухо Ленина уловило уже в этом труде ревизионистские мотивы. Рекомендуя книгу, Ленин оговаривал, что ее автор проглядел в империализме моменты загнивания. О политическом значении слепоты на этот «глаз» говорить излишне: оно очевидно.

Во время войны Гильфердинг вместе с Каутским «центрил», поставляя наиболее замаскированные и подлые по своему существу теории, прикрывающие социал-шовинизм.

В послевоенные годы он—в рядах «независимцев». На историческом с'езде «независимых» в Галле (октябрь 1920 года) он—лидер противников III Интернационала.

А затем, вступив в ряды об'единенной социал-демократии, в состав которой вошли с.-д. партия Носке—Шейдемана и правые независимые, боровшиеся на с'езде в Галле против III Интернационала, Гильфердинг становится виднейшим вождем социал-демократизма, его идеологом, стратегом, парламентским лидером и крупнейшей политической фигурой II Интернационала.

На последнем Кильском с'езде германской социал-демократии (1927 г.) Гильфердинг выступил с программной речью «Задачи социал-демократии в республике» и чествовался с'ездом партии, как ее признанный вождь. Социал-демократическая пресса восторженно рукоплескала своему вождю и понесла в массы новые «марксистские» идеи этого «социалистического» Иудушки. Трудно найти более характерное «обоснование» теперешних позиций социал-демократии, чем то, которое дал Гильфердинг в очень сжатом концентрированном виде в своем докладе на Кильском с'езде.

На главнейших положениях Гильфердинга мы и останавливаем в данной статье внимание читателя.

Социал-демократы в течение долгого времени, пока они не стояли у власти, защищали точку зрения фаталистического «органического» вызревания социализма в рамках и на основе капитализма.

Ленин неоднократно бичевал социал-реформизм за непонимание решающей роли революционной активности пролетариата и его авангарда в классовой борьбе.

---

[1]) В нашей печати неоднократно делались ссылки на выступления виднейшего идеолога II Интернационала Рудольфа Гильфердинга на Кильском с'езде германской социал-демократии в мае 1927 года.

Теперь мы получили возможность судить об этих выступлениях Гильфердинга, равно как и о выступлениях его коллег, характеризующих теперешние идейно-политические позиции социал-демократов, по точным данным стенографического отчета. («Sozialdemokratischer Parteitag 1927 in Kiel». Protokoll mit dem Bericht der Frauenkonferenz, I. H. W. Dietz Nfg, Berlin, 1927, 375 стр.).

Мы полагаем, что настоящая, несколько запоздавшая реакция на выступление Гильфердинга в Киле будет не лишней при выяснении современного лица социал-реформизма.

Вот что, например, он писал в 1905 г. о позиции российских меньшевиков «ново-искровцев»:

«При благоприятных обстоятельствах оказывается, и по мнению учеников Мартынова, возможным такой размах революции, который послужит прямым предисловием к грандиозному социальному перевороту, но сама партия, ее воля, ее работа, ее планы при этом оказываются как бы ни при чем. «На бога надейся, а сам не плошай»—говорит пословица, стремящаяся обезвредить религиозный фатализм,—«на обстоятельства, на исторический процесс надейся», скажем мы, «но сам не плошай!» Иначе будешь экономистом-фаталистом, а не социал-демократом-революционером» (Собр. соч., т. VI, стр. 278).

Пока социал-реформисты не принимали активного участия в непосредственном управлении государством, до тех пор эта фаталистическая теория была, с их точки зрения, достаточной для оправдания поддержки, оказываемой ими капитализму. Но как только эпоха войн и революций принесла социал-демократам министерские портфели буржуазного правительства, теоретики социал-демократии решили «дополнить» свою теорию исторического процесса: ведь, теперь не только сама об'ективная логика капиталистического развития «осуществляет» социализм, но сплошь и рядом и сами социал-демократы, соучаствуя во власти, «воздействуют» на ход исторического процесса. В речи г-на Гильфердинга этот новый мотив звучит с достаточной силой:

«Мы всегда,—утверждает Гильфердинг в своем докладе на с'езде,—держались того мнения, что падения капиталистической системы нельзя ожидать фаталистически, что оно не вытекает из внутренних законов системы, а должно быть продуктом сознательной деятельности пролетариата».

Поистине, «из огня да в полымя».

В историческую полосу, когда «органический» характер развития капитализма только-что начал нарушаться явлениями «критического» порядка, гг. Гильфердинги с исключительным усердием «доказывали», что путь к социализму лежит через «органическое» развитие капитализма, что «нормальный» ход капиталистического развития обеспечивает «мирное» вызревание социализма.

После длинного ряда лет, в течение которых загнивший капитализм тщетно пытается вступить на путь быстрого «нормального», «органического» роста, Гильфердинги убеждают рабочих, что недостаточно «надеяться на исторический процесс», что надо активно и «сознательно» вмешаться в этот процесс и помочь капитализму прочно стать на ноги.

Именно в этом заключается политический смысл «поправки» г-на Гильфердинга.

А методологически социал-демократы и в «фаталистическом» тезисе и в тезисе о «сознательной деятельности пролетариата» с разных концов совершают одну и ту же ошибку.

В самом деле. «Фаталистическая» концепция гласит: дело не в политической «суетне» пролетариата, а в историческом процессе развития капитализма. Поэтому—«не рыпайся!».

Новый тезис г-на Гильфердинга гласит: дело не во «внутренних законах развития капиталистической системы», а в «сознательной политической деятельности пролетариата». Поэтому—действуй, но... только не против капитализма, а в его пользу.

С марксизмом эти оба тезиса ничего общего не имеют. Смысл исторической концепции Маркса заключался в обосновании неизбежности паде-

ния капитализма в силу «внутренних законов развития капиталистической системы». Но это падение реализуется только при условии сознательной революционной деятельности пролетариата, свергающего власть капитала и устанавливающего свою диктатуру, только в борьбе с буржуазными и мелкобуржуазными влияниями на пролетариат.

Маркс не противопоставлял силу внутренних законов развития капиталистической системы силе борющегося за социализм пролетариата,—он утверждал, что история работает на пролетариат, что революционная активность пролетариата, его суб'ективная революционная роль не вступает в противоречие с об'ективной линией развития, а, наоборот, победа пролетариата становится возможной, именно в силу законов развития капитализма. История работает на пролетариат; только «сам не плошай»—как просто формулировал это Ленин.

Теория гг. Гильфердингов достаточно «эластична»: они не любят связывать себя принципами. Это естественно: «идейный» приказчик капиталиста не должен иметь принципов,—но при чем же тут марксизм?

* * *

В каком же направлении предлагает Гильфердинг пролетариату направить его «сознательную деятельность»?

Мы уже показали, как Гильфердинг разделался с надоевшими ему «законами капиталистической системы». Тем самым маститый «теоретик», псевдо-марксизма весьма «облегчил» себе задачу. Он обеспечил себе, таким образом, «право»—вместо анализа капиталистической действительности и всех факторов капиталистического развития и его перспектив—произвольно вырвать из сложного комплекса процессов капиталистического развития только то, что ему нравится, абстрагируясь от противоречий развития капитализма, и сконструировать идиллическую теорию «мирного» и «плавного» развития.

Гильфердинг считает существенными и симптоматичными только моменты организации сил капитализма и, исходя из этой посылки, отрицает перспективу Zusammenbruch'а и намечает перспективу эволюционной трансформации капитализма в социализм в условиях буржуазной демократии.

Выводы Маркса о неизбежности социалистической революции основываются на анализе противоречий капиталистического развития; вполне естественно, что ренегат, ставящий себе целью доказать исключенность социалистической революции, абстрагируется как раз от противоречий капитализма, т.-е. от основных законов движения капитализма, т.-е. от того, от чего абстрагироваться нельзя при решении проблемы социалистической революции.

Но г. Гильфердинг давно забыл азбуку марксизма. Он не видит противоречий развития капитализма, он не замечает обострения этих противоречий, он воспевает «организованный» капитализм.

> «Итак,—заявляет он в своей речи,—организованный капитализм означает в действительности принципиальную замену капиталистического принципа свободной конкуренции социалистическим принципом планомерного производства. Это плановое, сознательно руководимое хозяйство делает в гораздо большей мере возможным сознательное воздействие общества, что не может быть ничем иным, как воздействием единственно сознательной и располагающей силой принуждения общественной организации, т.-е. государства».

Г-ну Гильфердингу достаточно того, чтобы в рамках капиталистических об'единений проявляло себя «плановое начало», чтобы кричать о внедрении социализма, хотя ему прекрасно известно, что эти об'единения ведут между собою ожесточеннейшую конкурентную борьбу, тем более чреватую последствиями, чем более мощны и консолидированы силы конкурентов.

Г-н Гильфердинг, как автор «Финансового капитала», прекрасно понимал, что плановость в рамках капиталистических об'единений отнюдь не исключает конкурентной борьбы между этими об'единениями, а, наоборот, ведет к обострению этой борьбы.

Г-н Гильфердинг видит торжество «социалистического принципа планомерного производства» в сращивании капиталистических экономических организаций с капиталистическим государством. Но он «абстрагируется» от такой «мелочи», как обострение конкурентной борьбы тех мощных империалистических экономических сил, которые представлены враждующими империалистическими государствами,—он «абстрагируется» от решающего в нашу эпоху факта борьбы империалистических гигантов за новый передел мира.

Итак, Гильфердинг, как полагается ренегату, приукрашивает капитализм и рвет с марксизмом, когда он пытается «абстрагироваться» от конкурентной борьбы империалистических сил.

Но лакействующий перед буржуазией теоретик Второго Интернационала не ограничивается этой ревизией. Он производит глубочайшую ревизию всех основных понятий марксизма о буржуазном обществе.

Ведь, даже самому неразвитому рабочему, имеющему о марксизме элементарнейшее представление, известно, что Маркс говорил об основных признаках капиталистического производства.

Можно ли утверждать, что хозяйство современных капиталистических стран перестало быть товарным? Отнюдь нет!

Можно ли отрицать, что средства производства в этих странах принадлежат классу капиталистов? Разумеется, нет!

Возможно ли отрицать тот факт, что эксплоататорское потребление товара—рабочей силы—является основным источником капиталистической прибыли и капиталистического накопления в этих странах? Это тоже невозможно опровергнуть.

Но если это так,—а это так,—то никакое изменение организационных форм и организационных связей капитализма не дает оснований говорить о принципиальном изменении классовой основы современного буржуазного общества. Поставьте на одну минутку вопрос о социальном облике производства, хозяином которого является какой-нибудь капиталистический трест, чтобы понять, что Гильфердинг не имеет с Марксом ничего общего в принципиальных постановках вопроса о сущности капитализма!

В рамках трестированного производства, внутри него, самого по себе взятого, принцип свободной конкуренции уступает место принципу «планомерного производства». Вытекает ли из этого—только из этого, что трестированное производство перестало быть капиталистическим в своей основе? Конечно, нет. Ни один признак капиталистического производства не исчез с превращением ряда конкурирующих друг с другом капиталистических предприятий в систему трестированного производства.

Продукция этого производства поступает—в конечном счете—на рынок, средства производства принадлежат капиталистам, рабочая сила покупается этим трестифицированным капиталом для ее эксплоатации.

Таким образом, никакого социализма в трестифицированных капиталистических предприятиях найти невозможно, если рассматривать вопрос с точки зрения социально-экономической системы Маркса.

Гильфердинг не может не понимать, что его новые теории обязывают его поставить крест на всех основных положениях его «Финансового капитала». Ведь, в этом труде он, анализируя развитие монополий и трестификации производства, подчиненного финансовому капиталу, доказывал, что новые организационные формы капитализма, свойственные эпохе империализма, ни в какой мере не опрокидывают классово-антагонистических буржуазных основ последнего.

А теперь, согласно его логике, один факт планирования производства в рамках капиталистического треста означает торжество «социалистического принципа планомерного производства»!

Тем не менее, Гильфердинг «стыдится» признать этот процесс «смены вех», как «стыдится» прямо отрицать правильность экономической системы Маркса. Он даже до известной степени, формально «солидаризируется» со «старым» Марксом, с его положением о принципиальном противоречии между капитализмом и социализмом, как экономическими системами.

«Итак,—заявляет он,—нет никакого сомнения: формула противопоставления капитализма и социализма верна... Эта формула верна и с исторической и с экономической точки зрения».

Но... разве не ясно, что Гильфердинг, исходя из своих посылок, обязательно должен выставить против Маркса оппортунистическое «но»?

«Но исчерпывает ли она,—продолжает Гильфердинг,—политическое содержание нашей эпохи? Как представители массовой партии, мы всегда стоим перед дилеммой: мы должны обращаться к массам с возможно более простой и понятной формулой, но, с другой стороны, каждая такая общая формула несет с собой ту опасность, что она слишком связывает политику партии (ну, конечно! *А. С.*), потому что на каждом шагу можно возразить: этот политический шаг противоречит общей формуле».

Подленький теоретик реформистского «марксизма» вертится, как угорь. Формула Маркса, противопоставляющая капитализм социализму, «исторически и экономически верна». Но она, видите ли, слишком обща для современных «марксистов», политические выступления которых связывает «общая формула» Маркса.

Ну, и, разумеется, с точки зрения Гильфердинга, уже появилась необходимость в некоторых конкретных «поправках», которые диктуются оппортунистическим пониманием «политического содержания эпохи».

Гильфердинг ревизует по существу экономическую систему Маркса, находящуюся у последнего в полном созвучии с его общим мировоззрением и его политической программой,—но Гильфердинг не хочет эту ревизию декларировать формально.

Зато он открыто возглашает и формальную ревизию марксовой системы, когда вводит в анализ **политический** момент.

Капиталистические об'единения с внутренней плановостью в хозяйствовании имелись и раньше,—тем не менее Гильфердинг не говорил раньше о торжестве социалистических принципов в «организованном капитализме».

Новое, что особенно подчеркивает Гильфердинг и в чем он видит основание для тезиса об «организованном капитализме», заключается в усилении государственно-капиталистической тенденции. Отмечая растущую роль государства, как регулятора в области экономического

развития, Гильфердинг пытается «доказать», что «организованный капитализм» перерастает в социализм в силу того, что буржуазное государство, испытывающее все большее воздействие рабочего класса, во все большей мере выступает носителем социалистических принципов.

Останавливаясь на вопросах социально-экономического законодательства буржуазного государства, Гильфердинг отмечает, что самый факт этого законодательства еще не означает торжества системы «организованного капитализма»: это законодательство имелось и раньше.

«Но,—заявляет Гильфердинг,—что **важнее** и что **ново**, так это государственное регулирование в области, которая касается непосредственно рабочей судьбы, именно в области рынка труда. Мы имеем благодаря революции страхование безработных. Это означает совершенно определенное регулирование спроса и предложения на рынке труда. Мы имеем теперь благодаря системе тарифных договоров, благодаря арбитражным судам политическое регулирование заработка и политическое регулирование рабочего времени.

Персональная судьба рабочего определяется политикой, которую ведет государство...

Это, естественно, есть нечто новое в капиталистическом хозяйстве, это есть элемент большого экономического, социального и политического значения.

Это стало возможным только потому, что мы имеем организованное хозяйство, которое в растущей мере подвергается сознательному организационному воздействию со стороны общества, со стороны государства».

Более пошло и беззубо аргументировать трудно. Если принять всерьез «аргумент» Гильфердинга, то, ведь, придется признать, что уже сотни лет существует это «новое» «организованное» капиталистическое общество!

Разве еще в эпоху первоначального капиталистического накопления у самой колыбели буржуазного общества государство не выступало с регулирующими функциями на рынке труда?

Разве в эту эпоху, когда в Англии «овцы вытеснили людей», государство не выступало с законом против бродяжничества пролетариев?

Разве в эпоху «органического», «нормального» капитализма государственное законодательство не распространялось на область условий труда? Что же здесь нового?

Разница-то между старым и новым только количественная, а не качественная, ибо капитализм господствует попрежнему, ибо государство буржуазии в области своего законодательства и в своих регулирующих функциях выполняет волю капитала, ни одним своим шагом не нарушая основ капиталистической политики. Гильфердинг не доказал и не может доказать обратного. Но расчистить почву для подобного «доказательства» он пытается именно с политического конца.

Экономическая система капитализма—с точки зрения Гильфердинга—эволюционирует в социалистическом направлении потому, что государства в капиталистических странах все больше начинают, под влиянием рабочих организаций, воздействовать на капитализм в смысле его перестройки на социалистический лад, что эти государства становятся фактором социалистической социально-экономической политики. Он выступает с **прямой и циничной ревизией марксовой теории государства**.

Марксова теория, «оказалось», устарела в силу своего общего, универсального характера.

«Маркс, несомненно, указал на решающий признак государства, сказав, что его следует рассматривать не только, как политический

институт, но и со стороны его социального содержания, которое состоит в том, что господствующие классы пользуются государственной властью для сохранения своего господства. Но это данное Марксом определение не есть теория государства уже потому, что оно относится ко всем государственным образованиям с самого начала возникновения самого общества. А нам важно выяснить отличительные признаки развития государства».

Итак, для анализа развития государства теория государства Маркса, по Гильфердингу, не годна.

Идеолог социал-реформизма вместо теории государства Маркса предлагает свою «новую» теорию государства, которая может быть «ключом» к пониманию развития государства. Как же выглядит эта теория?

«Для нас, социалистов, должно быть ясным, что организация состоит из членов, руководства и аппарата, т.-е. что государство— с политической точки зрения—это не что иное, как правительство, аппарат управления и граждане, составляющие государство.

С другой стороны, это значит, что существеннейшим элементом всякого современного государства являются партии, потому что отдельное лицо может выявить свою волю только при помощи партии. Вследствие этого все партии являются необходимыми составными частями государства в такой же мере, как правительство и административный аппарат.

Это означает в то же время признание основы марксистского определения, так как борьба партий отражает борьбу классов между собой и является выражением классовых противоречий».

Гильфердинг может торжествовать: он блестяще «развил» Маркса. Государственная власть в Германии, «оказывается», находится не в руках буржуазии, а в руках всех классов и всех партий: за государственную политику Германии отвечают и империалисты, и безработные пролетарии, и сановные казнокрады, и эксплоатируемые массы. За угнетение Китая английским империалистическим государством отвечают и капиталисты и рабочие.

Между государством и обществом поставлен знак равенства. Гильфердинг уткнулся в пошленькую «теорийку» буржуазных законоведов, для которых государство это—«вся нация», об'единенная территорией и пр. и т. п.

«Новая» теория оказалась на поверку старым, обветшалым идейным хламом буржуазного происхождения. Само собой разумеется, что из этой буржуазной теории может «проистекать» только буржуазная политическая практика. Само собой разумеется, что Гильфердинг целиком и полностью стоит на почве приятия буржуазного государства.

Само собой разумеется, что главную задачу «социалистической» партии он усматривает в завоевании хорошего места у правительственного пирога. Само собой разумеется, он против принципиального отрицания коалиции (как можно быть против нее проповеднику буржуазной теории государства?).

«... Покрывается ли борьба за единое государство формулой: «Капитализм или социализм?» Если мы можем достичь кое-чего для осуществления единого государства путем вхождения в правительственную коалицию,—то должны ли мы сказать: нет, ни при каких условиях? Это совершенно невозможная позиция, и уже это доказывает, что с формулой «капитализм или социализм» политически в очень многих ситуациях ничего не сделаешь».

Таковы «итоги» «исследования», такова «пристань» буржуазного либерала Рудольфа Гильфердинга. Таково лицо ренегата.

Е. Варга.

Основные проблемы китайской революции[1]).

Вряд ли сыщется в настящее время другая страна в мире, в которой совмещены столь разнообразные и противоречивые черты, как в Китае. Отсюда большие трудности для об'яснения и синтеза китайских событий. Мы считаем возможным дать следующую характеристику всего совершающегося в Китае процесса в его самых общих чертах.

Китай находится в периоде революционного переворота, а именно перехода от докапиталистического строя, покоящегося на простом воспроизводстве («азиатский способ производства» у Маркса) и содержащего много элементов феодализма, через этап неполного, полуколониального капитализма к рабоче-крестьянской диктатуре.

Своеобразие в данном случае заключается в том, что при особенной структуре китайской экономики переход к капитализму сопряжен не только с разрушением докапиталистических производственных отношений, но также с катастрофическим упадком самого производства, а следовательно, с чрезвычайным ухудшением положения всех трудящихся. Поэтому еще до полного преобразования в капиталистическое общество наступает крестьянская и рабочая революция, которая одновременно направляется как против старой феодально-докапиталистической эксплоатации, так и против новых способов эксплоатации (туземной и империалистической). Эта революция должна вступить в борьбу со всеми слоями господствующего класса: землевладельцами, милитаристами, китайской и иностранной буржуазией.

В нижеследующем мы делаем попытку исследовать некоторые главные моменты этой в высшей степени сложной китайской эволюции, чтобы получить возможность сделать выводы относительно главной проблемы: существует ли для китайской буржуазии возможность разрешения аграрной проблемы на буржуазных началах?

Мы считаем этот вопрос основным для дальнейшей судьбы китайской революции, считаем, что рассмотрение его должно быть положено в основу анализа проблем китайской революции. Если бы китайской буржуазии удалось разрешить аграрный вопрос на буржуазных началах, промышленный пролетариат Китая не в состоянии был бы привлечь на свою сторону массу крестьянства. А без поддержки крестьянского класса, а тем более в борьбе с крестьянством, молодой и численно слабый промышленный пролетариат не в состоянии свергнуть господство буржуазии (китайской и чужеземной) и милитаристов. Поэтому аграрный вопрос является основной, центральной проблемой современного Китая.

Исследователь аграрного вопроса, как и всякого другого вопроса китайской общественной жизни, наталкивается на следующие трудности:

[1]) В порядке обсуждения.

на незнание языка, на отсутствие необходимых и сколько-нибудь точных статистических данных [1]), на тот факт, что китайская культура проявляется в совсем иных формах, нежели европейская, и т. д. Поэтому все дальнейшие наши рассуждения необходимо понимать с самыми широкими оговорками.

Аграрный вопрос и своеобразие китайского феодализма.

Мы считаем, что для понимания китайского аграрного вопроса применение термина «феодализм» к характеристике китайских условий принесло больше вреда, нежели пользы [2]). Этот термин правильно характеризует некоторые факты китайской жизни, но применение его имеет тот недостаток, что многие просто принимают все элементы европейского феодализма за существующие также в Китае, что никак не соответствует действительности и известным образом запутало вопрос.

Мы можем называть социальную структуру Китая феодализмом только в том случае, если употреблять этот термин в смысле «докапиталистических» отношений. Мы пока абстрагируемся здесь от тех элементов перехода к капитализму, которые имелись и в Европе на известной стадии развития. Докапиталистические элементы имеются как в европейском феодализме, так и в общественной структуре Китая, но в рамках этой общности имеются весьма большие расхождения. Попытаемся наметить главнейшие из них.

Экономической основой европейского феодализма было сеньориальное поместье (Grundherrschaft) и крепостное право. Первое давалось королем как феод и переходило по наследству из рода в род. Но высота дохода зависела не столько от размеров землевладения, сколько от числа крепостных. Решающее значение имело распоряжение рабочей силой, а не простое распоряжение землей. Регистрировалось не число гектаров, а число «душ»! Только переход к капитализму—в связи с сильным увеличением населения—дал перевес земле, как производственному фактору, над рабочей силой, как производственным фактором (снос крестьянских дворов в Англии, Пруссии и т. д.).

Совершенно другое мы видим в Китае. Главный экономический базис феодализма (поместное хозяйство, если оно вообще когда-либо существовало здесь) был разрушен уже прежними аграрными революциями [3]). Особой проблемой является—мы здесь не будем заниматься ею—вопрос: почему, несмотря на это разрушение экономической основы феодализма, поместного хозяйства, почему, несмотря на наличие техники, которая скорее была выше, а не ниже техники европейского периода мануфактуры, в Китае не развился свой, автохтонный капитализм, почему эволюция не

[1]) Вот некоторые примеры ненадежности китайской статистики. Цифра народонаселения Китая официально указывается в настоящее время (оценка почтового ведомства) в 436 миллионов. Американские и английские статистики утверждают, что она никоим образом не выше 300 миллионов. Урожай пшеницы в Китае указывается в издаваемом американским министерством торговли ежегоднике China. A Commercial and Industrial Handbook (стр. 69) между 200 и 600 млн. бушелей. О китайском землевладении циркулируют самые различные ненадежные данные.

[2]) Маркс и Энгельс, говоря об Азии, употребляют выражение «азиатский способ производства», а не термин «феодализм».

[3]) Поскольку нам известно, до сих пор нет мало-мальски годной истории Китая. Но судя по дошедшим смутным записям и описаниям, можно, повидимому, считать несомненным, что в тысячелетней истории Китая имелось несколько аграрных революций. Вообще сомнительно, был ли когда-либо в Китае действительный феодализм. Поэтому не вполне правильно говорить также об «остатках феодализма»; быть может, правильнее было бы говорить об «элементах феодального характера».

пошла далее совместимой с феодализмом стадии торгового и ростовщического капитала? Итак, в собственно Китае издавна решающее значение имело не распоряжение над землей. Мы подчеркиваем, что речь идет о Китае в собственном смысле слова, а не о все еще редко заселенных окраинных областях: Манчжурии, Монголии, Тибете. Пять шестых населения Китая издавна скучены на одной трети его территории. В этой главной части Китая уже давно (или, быть может, никогда) не существовало поместий и крепостничества в смысле европейского феодализма.

Во избежание недоразумений и превратного толкования подчеркиваем: в Китае, разумеется, имеется крупное землевладение, но нет поместного хозяйства. (Если крупные землевладельческие хозяйства обнимают не, как в Европе, десятки тысяч гектаров, а самое большее несколько сот гектаров, в большинстве же случаев лишь несколько десятков гектаров, — то экономически это, тем не менее, настоящее крупное землевладение: не следует забывать, что в Китае жатва снимается три-четыре раза в году). Здесь тоже существует класс, живущий доходом с земельной ренты. Но хотя эта рента во многих случаях еще остается натуральной рентой, она все-таки не является в собственном смысле феодальной, сеньориальной рентой. Землевладение расщеплено, земля постоянно продается и покупается за деньги. Класс, получающий ренту, не является привилегированным сословием, как сеньориальное, поместное дворянство в европейском феодализме, а теснейшим образом переплетается с классом торговцев и ростовщиков. Прибыли торгового и ростовщического капитала, имущество, награбленное на государственной службе, издавна помещаются в землевладении.

Крепостничество существует в Китае и по настоящее время. Но оно не носит чисто-феодального характера. Его экономическая сущность заключается не в том, как в феодализме, что сеньор, обладающий большим количеством земли, но малым количеством рабочих сил, прикрепляет последние к земле. Для этого в Китае с его громадным избытком населения нет надобности. Здесь, напротив, крепостничество возникает таким образом: бедный крестьянин-арендатор связан вследствие недостатка земли со своим землевладельцем, часто оказывается задолженным ему и вынужден предоставлять ему, помимо собственно земельной ренты, также значительную часть своей заработной платы, он фактически находится в полной власти землевладельца, закрепощен последним душой и телом. Но экономическая основа этого крепостничества иная, в некотором смысле даже противоположная тому, что имеет место при настоящем феодальном крепостничестве.

Эти на первый взгляд несущественные различия имеют кардинальное значение для дальнейшей судьбы китайской революции. В Китае невозможна аграрная революция, руководимая буржуазией, революция «третьего сословия», совместная революция буржуазии и крестьянства [1]) против феодальных землевладельцев (тип французской революции). Она невозможна потому, что здесь нет настоящего феодального землевладения, потому что все слои буржуазии здесь в то же время получают земельную ренту, следова-

[1]) Некоторые товарищи считают ошибкой говорить о крестьянском классе, как целом, так как внутри его противостоят друг другу крестьянская беднота, крестьяне-середняки и богатые крестьяне, как отдельные классы. Мы думаем, что весь спор о том, представляет ли крестьянство один класс или только сборное имя для трех отдельных классов, поставлен недиалектически. В известных исторических ситуациях, например, в борьбе против феодального землевладения, все крестьянство выступает как единый класс. Вне этой борьбы крестьянство дифференцируется на три класса, при чем в одних случаях богатые крестьяне и середняки выступают сообща, в других случаях середняки и крестьянская беднота образуют единое целое. В нашей связи можно с полным правом говорить о крестьянстве, как едином целом.

тельно, не могут делать революцию против самих себя. Буржуазия не может освободить крестьян от фактического крепостничества, поскольку последнее существует, не может потому, что именно она, именно торговый капитал в связи с земельной собственностью толкают крестьян в долговое рабство. Буржуазно-демократическая аграрная революция должна быть проведена в Китае в борьбе против буржуазии! Китайское крестьянство может сбросить с себя громадное бремя ростовщической ренты только в союзе с пролетариатом, следовательно, также не в рамках капиталистического строя.

К вопросу об экономической основе феодализма в Европе и Китае надо подойти еще с другой стороны. В Европе сельское хозяйство не построено на искусственом орошении, поэтому здесь возможно точное отграничение между двумя соседними поместьями (в настоящее время—также между каждым крестьянским хозяйством), они вполне самостоятельны. В Китае же сельское хозяйство испокон веку покоилось преимущественно на искусственном орошении, проводимом на весьма малых участках земли; зто делает здесь жизненной необходимостью организацию водного хозяйства, а оно может быть осуществлено только сообща для больших или малых территорий. Отсюда традиционная связанность, часто с религиозной окраской. Мы ниже вернемся подробнее к вопросам водного хозяйства. Здесь имеются злементы феодализма, но тоже другого характера, нежели свойственные европейскому феодализму. Функции государства были тоже чревычайно различны в европейском феодализме, с одной стороны, и в Китае—с другой стороны. В Европе в период феодализма в сущности не существовало государственной организации. Земля делилась на отдельные сеньориальные владения, владельцы которых, феодалы, время от времени об'единялись под главенством суверена для военных предприятий, при чем каждый сеньор приводил свои войска, или же они вели войну между собой. Управление, суд и пр. были функциями сеньориального, поместного землевладения. В Китае, напротив, государству принадлежат важные функции, простирающиеся на всю область: организация распределения риса во всей области, организация в важных областях водного хозяйства и надзора за ним и т. д. Соответственно зтому в Китае существовал особый слой государственных чиновников, которые должны были сдавать зкзамены по строгому уставу и образовали ученую чиновничью аристократию феодального характера; напротив, европейские феодалы в общем были неграмотны и очень мало заботились о государственных делах вне границ их поместий.

Итак, общественная структура Китая, имевшая место до проникновения иностранного капитала и в значительной части существующая и теперь, носит докапиталистический характер, содержит многие злементы феодализма, но не является феодализмом в европейском смысле, так как в ней отсутствуют поместное хозяйство и феодальное крепостничество. С зтой точки зрения зта структура является более передовой, чем феодализм. Но, с другой стороны, в ней имеются традиционные социальные узы, отчасти сохранившиеся в наше время еще от периода, предшествовавшего феодализму: важное значение семьи в хозяйственной жизни [1]), все еще существующее в отдельных случаях рабство, культ предков, благодаря которому очень много земли устраняется от возделывания, и т. д. Из зтой своеобразной структуры вытекает, что в Китае некоторые слои получают феодальный доход за счет крестьянства без какого-либо зкономического базиса или классового основания (Klassenrechtstitel), чисто-традиционным путем:

[1]) Для китайского фабриканта считается моральиой обязаиностью устраивть в своем предприятии свою близкую и далекую родию, двже если эти родичи не годятся для требуемой работы.

обедневшие джентри, которые содержатся за счет деревни, потому что являются посредниками между ней и администрацией и т. д. Итак, мы имеем здесь феодальные злементы специфически китайского образца.

Называть нынешнюю зкономическую структуру Китая просто феодализмом не приходится также из соображений политической стратегии. Это может повести к оппортунистическим ошибкам: к предположению, что по аналогии с Европой за феодализмом должен последовать более или менее продолжительный буржуазный режим. При зтом упускают из виду два чрезвычайно важных момента:

а) Продолжающийся еще в настоящее время процесс перехода общественного строя Китая из докапиталистического в капиталистический не является автохтонной зволюцией, а произошел под воздействием империалистического капитализма: переход к капитализму в то же время означал подчинение Китая иностранному капиталу, превращение его в полуколониальную страну империалистических держав.

б) Переход происходит в настоящее время упадочного капитализма, когда капитализм уже свержен в значительной части земного шара и между империалистическими государствами происходит свирепая борьба за мировые рынки сбыта, которая необходимо ведет к новой войне за новый передел мира.

Эти два **момента**—переход Китая к капитализму в период упадка мирового капитализма и в форме превращения Китая в полуколонию империалистических государств—не позволяют видеть в этом переходе просто аналогию с переходом европейских стран от феодализма к капитализму.

Процесс перехода к капитализму.

В нашу задачу не входит рассматривать историческое развитие Китая. Подчеркнем лишь следующее: хотя в истории Китая имели место одна или несколько аграрных революций и хотя китайская техника достигла ступени, аналогичной технике мануфактурного периода в Европе, здесь не произошло самостоятельного перехода к промышленному капитализму. До проникновения иностранного капитала зкономика Китая в сильной степени отличалась чертами «азиатского способа производства», бесконечного повторения производственного процесса в том же масштабе, с той же техникой [1]).

«В Азии, где натуральная форма земельной ренты, являющаяся в то же время главным злементом государственных налогов, покоится на производственных отношениях, которые воспроизводятся в таком же неизменном виде, как естественные отношения...» (К. Маркс. «Капитал». Т. I. ГИЗ. 1928 г. Стр. 88).

В другом месте Маркс говорит об Индии:

«Простота производственного механизма этих самодовлеющих общин, которые постоянно воспроизводят себя в одной и той же форме и, будучи разрушены, возникают снова в том же самом месте, под тем же самым именем, об'ясняет тайну неизменности азиатских обществ, находящейся в таком резком контрасте с постоянным разрушением и новообразованием азиатских государств и быстрой сменой их династий. Структура основных зкономических злементов зтого общества не затрагивается бурями, происходящими в облачной сфере политики» (там же, стр. 271).

[1]) «Китайский земледелец работает способами и орудиями, которым 2.000 лет», читаем мы в справочнике американского министерства торговли о Китае, стр 222.

Существование «азиатского способа производства», экономического базиса, воспроизводимого в неизменном виде, нисколько не исключает образования известных видов капитала.

«Средние века завещали две различные формы капитала, которые достигают зрелости в совершенно различных общественно-экономических формациях и до наступления эры капиталистического способа производства считаются капиталом вообще: ростовщический капитал и купеческий капитал...».

«Превращению денежного капитала, создавшегося путем ростовщичества и торговли, в промышленный капитал препятствовал феодальный строй в деревне, цеховой строй в городе» (там же, стр. 602).

Действительно, уже сотни, даже тысячи лет назад в Китае существовал торговый капитал. Китайские торговцы заносили изделия китайских ремесленников и китайской домашней промышленности до самой Индии и Европы. Однако, здесь вывозился за границу излишек над,—правда, очень низким—собственным потреблением. Точно так же ростовщический капитал, как жестоко он ни эксплоатировал независимых производителей, очевидно, не затрагивал основы простого воспроизводства (воспроизводства в равномерном масштабе), и именно поэтому не привел к образованию собственного промышленного капитализма.

«Здесь достаточно простого указания на ублюдочные формы, при которых прибавочный труд уже не выжимается из производителя путем прямого принуждения и, с другой стороны, еще не выступило его формальное подчинение капиталу. Тут капитал еще не овладел непосредственно процессом труда. На ряду с самостоятельными производителями, занимающимися ремеслом или земледелием в традиционных, унаследованных от предков формах, выступает ростовщик или купец, ростовщический или торговый капитал, паразитически эксплоатирующий их. Преобладание в обществе этой формы эксплоатации исключает капиталистический способ производства, хотя, с другой стороны, именно она может составить переходную ступень к этому последнему, что было в конце средних веков» (там же, стр. 396).

Маркс несколько раз возвращается к этой аргументации. Так, например, в III томе:

«Однако, развитие его (торгового капитала), взятое само по себе..., недостаточно, чтобы повести к переходу от одного способа производства к другому и об'яснить этот переход (стр. 111/2 нем. изд.). Далее он говорит:

«Самостоятельное и преобладающее развитие капитала в форме купеческого капитала равносильно неподчинению производства капиталу, т.-е. равносильно развитию капитала на основе чуждой ему и независимой от него общественной формы производства. Следовательно, самостоятельное развитие купеческого капитала стоит в обратном отношении к общему экономическому развитию общества» (III том, 1 ч., стр. 252, русск. изд. 1928 г.).

Положение изменилось, когда империалистические государства Европы насильственно основались на берегах Китая и капитал в его высшей стадии развития стал покорять себе эту страну. Важнейшими процессами—в этой связи— нам представляются следующие:

а) Империалистический капитал подчиняет себе те виды капитала, которые возникли в докапиталистической стадии Китая: торговый капитал и ростовщический капитал. В классовом отношении это означает, что весь калейдоскоп живущих на нетрудовые доходы слоев китайского господствующего класса: государственные чиновники, джентри, торговцы, банкиры, ростовщики, прямо или косвенно, в большей или меньшей мере служат иностранному капиталу, весь господствующий класс принимает характер «компрадора».

В собственном смысле компрадором называется состоятельный китайский купец, служащий посредником между иностранным капиталом и китайскими торговцами: как покупателями заграничных товаров, так и поставщиками сырья. Компрадор служит посредником при продажах, гарантирует платежеспособность покупателя на случай его кредитования (в полной сумме или на 30—75%), ищет покупателей для иностранных товаров и улаживает все деловые споры. При закупках он гарантирует кредиты местным собирателям сырья, устанавливает связь между иностранными торговыми фирмами в больших портах и китайскими провинциальными торговцами и т. д. Отчасти функции его аналогичны функциям английского брокера. Обычно он получает очень небольшую твердую оплату, главный же доход его составляют провизионные, установленные в известном процентуальном размере. Обыкновенно он имеет нескольких служащих, которых он оплачивает из своего дохода и которые ответственны лично перед ним; впрочем, они могут поступить к нему на службу только с разрешения иностранной фирмы и должны быть удалены по ее требованию. Благодаря провизионным, компрадор теснейшим образом заинтересован в успехе «его» иностранной фирмы (каждый компрадор обслуживает только одну фирму) [1].

Величина страны, незнакомство с языком, отсутствие личных связей в туземном торговом мире, чересполосица мер и монет в различных провинциях, чуждые европейцу туземные торговые обычаи (все долги должны быть уплачены в день китайского нового года),—все это делает компрадора лицом, без которого не может обойтись иностранная фирма. Попытки иностранных фирм связываться с туземными торговцами непосредственно, без компрадора, а именно через собственные филиальные отделения в провинции, обыкновенно влекли большие потери. Только некоторые из самых крупных иностранных фирм работают без компрадоров.

С внедрением иностранного капитала китайский торговый капитал становится слугой его. Китайские торговцы собирают у крестьян для экспортных домов чай, табак, бобы, шелк и проч. Так как туземные торговцы гораздо беднее капиталом, чем иностранные фирмы и последние пользуются особыми привилегиями в качестве завоевателей, китайский торговый капитал попадает в растущую зависимость от иностранного капитала; равным образом китайский банковый и ростовщический капитал попадает в зависимость от иностранного, в первую очередь английского, банкового капитала.

Джентри и прежняя чиновничья аристократия тоже втягиваются в механизм, возникающий между иностранным капиталом и китайскими крестьянами (последние являются первыми поставщиками сырья и окончательными потребителями). Авторитет живущего в деревне чиновника из джентри оказывается полезным для бесперебойного хода сделок, этот чиновник получает за свою деятельность соответствующее вознаграждение. Таким образом, весь господствующий класс приобретает компрадорский характер.

б) Так как Китай был колонизирован не одним империалистическим государством, а несколькими (Англией, Японией, Францией, Америкой), при чем между этими государствами происходит ожесточенное соперничество, противоречия интересов империалистических государств переносятся на связанную с каждым из этих государств часть компрадорской буржуазии. Империалистические противоречия продолжают действовать внутри китай-

---

[1] Образец договора между компрадором и иностранной фирмой см. в американском справочнике по Китаю, стр. 388.

ской буржуазии, расщепляют ее и затрудняют консолидацию китайской буржуазии, как единого и цельного класса [1]).

в) Под влиянием иностранного капитала и в связи с ним происходит переход от торгового и ростовщического капитала к промышленному капиталу; китайский капитал не был в состоянии осуществить этот переход собственными силами. Этот процесс начался гораздо позднее, чем само проникновение иностранного капитала. Первые новейшие фабрики возникли в портовых городах, их построил иностранный капитал. Во время войны и непосредственно после нее процесс индустриализации пошел более быстрым темпом, затем замедлился, а в последнем году регрессировал вследствие гражданской войны [2]).

---

[1]) О том, с какой силой ведется борьба империалистических держав за китайский рынок, свидетельствуют нижеследующие таблицы.

Ввоз текстильных товаров распределялся между ними (в процентах стоимости) следующим образом (Справочник по Китаю, стр. 79, изд. амер. мин. торг.):

	1902 г.	1913 г.	1923 г.
Англия	55,3	53,3	35,2
Япония	2,7	20,2	51,0
С. Штаты	26,8	8,0	0,2
Другие государства . . .	15,2	18,2	13,8

Япония еще до антиимпериалистической революции полностью вытеснила из китайского текстильного рынка Соед. Штаты, Англию—на 40%

С другой стороны, участие Америки во всей внешней торговле Китая составляло в процентах (там же, стр. 42):

1904 г.	1913 г.	1923 г.
9	7	17

Понятно, столь значительные сдвиги, непосредственно затрагивающие интересы отдельных частей компрадорской буржуазии, связанной с иностранным капиталом, должны действовать на эту буржуазию расщепляющим образом.

О современном положении борьбы за китайский рынок имеется несметное число сообщений. Мы не будем останавливаться на них здесь подробнее.

[2]) Приводим цифры ввоза машин в Китай:

Годы	В млн. гонгк. таэлей	Курс. в ам. центах	В млн. долл.
1913—16 . . .	7,25	70	5,5
1917	6,5	103	6,7
1918	8,3	126	10,2
1919	15,5	139	21,5
1920	24,6	76	18,5
1921	58,8	76	44,7
1922	51,5	83	42,8
1923	28,6	80	18,9

Если принять во внимание изменение американского уровня цен, то самый большой реальный ввоз машин приходится на 1922 г. С тех пор он постоянно падал. К сожалению, у нас нет продолжения этой статистики. Но тенденция вполне выясняется из следующих данных:

По сводке в «Far Eastern Review» от 27/IX 1927 г., цит. в «Bulletin Quotidien», от 4/I 1928 г., ввоз машин в Китай составлял:

Годы	Млн. ф. ст.
1923	2,94
1924	1,91
1925	1,38

Очевидно, в эту сводку вошли не все те категории, которые вошли в американскую статистику, но тенденция ясна.

Развитие капиталистической промышленности наталкивается в Китае на большие препятствия. Изобилие чрезвычайно дешевой рабочей силы, возможность безмерной эксплоатации ее делают излишним технические усовершенствования, сохраняют в высшей степени примитивные виды труда, например, транспорт массовых товаров на плечах носильщиков и т. д. Поэтому китайская промышленность являет нам пеструю картину всевозможных форм производства: рядом с совершенно новейшими фабриками, оборудованными машинами по последнему слову техники, мы находим здесь старые виды мануфактуры, домашней промышленности с раздатчиками и т. д.

Другим препятствием является преобладающее положение империалистических государств. Хотя иностранный капитал основал промышленные предприятия и в самом Китае, до сих пор на первом плане стоят интересы промышленности метрополии, им принадлежит решающее слово. Это сказывается прежде всего в таможенной политике. Как известно, таможенная политика и таможенное управление Китая находятся в руках иностранных держав. Последние провели правило, что пошлины не должны превышать 5 или 7,5% нарицательной стоимости товара. При такой ставке молодая промышленность Китая лишь с трудом может конкурировать с большими промышленными государствами, несмотря на не знающую никакой узды эксплоатацию своих рабочих [1]). Другим отрицательным моментом для туземного промышленного капитала являются внутренние пошлины, так называемый ликин. Эти пошлины означают открытый ущерб туземному промышленному капиталу. Импортные товары могут с помощью так называемого «транзитного паспорта» перевозиться до самого края страны с уплатой только сбора в 2,5% от каждого платежа ликина, с туземных же товаров приходится на каждой внутренней таможенной линии уплачивать ликин, нередко 10—15 раз, так что эти внутренние пошлины составляют часто вдвое больше, чем первоначальная цена товара [2]).

---

[1]) Нижеследующая таблица показывает среднее таможенное обложение в процентах стоимости товара.

	Текст. тов.	Железо и жел. товары	Машины и аппар.	Все группы
Бельгия	14,1	12,4	13,2	11,4
Дания	14,3	8,8	7,1	13,2
Германия	24,0	16,9	10,9	20,8
Франция	70,6	110,0	38,9	58,1
Италия	18,6	60,7	25,4	28,6
Югославия . . .	29,9	41,1	22,8	34,8
Австрия	14,6	30,8	25,6	19,2
Польша	49,6	56,3	41,6	43,3
Румыния . . .	294,3	39,6	22,9	98,4
Швеция	18,6	22,8	15,5	19,5
Швейцария . . .	10,9	29,7	12,5	17,5
Чехо-Словакия . .	28,6	53,3	46,2	36,4
Венгрия	29,8	49,2	33,0	31,1
Китай	—	—	—	5—7,5

(Записка, представленная Венской торговой палатой на конференцию по мировому хозяйству в Женеве и перепечатанная в «Виртшафтсдинст» от 9 сентября 1927 г.).

[2]) «Уже между Пекином и Тсиентсином сборы составляют 12,5 процентов, между Тсиентсином и Калганом, важным пунктом по торговле кожами, шкурами, шерстью и другими монгольскими продуктами, — 60% Они составляются из целого ряда различнейших сборов в пользу того или другого милитариста, имеющего в данный момент власть. Юридически каждый иностранный экспортер, конечно, может отказаться от уплаты этих сборов, если только он запасся предварительно в экспортной гавани свидетельством, что он закупает для экспорта». (Пекинский корреспондент «Франкфуртской Газеты» от 16/IX 1927 г.).

г) Китайская буржуазия, взятая в целом, крайне бедна. Имущество всех слоев китайской буржуазии состоит в первую голову не в «произведенных средствах производства», а в земле, т.-е. только в праве (Rechtstitel) на земельную ренту, на эксплоатацию крестьян. Частные богатства—в этом сказалась старая культура китайцев—заключаются главным образом в художественных произведениях: драгоценных камнях, изваяниях, окрашенных ручным способом шелковых материях, предметах древности и пр. Все эти вещи не легко превратить в капитал. В Китае нет золотых приисков, поэтому, за исключением серебра, накопление сокровищ происходит здесь главным образом в виде собирания предметов искусства. Накопленный в течение тысячелетий прибавочный труд сохранился в виде плотин, каналов, китайской стены и бесчисленных храмов и монастырей. Существующий вообще в стране небольшой производительный капитал находится большей частью в руках иностранцев; во владении китайской буржуазии находится лишь минимальное количество [1]).

Этой бедностью «национальной» промышленной буржуазии Китая об'ясняется ее слабость. Бедность заставляет ее сотрудничать в самых различных формах с иностранной буржуазией, при чем она, конечно, попадает в зависимость от последней. Если, несмотря на слабость национальной буржуазии, ей принадлежало руководство Гоминданом и антиимпериалистическим национальным освободительным движением, то об'ясняется это тем, что она представляет самую высокую экономическую стадию развития—промышленный капитал, кроме того, теснейшим образом связана с мелкой буржуазией и современной интеллигенцией, наконец, также тем, что из всех слоев господствующего класса только ее интересы находятся в непосредственном противоречии с иностранным капиталом [2]).

---

[1]) Следующая таблица (из «Commerce Reports» от 28/XI 1927 г.), содержит интересное сопоставление богатства Соед. Штатов и бедности Китая:

	В тыс. счетн. единиц		
	Соед. Штаты	Китай	
Территория (кв. мили)	3.744	4.278	
Население	110	400	
Железные дороги (мили)	250	7	
Автомобильные дороги (мили)	500	5	(Предпол.)
Автомобили	22.000	22	
Телефоны	17.000	100	
Телеграф (мили)	1.850	84	
Мощность электростанций (киловатт)	14.000	250	
Мощность железодел. зав. (тонны)	45.000	500	
Хлопчатобум. веретена	37.000	3 500	
Ткацкие станки	650	26	
Добыча угля (тонны)	585.000	25.000	
„ хлопка (кипы)	15.000	2.500	
„ пшеницы (бушели)	800.000	300.000	(Предпол.)
„ Риса (бушели)	34.000	800.000	(Предпол.)

Как мы видим, за исключением риса, главной пищи китайского населения, кто последнее, хотя оно в три—четыре раза превосходит население Соед. Штатов, снабжено средствами производства в десять—сто раз меньше, чем Соед. Штаты

[2]) Программа Гоминдана, принятая на конгрессе в Кантоне в октябре 1926 г., полностью приспособлена в своих экономических требованиях к интересам буржуазии. Вот ее главнейшие пункты:

Покровительственные пошлины, автономные тарифы.

Правительственная поддержка промышленности: субсидии, налоговые льготы. Власти должны оказывать в своих заказах предпочтение китайским предприятиям.

Отмена привилегий иностранных предприятий.

Отмена ликина.

Единая налоговая система. Никаких произвольных обложений.

Единство валюты и мер.

Железнодорожное, шоссейное и портовое строительство, регулирование рек и т. д. («The China Yearbook», 1928 г., стр 1345).

д) В решительный момент национальная промышленная буржуазия предала дело национальной революции и перешла в лагерь империалистов. Причиной этой измены являются не только бедность и слабость национальной буржуазии, не только ее финансовая зависимость от иностранного капитала [1])—важнейшая причина лежит глубже.

Положение каждой колониальной или полуколониальной буржуазии носит двойственный характер. В качестве колониальной буржуазии она вместе со всеми трудящимися своей страны заинтересована в свержении чужого господства. Как буржуазия она вместе с империалистической буржуазией заинтересована в сохранении классового господства вообще. Она может стоять во главе национального антиимпериалистического движения только до тех пор, пока это движение носит буржуазный характер и не начинает переходить в социальное, антикапиталистическое движение. Но китайская национальная революция происходит в период упадочного капитализма, когда всюду на очереди стоит вопрос о свержении буржуазии; к тому же по вышеуказанным причинам в Китае невозможна совместная буржуазная и крестьянская революция, следовательно, широкие массы китайских крестьян и рабочих могут быть мобилизованы для дела национальной революции только с помощью лозунгов, выходящих за рамки буржуазной революции. По всем этим причинам национальная буржуазия не могла возглавлять национальную революцию, она должна была предать ее. С предательством буржуазии окончательно рухнула также ее партия, Гоминдан, как центр национальной силы [2]). Гегемония в национальной борьбе против империализма перешла к китайскому пролетариату и его авангарду, китайской коммунистической партии.

Развитие капитализма и крушение китайской империи.

В отличие от Европы, где капитализм действовал, как об'единяющая сила, в Китае развитие капитализма повело к распаду империи и к прекращению какого-либо центрального правительства.

В настоящее время Китай распадается на территории владычества отдельных генералов, быстро меняющие свои пределы.

В чем заключаются причины этого явления?

---

[1]) Одним из самых действительных средств борьбы английской буржуазии против национальной революции было прекращение кредитов, закрытие банков (так было в Ханькоу после нападения на английскую концессию, в Кантоне и т. д.).

[2]) Когда мы полгода назад услышали от китайских товарищей, что Гоминдан перестал существовать, как революционная сила, мы вначале сомневались в этом: слишком уж невероятным казалось, что партия, которая еще несколько месяцев назад имела на своей стороне восторженные симпатии масс, потеряла всякое влияние. С тех пор этот факт подтвержден бесчисленными информациями из капиталистического лагеря.

Так, например, «Таймс» пишет 23/XI—27 г.: «Партия Гоминдан совсем распалась на фракции, возглавляемые честолюбивыми политиками и милитаристами».

25/XI специальный корреспондент «Таймс'а» из Чангса пишет: «Огонь гоминдановского движения выгорел, и не осталось энтузиазма для проведения программы социальных улучшений, даже если бы экономические условия не делали подобные планы невозможными».

«Bulletin Quotidien», всегда очень хорошо осведомленный о положении в Китае, пишет 2.XII: «В настоящий момент это является почти совершившимся фактом (fait accompli). Гоминдан существует уже только по имени или в лучшем случае распыленный на отдельные враждующие между собой группки... Каковы бы ни были теоретические причины распада Гоминдана, этот распад—явный факт. Партия всецело во власти кучки мелких милитаристов-вешателей, отличающихся от старых тучунов только своим бо́льшим невежеством, бо́льшим честолюбием и низкими аппетитами. Их солдаты сражаются только для того, чтобы прокормиться, а так как они никогда не получают жалованья, они грабят, чтобы прокормиться».

Центральное китайское правительство, существовавшее до революции, выполняло на основе своей классовой политики некоторые общие функции:

1. защиту от внешнего врага;

2. содержание в сохранности водного хозяйства;

3. регулирование снабжения предметами первой необходимости с помощью целой сети магазинов риса.

1. Что касается защиты от внешнего врага, то с тех пор, как китайское правительство пришло в соприкосновение с империалистическими державами, оно каждый раз терпело фиаско в этой своей функции. Вследствие абсолютно отсталой военной техники Китая, каждое столкновение с сравнительно совсем незначительными, но вооруженными по последнему слову войсками империалистов кончалось поражением китайского правительства. При таких обстоятельствах оно должно было утратить свой авторитет. При азиатском характере китайского государства, в котором очень большую роль играют религиозно окрашенные традиции, эти позорящие поражения должны были оказывать разрушительное действие на всю систему.

Мы уже говорили о расщеплении китайских господствующих классов в результате проникновения империализма. Разумеется, это расщепление в сторону той или другой империалистической державы, накладывающей свою руку на Китай, должно было разлагающим образом действовать на государственную власть. В самом деле, ведь правительственный аппарат состоял из чиновников, вышедших из господствующих классов, главным образом из землевладельческого класса, и образующих с ними один класс.

2. Вследствие понесенных центральным правительством поражений и секвестрирования источников государственных доходов империалистами, это правительство не имело необходимых средств для регулирования в дальнейшем водного хозяйства, играющего кардинальную роль в китайском земледелии. Мы ниже еще вернемся к этому вопросу подробнее.

3. Проникновение империализма, строительство железных дорог, вовлечение Китая в мировое хозяйство,—все это открыло новые пути внешней торговле: традиционная система казенных магазинов риса не могла уже быть сохранена.

Побежденная и униженная империалистическими державами, не будучи в состоянии исполнять свои функции, имеющие жизненное значение для всего общества, центральная государственная власть должна была распасться, и власть перешла к милитаристам, сменяющимся быстрой чередой.

Власть этих милитаристов покоится на армиях наемников. Распространение капитализма, разложение крестьянского и ремесленного способа производства выбросили миллионы людей из производственного процесса. Из этих масс людей без всякого заработка образовались разбойничьи банды и армии наемников, при чем между теми и другими лишь небольшая разница и переход от одной формы к другой совершается с крайней легкостью. Во главе армий наемников оказались либо бывшие атаманы разбойничьих банд, как Чжан-цзо-лин и Чжан-цзун-чан, либо бывшие генералы, как У-пей-фу. Армии наемников, конечно, жили за счет областей, находящихся в их власти. Чем больше была такая область, тем больше были их доходы. Разумеется, в результате получалась непрерывная война между отдельными военными властителями за расширение зоны своего владычества и грабежа.

По внешности эта картина весьма напоминает режим кондотьеров на исходе средних веков в Европе. Но было бы совершенно ошибочным проводить между обоими этими явлениями знак равенства. Распад китайской империи и приход к власти отдельных милитаристов происходят под влиянием империализма. Это означает, что отдельные милитаристы могут воевать друг с другом, но не могут вступить в решительную борьбу с империализмом, должны более или менее приспособляться к желаниям последнего, по меньшей мере, каждый из них должен иметь опору в той или другой империалистической державе. Взаимная борьба милитаристов отчасти отражает вызванное империализмом расщепление самих господствующих классов Китая. Иногда она является замаскированной борьбой между империалистическими державами.

В отличие от средневековых кондотьеров китайские генералы в то же время являются крупными капиталистами. Они применяют самые новейшие средства первоначального накопления: помимо простого ограбления крестьян с помощью очень высоких налогов, взыскиваемых за несколько лет вперед, они грабят население, выпуская бумажные деньги без покрытия, похищая серебряные запасы банков, закупая на бумажные деньги сырье и продавая его за границу за золото, монополизируя важнейшие транспортные пути, монополизируя также торговлю отдельными важными товарами (шелк, контрабандный опий и проч.) на своей территории, наконец, основывая капиталистические предприятия: рудники, фабрики и проч. Из бывших разбойничьих атаманов они, если власть их продолжается достаточно долго, эволюционируют в крупнейших капиталистов страны. Все известные китайские милитаристы нахватали состояния в десятки миллионов и отчасти поместили их в иностранных валютах в банках на территории так наз. концессий. Распад государства и образование местных военных властей происходит параллельно с глубоким разложением основ китайской экономики, при чем возникают большие капиталистические имущества, нахватанные способами первоначального накопления.

Интересы империалистических держав в этом пункте имеют противоречивый характер. С одной стороны, наличие сильного центрального правительства позволило бы им грабить и колонизировать Китай с меньшей опасностью для себя, чем это происходит ныне; для этого они могли бы пустить в ход свое военное превосходство. Но центральное правительство, сильное внутри страны и бессильное по отношению к чужим государствам,—вещь невозможная. Поэтому империалистические державы должны действовать в сторону развала китайского централизованного государства, сколько бы они ни уверяли в противном. Что это действительно так, показывают военные мероприятия, неоднократно принимаемые империалистическими державами, в особенности Японией и Англией, против проникновения национальной революции на север.

Развал Китая на многочисленные и меняющиеся в своих границах отдельные сатрапии необходимо ведет, однако, к катастрофическому ухудшению экономического положения всей страны; здесь надо иметь в виду особые условия китайского земледелия, жизненной потребностью которого является регулирование орошения, водное хозяйство.

Разложение крестьянства под влиянием капитализма.

Сельское население Китая не образует единого крестьянского класса, сидящего на собственной земле, как утверждают буржуазные писатели, но искони делилось—хотя при всеобщей бедности—на крестьян-собственников, крестьян-арендаторов и трудящихся крестьян, работающих по найму; между ними—различнейшие переходные ступени. Крестьяне искони самым жестоким образом эксплоатируются землевладельцами, ростовщическим капиталом, государством, так что накопление имеет место у крестьян только в исключительных случаях, только у самых богатых, и воспроизводство происходит в общем всегда в одном и том же масштабе.

О классовом составе китайского крестьянства статистики не имеется, как, впрочем, и во всех других государствах [1]). Однако, имеются различные отдельные исследования; приведем здесь для примера результаты одного такого исследования.

Западно-китайский университет произвел в 1926 г. обследование 50 крестьянских дворов, а именно: в провинции Сечуан, в равнине Тсенту, одной из самых богатых территорий Китая, называемой «садом Китая». Равнина превосходно орошена: уже Рихтгофен описал ее оросительную систему, как чудо китайской культуры. Из 50 обследованных хозяйств 22 имели только собственный участок, 5 приарендовывали к нему чужую землю, 23 были чисто-арендаторские хозяйства. Так как пять смешанных хозяйств и без того слишком малая цифра для того, чтобы можно было делать выводы, мы не будем касаться этой группы. Отметим, что в этой работе не указывается, по каким принципам происходил выбор хозяйств, как об'ектов обследования; мы имеем основания предполагать, что в обеих группах были выбраны более или менее крепкие, лучшие хозяйства. Тем не менее и это обследование позволяет сделать достаточные выводы о сильном классовом расслоении китайского крестьянства.

22 собственника имели в среднем участки величиной в 73 му (16 му равны одному гектару). Напротив, на каждого из 23 арендаторов приходилось в среднем только 30 му.

Стоимость строений оценивается у собственников примерно в 1.114 мексиканских долларов, у арендаторов—в 410. (В дальнейшем мы под долларами всегда разумеем мексиканские доллары).

Нужда в земле поднимает цены на землю. В среднем цена, уплаченная (за землю) собственником, указывается почти в 10.000 долларов, т.-е. свыше 2.000 долл. или около 4.000 марок за гектар. Этому соответствует высота арендной платы. Она составляет в среднем 12 долларов за му, но колеблется между 8,9 и 14 долларами, что составляет приблизительно 10% земельной цены. Расходы на средства производства минимальны: у собственников они составляют в среднем 14 долл. в год, у арендаторов—8, включая сюда также расходы на починки. Положение безземельных крестьян, малоземельных и арендаторов иллюстрируется следующими данными: из всех обследованных хозяйств расходовали на наемный труд собственники в среднем 45,4 долл. в год, арендаторы—18,3 долл. в год, доходы же от работы по найму составляли у арендаторов в среднем 5,4 долл. в год, у собственников—2,7 долл. Разумеется, эти средние цифры дают неправильную картину классового расслоения именно потому, что это—средние цифры: только одна пятая часть всех собственников вообще получает доход от работы по найму, тогда как у беднейших арендаторов трудовой доход, очевидно, играет большую роль. 50% арендаторов зарабатывают более 10 долларов от продажи (своей) рабочей силы. Кроме того, арендаторы в значительной мере занимаются кустарничеством (домашняя индустрия): 79% арендаторов имеют побочный доход от занятий кустарничеством, максимум его составляет 70 долларов в год, а в среднем он равняется 18 долларам в год, собственники же получают по этой статье в среднем только 6 долл. в год. Работа со средними цифрами должна затушевывать имущественные различия; так, например, один из обследованных дворов имел годовой доход в 840 долларов от сдачи земли в аренду.

[1]) Даже в настоящее время, когда в Китае убивают людей тысячами в самой ожесточенной классовой борьбе, нам все еще преподносят легенду о «бесклассовом» составе китайского общества. Так, например, американец Сокольский пишет в «China Yearbook», стр. 931: «В Китае нет классовой борьбы. Здесь нет классов. Здесь нет больших имуществ, за исключением возникших в недавнее время политических состояний... нет нищеты, за исключением класса попрошаек, для которого это составляет профессию» и т. д

Однако, даже из этих цифр более или менее ясно выявляется нищета арендаторов. Средний доход арендатора, включая произведенные им и потребленные им пищевые средства, составляет 770 долларов в год. Из них расходуется:

	Долл.
На арендную плату	348
„ зараб. плату	18
„ починки и орудия	15
„ навоз	26
Итого	407

Итак, на всю семью остается годовой доход в 363 доллара. Так как на каждую семью арендатора приходится в среднем 8,3 души (в том числе 2,7 взрослых мужчин), то душевой доход ниже 50 долл. в год. При этом еще ничего не сосчитано на налоги и сборы.

Если принять во внимание, что здесь речь идет об одной из плодороднейших местностей Китая и что мы имеем основания думать, что об'ектами обследования выбраны не беднейшие арендаторы, то эти цифры дают известный конкретный базис для утверждения, что в общекитайском масштабе доход арендаторов должен быть еще значительно ниже этих цифр, не говоря уже о сельском пролетариате, не имеющем собственного хозяйства.

Проникновение капитализма усиливает классовое расслоение в деревне, ускоряет устранение еще существующих остатков натурального хозяйства, отнимает почву у кустарничества, расширяет внутренний капиталистический рынок.

> «Крупная промышленность завершает разделение между земледелием и домашними сельскими промыслами: прядением и ткачеством, вырывая их корни». («Капитал», т. I, стр. 714, нем. изд.).

Процесс разложения крестьянства капитализмом общеизвестен [1]). Нам нет надобности останавливаться на нем. Но необходимо указать на особенности этого процесса в китайской экономике. Важнейшими моментами мы считаем следующие.

Разложение крестьянства под влиянием капитализма происходит на фоне общего упадка китайского сельского хозяйства. Главные причины этого заключаются в следующем:

а) Упадок водного хозяйства. В Китае, как во всех государствах Передней и Средней Азии, упорядоченное водное хозяйство является жизненной необходимостью. Оно заключает две задачи: во-первых, защиту от наводнений, регулирование рек. В Китае это в особенности важно, так как русла больших китайских рек лежат выше уровня окружающей их речной долины. Реки текут на возвышенности между дамбами, построенными тысячи лет назад и каждый раз возвышаемыми дальше. Прорыв насыпи означает окончательное превращение в болото местностей, которые кормят теперь миллионы людей. Во-вторых, оросительные сооружения; они образуют основу китайского земледелия, с его огородническим характером. Разрушение этих оросительных сооружений означало бы катастрофу для китайского сельского хозяйства.

Таким образом, проблема общественной организации водного хозяйства приобретает центральное значение для будущих судеб китайского сельского хозяйства, даже более того — для всего китайского народного хозяйства и культуры. Регулирование водного хозяйства было прежде задачей центральной государственной власти. В настоящее время такой власти не

[1]) Лучше всего он изложен у Ленина: «Развитие капитализма в России».

существует. Какая же общественная организация будет нести заботы о водном хозяйстве.

Ясно, что защита от наводнений может быть проведена только по единому плану для всего района данной реки. Если укреплять насыпи в ограниченном отрезе, а не вдоль всей реки, то вода прорвет дамбы в каком-либо ином месте выше или ниже по течению. Итак, если в долине данной реки распоряжаются несколько воюющих друг с другом генералов, при чем владычество каждого из них кратковременно и районы его меняются, то содержание в исправности насыпей по единому плану невозможно, вся система их подвергается упадку, и в результате должны последовать громадные наводнения, уничтожающие целые провинции. Впрочем, и небольшие прорывы могут причинить большой вред, уничтожая ирригационные сооружения, получающие воду из реки.

Оросительные сооружения образуют одну из основ интенсивного китайского земледелия[1]). Без них урожайность немедленно упала бы ниже половины нынешней. Сборы риса на орошаемых полях вдвое больше, чем на неорошаемых. Искусственное орошение делает возможным снимать в год несколько урожаев с одного и того же поля. Оросительные каналы на сотни тысяч километров прорезывают во всевозможных направлениях китайскую равнину, это — плод работы тысячелетий и свидетельство кардинального значения искусственного орошения для китайского земледелия. Монополия водного хозяйства имеет то же значение, что земельная монополия. Во многих случаях борьба за землю является в то же время в первую очередь борьбой за воду.

Что касается общественной организации орошения, то здесь имеется множество различных систем, смотря по величине района, который должен быть орошен из одного источника[2]). Существует индивидуальная система орошения из частных колодцев, существуют также капиталистические оросительные предприятия, так, например, пускают по реке моторные лодки, снабженные насосами, и продают воду, или же устраивают бассейны и взимают известный сбор за орошение по числу му. Однако, существуют различные общественные традиционные формы. Так, например, если несколько деревень снабжаются водой совместно из одной небольшой реки, то это регулируется договорами между деревнями (в Санчи и т. д.). В общем каждая деревня имеет право брать воду по очереди несколько дней в неделю. Число дней определяется соразмерно величине населения и возделываемой площади. За тот промежуток времени, когда вода реки принадлежит данной деревне, каждый крестьянин из этой деревни имеет право пользоваться ею соответственно размерам своего участка. Время пользования водой измеряется по сгоранию жертвенных свечей, так как в Санчи часы неизвестны. Жертвенная свеча длиной в один фут горит 30 минут. Крестьянин, имеющий участок в 10 му, может пользоваться водой, пока не сгорят две жертвенные свечи, крестьянин с участком в 20 му имеет право жечь одну за другой четыре жертвенные свечи и за это время пользоваться водой. Договоры уже сотни лет назад фиксированы письменным образом. Когда возникает какой-либо спор между заинтересованными деревнями, старейшины их собираются в определенном храме и решают его третейским порядком.

Но содержание некоторых оросительных систем, как вышеупомянутой в районе Тсенту или же в районе нижнего течения Ян-Цзы, требует государственного регулирования[1]). Отсутствие последнего уже повело к весьма значительному развалу этих сооружений. Если гражданская война продолжится еще несколько лет, то неизбежны такие катастрофические голода, как нынешний в Шандуне, что грозит гибелью всей культуры в этой области.

[1]) О зн[illegible]ии ирригационных сооружений для культуры Северной Африки и Передней А[illegible] можно найти много интересных замечаний у Маркса и Энгельса. В особенности в их переписке за 1853 г.

[2]) По этому вопросу мы следуем в главном еще не напечатанной работе тов. Мадьяра об аграрном вопросе в Китае.

Впрочем, религиозные традиции крестьянства содействуют дальнейшему содержанию оросительных систем. В вышецитированном обследовании мы читаем о положении в равнине Тсенту.

«Строители этой грандиозной оросительной системы почитаются, как боги. Им и регулированию водоснабжения посвящен особый ритуал, играющий важную роль в религиозных церемониях жителей этой равнины. Ежегодная чистка канав, подсыпка дамб (насыпей) и регулирование уровня почвы производятся с религиозным пылом и усердием, это — типичные работы, производимые, несмотря на войну и бандитизм. Это кажется чудом для каждого, кто видит хаос и разруху почти во всех других областях китайской жизни»[2]).

Однако, на какой срок хватит этот традиционно-религиозный базис без центрального правительства,— вот вопрос.

б) Вторым устоем китайского сельского хозяйства на ряду с искусственным орошением является самым тщательным образом выработанная система удобрения[3]): она делает возможным равновесие питательных веществ на почве Китая, несмотря на факт интенсивнейшего земледелия при небольшом количестве скота. Все вещества, образующие растения, отдаются назад почве, человеческие экскременты тщательнейшим образом собираются и вывозятся из городов; грязь, солома, древесные листья, все органические отбросы, зола, даже глиняные полы жилищ и т. д. и т. д.—все это перерабатывается в смесь и возвращается почве в виде удобрения. Только благодаря этому неизвестному в сельском хозяйстве Европы использованию всех отбросов Китай в состоянии был сохранить в течение тысячелетий плодородие своей почвы, не прибегая к искусственному удобрению[4]). Правда, здесь были периодические голода, но как результат стихийных бедствий (засухи или наводнений), так как при отсутствии внутренних средств сообщения нельзя было бороться с местными неурожаями путем подвоза из других местностей. В Европе тоже периодически происходили голодовки, пока не была развита железнодорожная сеть.

Развитие капитализма грозит разрушить поддерживавшееся в течение тысячелетий равновесие питательных веществ в китайской почве. Беспрерывные внутренние войны затрудняют вывоз на поля городского удобрения. Пожары уничтожают органические вещества. Увеличивается экспорт сельскохозяйственных продуктов, заключающиеся в них питательные вещества пропадают для туземной почвы.

в) Поборы и просто грабеж крестьян наемными войсками приняли такие размеры, что маломощные крестьяне уже не в состоянии содержать даже свой столь скромный запас средств производства: животных, семена, ору-

[1]) «Безусловная необходимость бережливого и экономного использования воды имела результатом вмешательство централизирующей государственной власти на Востоке, где уровень цивилизации был слишком низок, а территории слишком велики для того, чтобы возможны были индивидуальные об'единения. Отсюда хозяйственная функция всех азиатских правительств функция споспешествования общественным работам». Маркс. «Британское господство в Индии». «New York Daily Tribune», 25 июля 1853 г.

[2]) «Chinese Economic Journal», Januar 1928 г., стр 49.

[3]) Это блестяще изложено в книге: King, «Forthy centur[illegible] of farming». 2-е изд. 1926 г.

[4]) При этом большую роль играет то обстоятельство, что из всех злаков рис отнимает у почвы меньше всего питательных веществ.

дия [1]). Все больше крестьян пролетаризуется, расслоение становится все резче, но на фоне упадка всего сельского хозяйства! Вместо традиционного простого воспроизводства наступает воспроизводство в уменьшающемся масштабе, всеобщее обеднение.

Таковы, на наш взгляд, те особые моменты, благодаря которым распространение капитализма принимает роковой характер для китайского крестьянства. Колоссальный голод в Шандуне—не просто стихийная катастрофа, как обыкновенные китайские голодовки, а в значительной мере—результат беспощадного ограбления крестьян самым бесцеремонным разбойником из всех китайских милитаристов—Чжан-цзун-чаном. Вот что пишет об этом корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс» в номере от 4/III 1928 г.:

«Две трети провинции Шандун официально об'явлены голодающими. Из 107 округов 70 нуждаются в помощи со стороны, в противном случае часть их населения, составляющего 24 миллиона, должна умереть с голода. Уже теперь 9 миллионов в Шандуне питаются впроголодь негодными для потребления продуктами, 4 миллиона живут тем, что просят милостыни, или кормятся тем, что получают от благотворительных учреждений.

«...Хотя урожай в некоторых районах был ниже нормы, китайцы, работающие по борьбе с голодом, утверждают, что в Шандуне в последнем году урожай был достаточен для прокормления его населения в течение зимы и весны; но они находят, что голод нынешнего года подготовлялся уже семь лет, когда правительство было из рук вон плохо и все время еще ухудшалось. Если бы не грабительские налоги, не бандитизм и военные конфискации, то Шандун не имел бы в этом году голода. Ответственность за нынешнее положение и за эти грабительские приемы падает на генерала Чжан-цзун-чана, военного губернатора Шандуна.

«...Как среди иностранцев, так и у китайцев Чжан-цзун-чан пользуется репутацией самого худшего, самого жадного из всех военных властелинов Китая... Чжан-цзун-чан грабит народ, а помощники Чжана в этом деле грабят его самого... Когда Чжан решает, что ему нужны три миллиона долларов, он созывает своих советников, и они сочиняют новый налог, но при этом определяют цифру его столь высоко, что получают 12 миллионов. Чжан получает свои три миллиона, а остальное попадает в карманы его приверженцев и к синдикатам, «откупающим» право обложения с тем, чтобы потом сторицей взыскать с населения свои расходы.

«...Персональные расходы Чжан-цзун-чана составляют 5.000 долларов в день. Среднее содержание солдата обходится в 10 долл. в месяц. Говорят, что гарем Чжана обходится в один месяц в такую цену, сколько стоило бы содержание бригады в 6.000 бойцов.

«...С одной стороны, расходы на двор сатрапа в 5.000 долл. в день, с другой стороны, в резком противоречии с этим—девять округов на север от Ихов-Фу, где чиновники помощи голодающим не нашли ни одного живого существа за исключением полуиздохшей собаки.

«...В результате голода быстро воскресла работорговля. Некоторые семьи, дошедшие до последней стадии нищеты, продают своих

[1]) «Рента продуктами может достигать такого размера, что является серьезной угрозой воспроизводству условий труда, самих средств производства, делает более или менее невозможным расширение производства и низводит непосредственного производителя к физическому минимуму средств существования. Так бывает в особенности в том случае, когда эту форму находит готовой и начинает использовать торговая нация-завоеватель, как, например, англичане в Индии» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 271).

младших сыновей, чтобы знать, что последние хоть таким образом найдут себе пропитание. Иных продавали за пять медных монет.

«Еще ужаснее торговля девушками для белого невольничьего рынка; их продают даже в возрасте 12 лет. В Тсинан-Фу за молодую девушку получают до 50 долларов, и многие хищники богатеют на этом, они отправляются в голодающие районы, скупают там девушек по 5 долларов и затем продают их здесь для целей проституции».

Корреспондент ясно видит связь между ограблением крестьян и голодом.

«Население западного Шандуна чрезвычайно бедно. Даже в «хорошие годы» избыток урожая ничтожен... Эти бедные районы неоднократно подвергались нашествиям сборщиков податей. Земельный налог был увеличен в два и три раза. А после этого налог взыскивался за один, два и три года вперед.

«Когда крестьяне не в состоянии были платить, сборщики податей забирали у них их хлеб, лошадей и скот, даже более того, они разрушали их дома и уносили с собой крыши и стропила, чтобы продать их на топливо. Десятки тысяч людей были буквально согнаны из их унаследованных от предков жилищ и участков. Во всех этих округах нельзя теперь найти ни одного живого существа, а земля, которая прежде стоила 750 долларов акр, теперь предлагается по 25 долларов... Судьба Шандуна не исключение. В южном Чихли голодают три миллиона. На севере провинции Ганау живут впроголодь многие миллионы. Число голодающих в Шандуне и Чихли составляет в этом году 12 миллионов. В ближайшем году оно составит в этих и некоторых других провинциях 30—50 миллионов. И если будут продолжаться война, грабеж населения и правительственный хаос, то в два года число голодающих возрастет еще вдвое или и того больше».

Разложение капитализмом городского ремесла.

Как и всюду, распространение капитализма разлагало не только крестьянское кустраничество, но также городское ремесло. Особенностью Китая, как и Индии, в этом отношении является то, что разрушение городского ремесла происходило не на почве туземной крупной промышленности, поэтому оставшиеся без работы и хлеба ремесленники не могли найти работы в крупной промышленности. Если бы в Китае проводились, как в Индии, периодические переписи населения, то мы и здесь могли бы констатировать, что число занятых в промышленности убывает с каждым десятилетием. Но в Индии ремесленники, вытесненные из города, кое-как могут найти пристанище в сельском хозяйстве (время, когда сотни тысяч индийских ткачей погибли голодной смертью в результате конкуренции английских фабричных тканей,—это время было несколько десятков лет назад), китайское же сельское хозяйство по вышеизложенным причинам не в состоянии воспринять оставшихся без работы ремесленников. Параллельно с вытесняемыми из производства и совершенно разоренными крестьянскими массами выбрасывается из ремесла громадная масса ремесленников, так что ежегодно сотни тысяч, — быть может, даже миллионы,—людей, лишенных всякой возможности существования, пополняют ряды бандитов, нищих и солдат или ищут себе возможности нового существования в Манчжурии и Монголии. Происходящее теперь переселение народов из северного Китая в Манчжурию и Монголию намного превосходит по своим размерам классическое переселение народов и является одним из крупнейших переселений народов, которое вообще знает история человечества.

Крушение ремесла связано с частичным переходом от ремесленного производства к мануфактуре и к капиталистической системе хозяйчиков-

раздатчиков с ее совершенно неслыханной эксплоатацией ремесленников. Приведем лишь один конкретный пример.

Д. К. Лье дает следующее описание трикотажной промышленности в Тшекианге («The China Press» от 27/VII 1927):

> «В начале 1926 г. здесь работали десятки тысяч вязальных машин. Первоначально промышленность была сконцентрирована в больших мануфактурах. Но когда спрос очень увеличился и на фабриках не было более места для новых рабочих, машины стали раздавать рабочим на дом.
>
> Фабрики доставляют рабочему на дом также сырой материал: пряжу. Одна машина стоит 20 долларов. Рабочий должен платить ежемесячно 2 доллара за прокат машины, для фабрики это весьма выгодная сделка, и владелец 1.000 машин может иметь доход в 2.000 долларов в месяц только от сдачи их на прокат. Что касается рабочих, то им тоже приятно такое положение. Они могут, зарабатывая себе на хлеб, в то же время следить за своим домашним хозяйством, их ежемесячный заработок, за вычетом платы за машины, вероятно, составляет около 5 долларов—это приличная (соответственная) плата для женщины, работающей на дому, в особенности если принять во внимание, что изучение этой работы не требует никакого времени».

Как мы видим, капиталист, ссужающий машины, берет в свою пользу 2 доллара из ежемесячного заработка рабочего в 7 долларов, так что в десять месяцев машина его вполне окупается. Такой эксплоатации не было даже в самые мрачные первоначальные времена европейского капитализма. Подобное же положение мы находим в других отраслях промышленности, в которых воцарились капиталистические раздатчики.

Положение рабочего класса.

К положению рабочего класса и вообще к положению всех трудящихся в Китае подходит та характеристика, которую Маркс дает Германии шестидесятых годов:

> «... Мы, как и другие страны западно-европейского континента, страдаем не только от развития капиталистического производства, но также и от недостатка его развития. На ряду с бедствиями современной эпохи нас гнетет целый ряд унаследованных бедствий, возникающих вследствие того, что продолжают прозябать стародавние, изжившие себя способы производства и соответствующие им устарелые общественные и политические отношения. Мы страдаем не только от живых, но и от мертвых». (Предисловие к первому изданию «Капитала». Стр. XXXII русск. изд.).

В Китае самые тяжелые отрицательные стороны докапиталистического режима фактически совпадают с страданиями, причиняемыми капитализмом. Ужасные условия труда китайского пролетариата: рабочий день, продолжающийся до 14 часов, отсутствие дня отдыха за неделю, низкая заработная плата, при которой нет возможности возмещать израсходованную рабочую силу,—все это общеизвестно. Нет надобности приводить новые данные. В период под'ема национальной революции наступило некоторое незначительное улучшение [1]) положения вследствие боевых выступлений рабочих на эконо-

[1]) Очевидно, к этому периоду относятся жалобы японского империалиста профессора Нишиама, цитируемые в «Bulletin Quotidien» от 22 ноября 1927 г.: «Мы все знали Китай, знаменитый своими низкими ценами, своей умеренной заработной платой, своими сносными налогами и неисчерпаемыми ресурсами. И что ж, все это теперь не существует более или недействительно—и исключительно вследствие плохого правительства националистов».

мической почве, но в результате консолидирования контрреволюционных сил это улучшение, по всей видимости, сошло с тех пор снова на-нет. Благодаря освобождению в сельском хозяйстве и ремесле миллионов рабочих рук, предложение труда в фабричной промышленности столь интенсивно, что капиталисты имеют возможность, как в свое время хлопчатобумажные фабриканты в Англии, эксплоатировать каждый год новое поколение женщин-работниц и детей, при чем так интенсивно эксплоатировать их рабочую силу, что они на ряд лет и даже на всю жизнь утрачивают свою трудоспособность. Но на смену этих использованных до конца рабочих сил всегда имеются в изобилии новые, и борьба за существование, борьба с голодом заставляет несчастного рабочего выжимать из себя последний остаток своей рабочей силы.

Отсюда суждение американского торгового атташе И. Арнольда в «China Handbook», стр. 269:

> «Китайские рабочие, если принять во внимание стоимость их, работают производительно (efficient)... Несмотря на низкую цену труда, иностранцы, имеющие в этом значительный опыт, в восторге относительно способностей китайского рабочего, если он поставлен под надлежащее руководство».

Ясно, что, пока продолжается разложение китайского крестьянства и китайского ремесла, пока ежегодно из производственного процесса выбрасываются сотни тысяч и миллионы рабочих рук, нет никаких видов улучшить сколько-нибудь положение китайского пролетариата реформистским путем.

Для взглядов империалистов характерны следующие слова вышецитированного американца, представителя империалистической державы, которая всегда выдает себя за друга китайского народа:

> «В Китае не существует еще никакого трудового законодательства. Еще слишком рано принимать в Китае действительные меры в защиту детского труда. Во многих отношениях дети, повидимому, устроены на фабриках лучше, чем у себя дома».

Ясно, что улучшение положения китайского пролетариата возможно только революционным путем.

Валютный хаос в Китае.

Одним из важнейших средств ограбления трудящихся Китая является обесценение всех китайских валют. Своеобразие положения заключается в том, что каждый класс имеет, так сказать, свою валюту.

Валютой пролетариата являются медные деньги. Примерно 20 лет частные и провинциальные монетные дворы пускают в обращение большие массы медных денег с небольшим содержанием меди; благодаря этому, покупательная способность медных денег все время падает, что при переполнении рабочего рынка избыточными рабочими силами означает постоянное уменьшение заработной платы.

Валютой городской и сельской мелкой буржуазии являются серебряные деньги. Но цена серебра на мировом рынке постоянно падает, и чем сильнее Китай втягивается в мировое хозяйство, тем сильнее это падение цены серебра влияет на оценку серебряных денег в самом Китае. (Кроме того, происходит также в большом размере подделка серебряных монет). На этой почве происходит эксплоатация мелкобуржуазных слоев капиталистическими, ведущими свои дела в иностранной валюте и устанавливающими цены в этой валюте. Вес серебряной монеты и содержание благородного металла в монете различны в каждой провинции, это дает банкирам-ростовщикам возможность больших барышей и обманывания публики.

Капиталисты, китайские и иностранные, ведут свои дела на основе цены серебра на мировом рынке, т.-е. они калькулируют фактически в золоте, продают за границу за твердую валюту и обогащаются таким образом—по известному образцу инфляционного хозяйства—за счет тех народных слоев, которые продолжают считать в обесценивающейся валюте.

Наконец, милитаристы грабят народ, выпуская ничего не стоящие бумажные деньги с принудительным курсом. При каждой перемене властителя обращавшиеся прежде бумажные деньги об'являются недействительными, серебряный запас эмиссионного банка—если такой запас еще имеется—похищается, и купцам и ремесленникам навязывают новые бумажные деньги. Солдаты, покупая в лавке какую-нибудь мелочь, пред'являют большую купюру и с оружием в руках заставляют выдавать им сдачу в серебре. Тогда торговец предлагает солдату взять выбранный им товар даром, солдат, конечно, не соглашается на это. Поэтому теперь у купцов и ремесленников вошло в обычай при каждой перемене власти закрывать свои лавки и прятать свои товары.

Впрочем, и в тех областях, где власть того или другого милитариста относительно стабильна, например, владычество Чжан-цзо-лина в Манчжурии и Сев. Китае, продолжается дальнейшее обесценение бумажных денег.

Как мы видим, в Китае господствует полнейший валютный хаос. Он служит средством еще больше сокращать и без того минимальный заработок трудящихся в пользу сильных мира сего.

Об'ективно-революционное положение и перспективы дальнейшего развития.

В результате нашего анализа мы можем установить упадок основ китайского хозяйства, глубочайший кризис китайского общественного строя. Проникновение капитализма разрушило традиционный общественный строй, который—если не считать стихийных катастроф—во всяком случае обеспечивал существование общества на основе простого воспроизводства. Экономическим базисом этого строя служило крестьянское земледелие, тесно связанное с деревенской промышленностью; это земледелие строилось на водном хозяйстве и равновесии питательных веществ в почве. Этот базис в настоящее время разрушается. Водное хозяйство игнорируется, почва не получает уже полностью обратно взятых у нее питательных веществ. Распространение фабричного товара лишает крестьян их побочных кустарных приработков. Арендная плата, ростовщичество, инфляция тяжелым бременем ложатся на крестьянина, не знающие никакой узды налоги окончательно разоряют его, и в результате происходит массовое превращение крестьянства в безземельных и бездомных пролетариев. Миллионы заполняют рабочий рынок, становятся бродягами, разбойниками, солдатами-наемниками, миллионы погибают голодной смертью, десятки миллионов поднимают восстание. Точно так же восстает широкая масса городских ремесленников, выброшенная из производственного процесса.

Миллионы экспроприированных крестьян и ремесленников ищут работы и пополняют ряды и без того избыточного пролетариата, создают постоянную армию безработных, все время находящуюся на грани голодной смерти; таким образом они толкают весь рабочий класс в стравнейшую нищету.

Каковы возможности разрешения этого глубочайшего кризиса китайского общества? В абстрактно-теоретическом смысле имеются пять возможностей.

1. Реакционное, антиимпериалистическое решение: возврат к докапиталистическому общественному строю. Таков был смысл революции тайпингов. Это решение в действительности невозможно; нам не приходится на нем останавливаться.

2. Национально-буржуазное решение, диктатура национальной буржуазии, побеждающей и укрепляющейся в борьбе с империалистами. Образец: Япония, Турция. Подобное решение было бы возможно только при совместной борьбе крестьян и национальной буржуазии против землевладельцев, милитаристов и империалистов. Но национальная буржуазия Китая бедна и слаба. Она сама поместила часть своего имущества в земле, сплетается с землевладельческим классом, заинтересована в сохранении высокой арендной платы за землю, участвует в ростовщическом обирании крестьянского класса. С другой стороны, она подчинена иностранному капиталу и в то же время расколота сообразно особым интересам отдельных империалистических буржуазий, подчиняющих себе Китай. Наконец, она сама должна искать у милитаристов и империалистов защиты против восстания промышленного пролетариата и против его требований. Поэтому она д о л ж н а была предать дело национальной антимилитаристической революции. Это исключало возможность второго решения.

3. Превращение Китая из полуколонии в колонию; аналогия—Индия. Мы считаем эту возможность не вполне исключенной, хотя и весьма мало вероятной. Не исключено, что китайский народ, устав от бесконечной усобицы милитаристов и от классовой борьбы, если она, что возможно, будет долгое время вестись с переменным успехом и без решающего исхода,—не исключено, что в таком случае китайский народ в конце-концов подчинится иностранному завоевателю, который водворит порядок подобно тому, как это было в Индии. Для империалистических держав импульс к оккупации Китая растет по мере того, как уменьшается емкость китайского рынка для заграничных товаров [1]).

Впрочем, не следует забывать, что на превращение Индии в колонию понадобилось более двух столетий, что оно произошло в период под'ема капитализма и проведено было Англией, которой в то время принадлежала бесспорная мировая гегемония. Напротив, в настоящее время китайский кризис зашел уже слишком далеко, чтобы оставалось время для постепенной оккупации страны; кроме того, за обладание Китаем борются четыре империалистические державы: Англия, Япония, Соед. Штаты и Франция; попытка одной державы полностью или частично оккупировать Китай легко может повести к новой мировой войне, а для соглашения относительно совместной

---

[1]) Приводим цифры внешней торговли Китая (в млн. единиц) по «Chinese Economic Journal» 1928 г., р. 99.

	1918 г.	1920 г.	1922 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
Ввоз в таелях	555	762	945	1.018	948	1.124
„ „ амер. долларах	699	941	784	825	796	854
„ „ то же, но с приравнением покупательной силы долл. 1918 г. к 100	699	868	1.305	1.361	1.345	1.665

В 1927 г. наступило очень сильное уменьшение внешней торговли Китая. Цифры еще не опубликованы, но известно, что таможенные поступления упали с 78 млн таелей (1926 г.) до 69 (1927 г.). Еще больше уменьшение в фунтах (таель обесценивается): с 12,2 до 9,7 млн. ф. ст., т.-е на 20%. При этом надо принять во внимание, что ввоз в собственно Китай сильно понизился, но это уравновешивается повышенной емкостью Манчжурского рынка. Так, например, таможенные поступления в северных портах: Харбине, Дайрене, Тянь-Тзине увеличились на 1,7 млн. таелей, напротив, в Шанхае они понизились на 7 млн., в Ханькоу на 2,3 млн., в Кантоне—на 1,5 млн. таелей.

Последние сведения о сбыте иностранных товаров в Китае в 1928 г. довольно благоприятны. Однако, при этом следует принять во внимание, что вследствие гражданской войны большие территории долгое время были отрезаны от импортных портов, так что накопился единовременный настоятельный спрос, потребность в этих товарах.

оккупации и раздела Китая нет никаких шансов именно вследствие сильных противоречий между империалистическими державами; наконец, линия развития в Азии направлена в сторону освобождения колоний, а не в сторону распространения империалистического господства над колониями.

4. Совместная гибель борющихся классов и уничтожение всей материальной и духовной культуры Китая вследствие разрушения ее материального базиса: водного хозяйства. Аналогию представляет гибель многочисленных великих культур в истории Азии. Этот исход возможен, но невероятен. Против него говорит большое число китайцев, живущих вне пределов собственно Китая (в Манчжурии, Монголии, Южной Азии), а также большая сила революционного движения в самом Китае.

5. Победоносная буржуазно-демократическая революция трудящихся: рабочих, крестьян, ремесленников [1]. Это—единственное действительное разрешение кризиса. В этом направлении идет линия общего развития в Азии. Его поддерживает уже совершившееся свержение капиталистического господства в России, являющееся началом конца капитализма вообще. Китайские коммунисты должны работать в этом направлении; их поддержат в этом пролетарии всех стран. Эта революция уже происходит. Она может временно терпеть поражения. Окончательная победа ее несомненна, если мы не сделаем слишком больших ошибок.

---

[1]) При данном состоянии развития классов в Китае, речь может итти пока только о совместном господстве рабочих и крестьян, а не о диктатуре пролетариата.

Б. Маркус.

Из практики осуществления 7-часового рабочего дня.

(Предварительные итоги).

Своеобразие осуществления на практике 7-часового рабочего дня в нашей промышленности заключается в том, что оно неразрывно связано с введением дополнительной смены рабочих и с необходимостью значительного уплотнения работ. В этих обстоятельствах заключаются некоторые узлы неизбежных трудностей, но одновременно в них заключены и те условия, которые нам необходимы для достижения решающих успехов в области узких мест экономики нашего хозяйства. Плюсы, связанные с этим, общеизвестны: если само по себе сокращение рабочего дня является огромным шагом вперед по пути сохранения здоровья рабочих [1]) и по пути значительного поднятия культурного уровня пролетарских масс, то введение дополнительных смен рабочих связано с численным увеличением промышленного пролетариата, что должно нам дать уменьшение безработицы среди индустриальных рабочих; вместе с тем, увеличение загрузки предприятий и рост числа рабочих даст нам прирост валовой промышленной продукции, иными словами—ослабление товарного дефицита.

Вредно было бы, однако, закрывать глаза на то, что проведение 7-часового дня в наших условиях осложняется одновременно рядом трудностей: прежде всего дает себя знать недостаток квалифицированной рабочей силы среди безработных; плохая подготовка, низкая производительность труда и слабая трудовая дисциплина вновь принимаемых рабочих уже с первых шагов создают определенный разрыв между повышенными требованиями производства и наличными резервами рабочей силы. Вместе с тем заранее ясно, что недостаточная производительность труда, в свою очередь, может задержать и намеченный темп снижения себестоимости и предположения о дальнейшем росте зарплаты.

Сейчас еще рано подводить окончательные хозяйственные итоги нашего кратковременного опыта по переводу первых групп предприятий—24 текстильных фабрик—на 7-часовой рабочий день. Однако, контуры основных вопросов труда, связанных с переводом на 7-часовой день, рисуются уже настолько четко, что мы можем уже сейчас подвести предварительные итоги нашего опыта в этой области; к этому нас побуждает и то соображение, что не за горами перевод более значительного круга предприятий на 7-часовой рабочий день, и в связи с этим партийным, профсоюзным, хозяйственным и

---

[1]) Ряд подсчетов, произведенных в буржуазных странах, говорит о том, что при сокращении рабочего дня не только уменьшилась заболеваемость и несчастные случаи с рабочими, но даже средняя продолжительность жизни и трудоспособности увеличивалась. Последние данные о влиянии сокращенного рабочего дня на здоровье рабочих вкратце даны в статье d-r Lipmann, помещенной в «Archiv f. soziale Hygiene und Demographie», 1927, II Band, 2 Heft.

другим советским организациям вполне целесообразно теперь же учесть как положительные результаты, так и те ошибки, которые имели место при проведении 7-часового рабочего дня.

Самый перевод текстильных предприятий на 7-часовой рабочий день происходил с исключительной быстротой. Необходимость быстрого увеличения нашей текстильной продукции, на которую обозначился повышенный спрос со стороны крестьянского рынка во время хлебозаготовок, заставила правительственную комиссию давать чрезвычайно краткие сроки для перевода предприятий на 7-часовой рабочий день. В связи с требованиями рынка был совершенно обязателен и неизбежен немедленный переход на уплотненные работы и немедленное введение третьей смены; если бы при этих условиях введение сокращенного рабочего дня было отодвинуто во времени, то это конечно, было бы ошибкой, ибо именно осуществление 7-часового рабочего дня должно было облегчить рабочему переход на уплотненные работы и создать необходимые предпосылки для повышения интенсивности и производительности труда.

Краткость срока для перехода на 7-часовой рабочий день, доходившая в отдельных случаях до 4—5 дней, потребовала большой гибкости и четкости в работе всех местных организаций, начиная с администрации предприятий, партийных, комсомольских и профорганизаций и кончая советскими органами, обслуживающими труд и быт рабочего. Эта быстрота явилась экзаменом для состояния работы всех организаций. И если в целом экзамен выдержан, то нельзя того же сказать и про отдельные случаи.

При общем резком изменении всей организации труда в производстве, задача партии и руководимых ею всех местных организаций, профсоюзов, хозорганов, комсомола, делегатских собраний работниц и местной печати заключались в том, чтобы суметь не только раз'яснить значение проводимой реформы, но и активно втянуть самоё массу в обсуждение путей ее осуществления и в преодоление стоящих на пути трудностей. Этого в ряде мест: в Ярославле, в Середе, на отдельных других фабриках—не было сделано, и в этом заключалась основная ошибка. Она сразу дала себя знать в глухом сопротивлении, которое оказывалось уплотнению работ. Ошибку, конечно, стали спешно исправлять, но тут уж поневоле внимание было сосредоточено не на всем вопросе о 7-часовом дне в целом, а лишь на уплотненных работах. К счастью, эта ошибка не была повсеместной. На других фабриках, наоборот, вопрос был проработан по цехам, производственные совещания внесли много дельных практических предложений, большинство из них, по возможности, быстро осуществлялось. На запросы рабочих администрация давала раз'яснения на этих собраниях, и переход к 7-часовому дню происходил здесь не только без сопротивления, но даже с безусловным под'емом.

В связи с допущенной ошибкой, некоторые товарищи стали высказываться за целесообразность того, чтобы введение уплотненных работ и третьей смены предшествовало введению 7-часового дня и было во времени отделено. Мы считаем эту точку зрения неправильной: 1) сокращение рабочего дня является как раз мерой, облегчающей уплотнение работ—незачем ее поэтому откладывать; 2) сокращение рабочего дня на первых порах должно снизить дневную выработку, тем самым могла бы снизиться зарплата, одновременное же уплотнение работ позволяет избегнуть этого.

Допущенная ошибка заставляет на наш взгляд сделать лишь единственный вывод—о необходимости лучше ставить всю массовую работу, ведя раз'яснение так, чтобы не оставлять в тени ни положительных сторон, ни трудностей проведения в наших условиях 7-часового рабочего дня.

Проведение 7-часового рабочего дня, с одновременным введением третьей смены и уплотненных работ, создало полную ломку привычных условий труда и быта во всем предприятии. В организации трудового процесса в самом составе рабочей силы произошли сразу значительные изменения. Под наблюдение одного рабочего было передано большее, чем до того, количество станков, при этом часть работы была переложена с квалифицированных рабочих на подсобных. Это уплотнение работ, введение более эффективного использования рабочего времени, без одновременного введения третьей смены, могло бы привести на текстильных фабриках к сокращению из производства девяти тысяч рабочих. Нам удалось избегнуть этого увольнения. Внутри предприятий произошла передвижка рабочего состава, которая сводится к тому, что часть рабочих была передвинута на более ответственную работу, ученики в школах фабзавуча были досрочно выпущены и направлены на производство. В предприятия влилось большое количество новой рабочей силы (на 86.000 старых рабочих принято дополнительно 13.000 рабочих). Из числа безработных, числящихся на биржах труда в качестве квалифицированных рабочих, многие при проверке их оказались не соответствующими требованиям производства. Так, например, рабочий, числившийся на бирже труда ткачем, в лучшем случае умеет работать из двух ткацких станках, кроме того, за время безработицы он еще деквалифицировался, и в результате работа на трех—четырех станках ему оказывается не под силу.

Среди вновь принятых рабочих большинство является членами семей работающих, их заработок в семье является подсобным, и поэтому их заинтересованность в повышении своего заработка не столь велика, как у тех рабочих, чей заработок является основным в семье. Эти не особенно требовательны к себе. Среди принятых рабочих оказалось немало «проштрафившихся», т.-е. таких, которые раньше были уволены из производства за те или иные проступки. Их дисциплина тоже ниже нормальной. Наконец, часть рабочих, правда, небольшая была взята непосредственно из окружающих фабрику деревень. Эти принесли с собой деревенские потребительские настроения и недостаточную преданность интересам советской фабрики. В целом вновь принятые кадры рабочих принесли с собой в производство пониженную дисциплинированность. Предприятия отмечают в связи с этим некоторое повышение прогулов и опозданий. Кое-кто появлялся на фабриках даже и в нетрезвом виде, чему содействовала обстановка «широкой и веселой масленицы». На ряду с этим старые, опытные рабочие, которые вынуждены были работать вместе с новыми, усиленно жаловались администрации на то, что «новички» сильно повышают брак и понижают валовую выработку, тем самым снижают и заработок (на целом ряде станков выработка учитывается огульно, и нет возможности выделить количество единиц товара, произведенного каждым сменщиком в отдельности). Там, где удавалось проследить отдельно выработку старых и новых рабочих, жалобы эти, как правило, подтверждались.

Были, однако, недоразумения и с выработкой старых рабочих, в ряде случаев часовая производительность труда против всяких ожиданий упала и у них. Отдельные хозяйственники приписывали это «скрытой итальянке». Причину ее мы видим в том, что благодаря исключительной спешности хозорганы своевременно не договорились с профсоюзом относительно установления точных расценок на работу, вследствие чего окончательная норма выработки и зарплаты рабочим была неясна, а неправильное понимание обещания манифеста проводить 7-часовой рабочий день без уменьшения зарплаты, вселило в отдельных рабочих ошибочное убеждение, что зарплата будет выдаваться вне зависимости от выработки. Неудовлетворительность нашей нормировочной работы и плохое раз'яснение манифеста здесь безусловно сказались.

Наконец, падение производительности и увеличение брака об'ясняется еще низким качеством сырья и подсобных материалов. В силу некоторой нераспорядительности в центре, в момент перехода на 7-часовой рабочий день, на фабрики был подвезен хлопок худшего качества. Пришлось увели-

чивать крутку нити, что само по себе создает нормальную причину некоторого понижения производительности труда. Не прекращались также жалобы на скверное качество челноков, которые быстро деформировались и требовали замены. Все эти явления можно было, конечно, заранее предусмотреть и избежать. И мы видим, что в тех случаях, когда администрация была достаточно распорядительна, эти обстоятельства были во-время, заранее учтены, и там легко удавалось устранить ненормальности, вследствие чего и производительность труда и качество работы поднимались [1]).

Безусловно благоприятно сказалось на производительности труда (и, конечно, на настроении рабочих) введение ряда категорий подсобных, обслуживающих рабочих. Так, например, большую пользу принесли организованные за некоторое время до уплотнения работ бригады подсобных рабочих, которые усилили ремонт станков при переходе на третью смену работы; оправдывает себя введение бригад чистильщиков станков, особых рабочих, осуществляющих подноску утка, относку товара; кое-где для помощи ткачам при массовых отрывах нити введен специальный штат работниц-краевщиц. Все они значительно помогают основным кадрам квалифицированных рабочих, и тем самым создаются условия для безболезненного осуществления уплотненных работ.

Трудно сейчас говорить о степени интенсивности труда рабочих при уплотненных работах на четырех станках. Так или иначе, можно отметить, что рабочий и сейчас за станком успевает пить чай и завтракать; с течением же времени, когда он приспособится к работе, надо думать, что работа на четырех станках будет проходить без особого чрезмерного напряжения. В этом убеждении нас укрепляет наблюдение государственного научного Института Охраны Труда, которое было проведено на одной из текстильных фабрик при переходе с двух станков на три. В первую неделю после перехода время чистой работы (смена челнока и початка, заводка и осмотр нити основы, мелкий ремонт, уборка и смазка станка, смотка остатков початка и уход от станка, связанный с работой) составляло 76,3% рабочего дня; время наблюдения за станком стоя составляло 21,8%, спустя 5 недель после перехода на 3 станка, время активной работы благодаря приспособлению работницы сократилось до 58,6%, а время наблюдения над станками увеличилось до 39,8% [2]). Можно предполагать, что аналогичные сдвиги произойдут и теперь.

Что касается изменений, происшедших в области зарплаты, то они стоят в тесной связи с изменением производительности труда. По соглашению ЦК текстильщиков и Текстильного синдиката при переходе с двух станков на три рабочие должны были получить 30% прибавки, а при переходе с двух станкоа на четыре—50%. Однако, так как дневная выработка на одном и том же количестве станков при 7-часовом рабочем дне должна была на первое время понизиться против 8-часовой, то были на 9—10% увеличены расценки. Сейчас мы не располагаем еще сводными данными об установившемся уровне зарплаты. Общую картину затемняет, с одной стороны, изменение ассортимента, с другой стороны, заработок новых рабочих. При личном посещении мною 5 фабрик я получал справки заводоуправлений, что для отдельных характерных профессий у старых рабочих, для которых проведено уплотнение работ, средний уровень заработной платы увеличился в первый месяц, примерно, на 20%.

---

[1]) В общем в первое время часовая производительность труда упала от 5 до 15%. Она стала улучшаться уже в первые недели после перехода и сейчас приближается к нормальной. Так как ВТС еще не располагает сводными цифрами, то можно привести лишь данные по отдельным предприятиям. Эти данные собраны в статье т. К. Мальцева «Семичасовой рабочий день», «Спутник Агитатора» (для города), № 6 за 1928 г.

[2]) Данные заимствованы из диаграмм, выставленных ИОТ во время всесоюзного совещания по охране труда, созванного ЦК ВПСТ.

При переводе предприятий на 3 смены сразу был поставлен ребром вопрос о состоянии охраны труда на фабриках. При непрерывной работе станков в течение 21 часа под ряд температура в помещении значительно повышается: по наблюдениям санитарных инспекторов труда в некоторых ватерных цехах при отсутствии вентиляции температура к вечеру доходит до 35—40° С. С приближением летнего времени можно ожидать, что температура еще больше повысится. Характерно, что на других фабриках при прочих равных условиях, но при наличии вентиляции температура не превышает 22—24° С. Мы считаем поэтому, что острая необходимость в немедленном осуществлении вентиляции ставится в порядок дня.

Состояние искусственного освещения также оставляет желать многого. Давно известно, что это мероприятие резко сказывается на производительности труда, так, например, по исследованиям инженера Кутейщикова (из ЦК текстильщиков), с улучшением освешения выработка в отдельных случаях увеличилась на 19,2%. Однако, несмотря на столь большое значение этого мероприятия, до сих пор на него не обращалось достаточного внимания. На некоторых фабриках самая система освещения совершенно неудовлетворительна, на других приходится наблюдать неполное накаливание лампочек в связи с недостатком энергии. И то и другое устранимо и требует к себе внимания.

Из других санитарных условий труда следует отметить, что все еще широко применяется способ вдувания нити в челнок через рот. К сожалению, устаревшие системы челноков все еще выпускаются катушечно-челночным трестом, хотя давно уже имеются более усовершенствованные системы. Молодые рабочие совершенно правильно указывают на необходимость изживания этого недочета.

Острее ставятся и все вопросы техники безопасности. Котлы работают форсированно, под'емники и станки изнашиваются более интенсивно—уже это одно требует усиления технического надзора за ними. На ряду с этим рабочий, имея под своим наблюдением большее число станков, должен быть избавлен от необходимости уделять еще особое внимание опасностям труда—он законно требует, чтобы опасности труда были устранены там, где это технически достижимо.

Улучшение санитарных условий труда и техники безопасности требует дополнительных ассигнований на охрану труда. Правительственная комиссия установила необходимость отпуска на эту цель 2 миллионов рублей. Эти средства уже отпущены. Из них предполагается около миллиона израсходовать в вентиляцию и по полмиллиона—на освещение и технику безопасности. Но необходимо еще принятие определенных мер, которые обеспечат их целесообразное использование, ибо в настоящее время хозорганы, изготовляющие вентиляционные оборудования и осветительную арматуру, работают с большой «прохладцей», и предприятия—потребители их продукции, высказывают большое опасение за своевременное осуществление этих мер.

Сейчас еще невозможно сказать, как отразилось проведение 7-часового рабочего дня на заболеваемости рабочих и уровне несчастных случаев. Отдельные наблюдения хозорганов говорят о значительном снижении процента рабочих, отсутствующих по болезни. Мы считаем, однако, это обстоятельство недостаточно показательным, ибо, во-первых, мал срок наблюдения, а, во-вторых, исчисление процента отсутствующих по болезни к общему числу рабочих, среди которых много новой рабочей силы, является еще недостаточно убедительным. Чтобы делать выводы на основе непродолжительных наблюдений, надо было бы рассматривать заболеваемость и несчастные случаи тех рабочих, которые работают в производстве более длительный период, исключая из общих показателей те группы, которые недавно приняты.

Из области организации трудового процесса не вполне удовлетворительно решены вопросы об установлении перерывов, о ломке смен, об орга-

низации труда женщин и подростков. На ряде предприятий практикуется непрерывный 7-часовой рабочий день. На других фабриках работают по 3½ часа, после чего отдыхают 7 часов и продолжают работать 3½ часа. И тот и другой распорядок времени имеет свои минусы. Давно установлено, что предоставление обеденных перерывов уменьшает утомление рабочих и повышает производительность труда. Отсутствие этого перерыва, таким образом, нецелесообразно ни с точки зрения производственной, ни с точки зрения интересов здоровья работающих.

Нецелесообразна также работа по 3½ часа с перерывом в 7 часов: опыт показывает, что 7 часов перерыва рабочие и работницы используют обычно не для отдыха, а для работы в домашнем или сельском хозяйстве, в связи с этим возвращаются на фабрику еще более утомленными. Необходимо еще принять во внимание, что против установления такого распорядка говорит то обстоятельство, что часть рабочих живет далеко от фабрики, и даже тогда, когда жилища находятся на расстоянии не далее 3—4 верст, рабочим приходится проходить ежедневно на работу и обратно 12—16 верст, что значительно увеличивает утомление.

Правильно было бы рекомендовать установление хотя бы для первых двух смен получасовых перерывов после 3½ часов работы. Против этого выставляется, однако, то соображение, что при таком распорядке дня пришлось бы сдвинуть работу на лишний час—полтора в ночное время. Таким образом, сократилось бы время, которое остается для ремонта и чистки станков, вместе с тем удлинилась бы и ночная работа. Для текстильных фабрик прибавляется еще особое условие, с которым приходится считаться—отсутствие специальных помещений для принятия пищи. В силу этих причин приходится согласиться с тем, что сейчас преждевременно принимать окончательное единое решение по этому вопросу, но во всяком случае целесообразно, чтобы были установлены наблюдения над производительностью труда и утомляемостью рабочих как при непрерывном рабочем дне, так и при рабочем дне, разделенном на 2 половины. Эти наблюдения, опирающиеся на опыт, могли бы позволить окончательно высказаться за установление того или другого распорядка рабочего дня.

На практике пришлось столкнуться с трудностями в осуществлении запрета ночной работы беременных и кормящих грудью. Привычка работниц к определенному станку и нежелание переходить на другие станки, нарекания других работниц, не желавших заменять беременных и кормящих грудью в ночную смену, создали некоторые затруднения со сторны самих работниц при желании администрации и профессиональных организаций проводить запрещение ночного труда этих категорий женщин. Приходится в этом направлении провести определенную раз'яснительную работу с тем, чтобы указанные выше препятствия, которые мы в праве отнести к обстоятельствам «психологического ряда», можно было устранить.

Переходя к вопросам труда подростков, мы должны прежде всего отметить, что переход предприятий на работу в три смены и связанное с этим вовлечение новых кадров рабочей силы дало толчок приему большого количества рабочей молодежи в производство: в предприятия были посланы через биржи труда тысячи подростков и переростков, на ряду с этим началось пополнение школ фабзавуча, досрочный выпуск которых составил основные кадры (примерно на половину общего числа принятых в третью смену). На всех предприятиях, перешедших на работу в три смены, все переростки были выведены из сверхброни и введены в штат предприятий. Кое-где из брони выведены подростки, не достигшие трех—четырех месяцев до 18 лет, но которые умеют исполнять самостоятельную квалифицированную работу. Вместо переростков и переведенных в производство подростков в броню включены новые кадры рабочей молодежи. Все это вместе взятое создало благоприятные условия для коренного разрешения вопроса о втягивании переростков в производство. «Пробка», которая до сих пор образовывалась, теперь извлечена.

Нужно сказать, что молодежь проявила себя, как сознательный авангард в отношении перехода на уплотнение работы. При записи добровольно желающих перейти на 4 станка молодежь шла впереди, показывая личным примером полную осуществимость перехода на уплотненный рабочий день. В целом, таким образом, молодежь вышла с честью и с выигрышем из экзамена на зрелость.

На ряду с этим обнаружились и теневые стороны: при переходе на уплотненные работы вскрылось не мало недостатков в организации труда подростков и в постановке ученичества. Хозорганы приводят многочисленные примеры того, как выпущенные из фабзауча подростки оказывались совершенно растерявшимися, когда им приходилось самостоятельно работать в производстве, у них получался и повышенный брак и пониженная производительность труда. На некоторых фабриках чуть ли не приходилось ставить вопрос об увольнении, как совершенно непригодных к работе, целых групп учеников, окончивших фабзавуч. Это дает нам основание со всей серьезностью снова поставить вопрос о необходимости приближения преподавания в школах фабзавуча к потребностям и запросам производства. Обучение каждого подростка в школах фабзавуча обходится государству от 500 до 800 рублей,—промышленность в праве требовать, чтобы за эти деньги она получала не только идеологически развитого и классово воспитанного пролетария, но и человека, умеющего работать за станком не хуже, а лучше других.

В связи с новой организацией труда на фабриках получилось кое-где, что подростки были допущены к работе в первую смену с 4 часов утра. Таким образом, их труд захватывает два часа ночного времени. При ближайшем анализе этого явления удалось убедиться, что такой распорядок работ совершенно не вытекает из организации производства и может быть устранен. Местные хозяйственные, профсоюзные и комсомольские организации должны на это обратить необходимое внимание. Как известно, правительственная комиссия решила, что впредь до перехода основных отраслей промышленности на 7-часовой рабочий день рабочее время подростков должно быть установлено в пределах 6 часов. На практике это постановление проводится в жизнь. Однако, в связи с тем, что теоретические занятия в старших группах школ фабзавуча составляют 2 часа в день, получилось, что подростки работают больше, чем взрослые. Необходимо поэтому вопрос о программах теоретических занятий фабзавуча и их распределении по годам обучения вновь пересмотреть.

В связи с переходом на 7-часовой рабочий день и на трехсменную работу, острее, чем раньше, встал вопрос об улучшении обслуживания целого ряда бытовых нужд рабочих. При необходимости для матери итти работать в ночную смену ей должна быть обеспечена возможность оставлять детей в яслях, очагах и детских садах на ночевку в течение всей ночи. Нельзя, конечно, допускать такого порядка, когда матери должны уносить детей из детских учреждений в час ночи. Для этого пришлось бы будить ребенка, что побуждало бы работницу отказаться от пользования детскими учреждениями. Органы здравоохранения должны поэтому продумать вопрос об изменении распорядка работ в детских учреждениях, обслуживающих фабрики, перешедшие на трехсменную систему работ. Нужно отметить, что органы здравоохранения проявили недостаточную гибкость в отношении обеспечения медицинской помощью третьей смены рабочих. Медицинские пункты не всюду вовремя перешли на трехсменное дежурство, в отдельных случаях это привело к нареканиям со стороны рабочих. Наркомздраву необходимо это учесть в дальнейшем. Кооперативная и государственная торговля тоже должна оказаться более гибкой в смысле приспособления своей работы к обслуживанию всех трех смен.

Значительно обострился также жилищный вопрос. Для вновь приглашаемых дополнительных рабочих, набираемых не только из рабочих казарм, но и привозимых извне, необходимо готовить новый жилищный фонд, а для этого требуются специальные дополнительные ассигнования на жилищное строительство. На ряду с этим крупным вопросом, нам следует продумать по деловому и малый вопрос о более целесообразном размещении рабочих в казармах. Работающие в ночную смену часто не имеют возможности днем спать из-за шума и движения, которые происходят в казармах: в связи с тем, что в одном и том же помещении сплошь и рядом живут работающие в разных сменах, в казарме получается сутолока в течение круглых суток. Несомненно, что кое-какие меры для смягчения этой бытовой неурядицы могут быть приняты на местах, если фабзавкомы и администрация обратят на это явление должное внимание.

К слову сказать, в связи с жилищным вопросом нам следует призадуматься над очередностью дальнейшего введения 7-часового дня в промышленности. Как известно, первая группа предприятий, перешедших на 7-часовой день, расположена вне больших городов. На мой взгляд в этом есть кое-какие минусы. И из жилищных соображений и с точки зрения существенного влияния набора новых смен на рассасывание безработицы было бы безусловно более желательным, чтобы в первую очередь переход на 7-часовой день и трехсменную работу производился в более крупных промышленных центрах, где на местном рынке труда имеется больше свободных квалифицированных и полуквалифицированных рабочих. Этим путем можно было бы избежать больших экстренных расходов на постройку новых жилищ для приезжих рабочих.

Из других бытовых вопросов надо отметить, что переход на трехсменную систему заставляет перестроить практику массовой работы партии и профсоюзов. Необходимо достаточно гибкое изменение методов работы в предприятиях, перешедших на 3 смены с таким расчетом, чтобы каждая из смен была полностью обслужена и притом не в ущерб основной работе на производстве.

Резюмируя те предварительные итоги в области вопросов труда, которые рисуются сейчас на основе опыта текстильных фабрик, перешедших на 7-часовой рабочий день, мы можем сказать, что уже сейчас, несмотря на крайне незначительный срок работы по-новому, выявился с совершенной очевидностью ряд положительных результатов: увеличение выпуска продукции при наличном оборудовании предприятий, вовлечение в производство новых 13 тысяч рабочих при одновременном значительном уплотнении работ (которое при иных условиях вытеснило бы 9 тысяч рабочих).

На ряду с этими явлениями мы можем отметить ряд недочетов: крайне слабо, неумело и недостаточно была развернута массовая раз'яснительная работа о значении перевода на 7-часовой рабочий день. Уплотнение работ было недостаточно об'яснено, поэтому сплошь и рядом огромное положительное значение сокращения рабочего времени оставалось неосвещенным. С технической стороны предприятия были недостаточно подготовлены к переходу на 7-часовой рабочий день: вспомогательные материалы и сырье не были приспособлены к условиям уплотненной работы, произошла затяжка с об'явлением расценок, неподготовлены были нормальные условия охраны труда особенно в отношении освещения, вентиляции и техники безопасности. Вовлеченная в производство рабочая сила оказалась недостаточно квалифицированной и неприспособленной к повышенным требованиям предприятий. При этом обнаружилась неудовлетворительная постановка обучения в школах фабзавуча. Обострился жилищный вопрос. Работа органов, обслуживающих быт рабочих, нуждается в перестройке и улучшении.

Все эти выводы позволяют нам наметить основные вехи дальнейшей работы по подготовке перевода на 7-часовой рабочий день других предприятий. Основное требование должно заключаться в том, чтобы хозяйственные органы заблаговременно подготовились к переходу на 7-часовой рабочий день. Подготовительная работа должна быть децентрализована, чтобы обеспечить максимальное втягивание в эту работу рабочих масс и чтобы установить твердую ответственность самой администрации за удовлетворительные условия перевода предприятий на 7-часовой рабочий день. Вместе с тем самый перевод предприятий на 7-часовой рабочий день должен быть достаточно централизован: правительственная комиссия должна иметь возможность проверить, все ли сделано местными органами для безболезненного осуществления перевода предприятий на 7-часовой рабочий день.

Самый перевод предприятий на 7-часовой рабочий день должен быть об'явлен за несколько месяцев до его осуществления. Это даст возможность хозорганам своевременно озаботиться своевременной подготовкой подсобного материала, запасных частей, сырья лучшего качества, подготовкой рабочей силы, улучшением условий труда и обеспечением необходимых жилищных условий. Это даст возможность партии и профсоюзам, комсомолу и др. организациям заранее провести необходимую воспитательную работу среди рабочих, обеспечив необходимое поднятие трудовой дисциплины и производительности труда.

В связи с переводом на уплотненную работу необходимо улучшение в первую очередь нормировочной работы на предприятиях, должна быть улучшена работа технико-нормировочных бюро, и расценочно-конфликтных комиссий. Необходимо усвоить, что только достаточно обоснованным и серьезным нормированием труда можно добиться того, чтобы массы активно поддерживали проводимые мероприятия по повышению производительности труда.

Проблема подготовки квалифицированной рабочей силы должна быть поставлена во весь рост как перед хозяйственниками, так и перед органами Наркомтруда и Главпрофобра. Обеспечение предприятий дополнительным персоналом, особенно подмастерьями, усиление переобучения безработных, изменение постановки обучения в школах фабзавуча и в других формах ученичества, обеспечение лучшего отбора рабочей силы на биржах труда и постановка профессиональной экспертизы,—таковы те основные меры, которые должны быть направлены к лучшей подготовке и подбору рабочей силы.

Некоторая специальная работа должна быть проведена профессиональными союзами среди инженерно-технического персонала, учитывая ту огромную работу, которая ложится на специалистов в деле подготовки и осуществления проведения 7-часового рабочего дня и уплотненных работ. Необходимо обеспечить максимальную поддержку мероприятий со стороны самого инженерства. В данной области больше, чем где бы то ни было, инженер должен быть не простым исполнителем навязанной ему воли, а должен чувствовать себя под контролем пролетарского государства самостоятельным и ответственным работником на этом участке социалистического строительства.

Профессиональным союзам, кооперации, органам государственной торговли, здравоохранения и народного образования необходимо проработать вопрос о лучшем обслуживании бытовых нужд рабочих, перешедших на трехсменную работу.

Необходимо, наконец, сказать несколько слов по поводу массовой работы в отношении раз'яснения проводимой реформы. Можно считать установленным, что печать в этом вопросе оказалась не на должной высоте: слишком мало критики, слишком много победных реляций. Улучшение местной информации, выпуск популярной литературы, раз'ясняющей значение 7-часового рабочего дня,—таковы наши очередные задачи в этой области.

Н. Р.

Германский неоимпериализм и колониальная проблема.

«Немцы, не забывайте наших колоний»
(надпись на пивных подставках
в немецких ресторанах и пивных).

Германия была до мировой войны 1914—1918 гг. одной из крупнейших колониальных империй. Сегодня Германия лишена по Версальскому миру всех своих колоний и не имеет даже права пред'являть какие-либо претензии на них. Однако, бурное развитие германского капитализма после революционного кризиса 1918—21 гг. и инфляционного кризиса 1923 г. привело к возрождению и укреплению империалистических тенденций в Германии и снова поставило в порядок дня колониальную проблему. Это находит выражение в чрезвычайном усилении в Германии колониальной пропаганды, в активизации недавно еще совсем замершего «Германского колониального общества», в ряде весьма симптоматических выступлений на эту тему выдающихся германских политиков, в том числе президента Рейхсбанка Шахта, наконец, в факте включения по требованию германского правительства представителя Германии (видного промышленного деятеля Кастля) в мандатную комиссию Лиги Наций. Само собою разумеется, что в настоящий момент, когда германский капитализм еще не освободился от пут Версальского мира, когда Германия все еще лишена вооруженных сил, соответствующих потребностям крепнущего германского неоимпериализма, когда Германия не имеет даже права вести на равных условиях со странами Антанты простую торговлю в колониальных и полуколониальных владениях последней, вопрос о германской колониальной политике остается в значительной мере еще вопросом теоретическим. Только вполне ставший на ноги и разорвавший политические и экономические путы Версальского мира германский капитализм сможет поставить колониальную проблему практически, и тогда уже международный империализм не сможет помешать участию Германии в новом переделе колониальных стран и в ее «законной» доле из колониальной добычи империализма.

Однако, международный рабочий класс не может уже теперь оставить без внимания эти новые тенденции германского капитализма, которые обостряют международные капиталистические противоречия, воспроизводят новые и угрожают новыми опасностями для угнетенных народов колониальных стран. Поэтому мы должны со всей внимательностью изучить ту чрезвычайно интересную анкету по колониальному вопросу, которую недавно произвела редакция журнала «Europäische Gespräche», являющегося одним из наиболее авторитетных и серьезных органов немецкой печати по вопросам международной политики. Отвечая потребностям вре-

мени, редакция указанного журнала разослала ряду видных политических и общественных деятелей Германии анкету со следующими тремя вопросами:

1. Должно ли германское государство стремиться к приобретению колоний? По каким причинам—да, по каким—нет?

2. Должно ли германское государство стремиться к колониальной деятельности в форме колониальных мандатов? По каким причинам—да, по каким—нет?

3. Должно ли германское государство ограничиться требованиями полного равноправия для своих граждан и для своих сырьевых заготовок в чужих колониях и мандатных областях?

В декабрьской (№ 12) книжке журнала помещены пятьдесят ответов на эту анкету, дающих полную возможность проанализировать уже отмеченные нами неоимпериалистические тенденции в Германии. Но, прежде чем приступить к рассмотрению этих ответов, мы считаем целесообразным напомнить читателям некоторые важнейшие факты из колониальной политики довоенной Германии для того, чтобы облегчить понимание современной постановки немецкой колониальной проблемы.

Германский капитализм сравнительно поздно приступил к активной борьбе за колонии. Если не считать случайных и робких попыток немецких курфюрстов к захвату колониальных земель в конце 17-го века, очень скоро ликвидированных, то эпоха германской колониальной политики начинается только в восьмидесятых годах прошлого столетия. Только к этому времени совершенно закончился период борьбы германской буржуазии за об'единение Германии в единое целое, и только к этому времени рамки внутреннего рынка становятся тесными для быстро выросшего и окрепшего немецкого промышленного и финансового капитала. Бурное развитие германского капитализма ставит перед ним в указанный выше период остро вопрос о рынках сбыта его промышленной продукции, об обеспечении беспрепятственного снабжения промышленности дешевым сырьем и главное об обеспеченных районах для сверхприбыльного вывоза капиталов. Однако, к тому времени, когда германский империализм начал выходить на большие пути мировой политики и международного грабежа колоний, самые богатые земли оказались уже захваченными и разделенными между более старыми странами европейского капитализма—Англией, Францией, Португалией, Голландией и Испанией. Поэтому Германия должна была на первых порах ограничиться захватом сравнительно более бедных и малонаселенных земель в Африке и Океании. Лишь укрепившись в этих колониях в 1884—85 гг., германский империализм начал протягивать свои щупальцы в более богатые колонии других стран (Марокко и др.) и во владения более слабых азиатских государств — в Месопотамию и турецкую Малую Азию (Багдадская ж. д.). и в Китай (Цзя-Чжоу). Эти попытки германского империализма встретили большое сопротивление со стороны французского и английского империализма, цепко державшегося за свои «исконные права» в колониях; они часто приводили к острым международным конфликтам и, наконец, сыграли немаловажную роль в возникновении мировой войны 1914—1918 гг.

К началу мировой войны Германия обладала колониальной территорией в 2.952.900 кв. км с 12.950.000 чел. населения (в том числе 24.000 немцев). Главные ее колонии находились в Африке (Восточная Африка—995.000 кв. км с 7.660.000 населения, Камерун—790.000 кв. км и 2.653.000 населения, Юго-Зап. Африка 835.100 кв. км и 105.000 населения и Того—87.200 кв. км и 1.033.000 населения) и Океании (Новая Гвинея, Каролинские и Маршальские острова и острова Самоа). Эти колонии были крайне незначительными по сравнению с колониальными владениями Англии

(33,5 млн. кв. км с почти 400 млн. населения), России (17,4 млн. кв. км с 33,2 млн. населения) и Франции (10,6 млн. кв. км с 55,5 млн. населения). Однако они имели для германского империализма огромное значение в качестве опорных пунктов, откуда он мог развивать свою колониальную экспансию в более богатые и населенные земли. Размеры этой экспансии, которую германский империализм развивал с бешеной энергией, лучше всего характеризуются огромным вывозом капиталов. Так, по данным проф. Бернгарда Гармса. (B. Harms «Volkswirtschaft und Weltwirtschaft») уже к 1905 г. Германия экспортировала до 35 миллиардов марок, при чем на долю вложенных в колонии и полуколонии капиталов приходилось около 10 миллиардов марок, из коих почти 1½ миллиарда на африканские колонии. Эти капиталы еще больше возросли к началу мировой войны.

Экономическое значение немецких колоний было, однако, сравнительно небольшим, больше того, на первых порах эти колонии приносили даже убыток Германии (который покрывался за счет налогов с трудящихся масс метрополии). Следующие цифры характеризуют роль этих колоний. Общий торговый оборот Германии с ее колониями равнялся в 1912 г. примерно 170 млн. марок, т.-е. менее 1% всего внешнеторгового оборота Германии. Весь ввоз Германии в колонии оценивался в 1912 г. в 49 млн. марок, а вывоз из колоний—в 121 млн. марок. Таким образом, несмотря на сравнительно быстрый рост вывоза из колоний — в 1908 г.—46,5 млн. мар., а в 1912 г.—120,9 млн. мар. [1]), роль колоний в снабжении Германии сырьем и пищевыми продуктами была очень незначительна. Так, из немецких колоний было ввезено всего 11—12% каучука, ввезенного в Германию, 12% фосфатов, 0,5% хлопка и 0,7% кож и шкур [2]). В сравнении с этим экономическая роль английских колоний до войны измеряется цифрою в 35% общего экспорта Англии. С другой стороны, как уже отмечено выше, германские колонии приносили германскому государству убытки, достигшие в 1913 г. до 57 млн. марок за год [3]).

Таково было положение германской колониальной политики до мировой войны. В свете этих фактов мы перейдем теперь к рассмотрению итогов колониальной анкеты «Europäische Gespräche».

Прежде всего необходимо отметить, что из всех 50 ответов самых разнообразных участников анкеты только один Артур Голичер (известный левый писатель) высказался принципиально против колониальной политики, считая, что всякая колониальная политика противоречит принципу права самоопределения народов. Все же остальные, начиная от крайних националистов и кончая социал-демократами и виднейшими деятелями пацифистских организаций, высказались принципиально за допустимость для Германии и за ее право при известных условиях вести колониальную политику и приобретать колонии. Становясь на эту принципиальную точку зрения, все отвечающие на анкету подходили в дальнейшем к этому вопросу с точки зрения целесообразности, выгодности и возможности для Германии колониальной политики. Здесь мнения, конечно, разошлись. Одна часть открыто высказалась за необходимость для Германии приобретать колонии, другая (большинство) из практических соображений ответила отрицательно на первый и второй вопросы анкеты (о собственных колониях и мандатах).

Несмотря на то, что только небольшая часть запрошенных ответила на анкету, отпечатанные ответы дают возможность установить отношение к колониальной проблеме основных групп немецкой общественности. За безусловное право и необходимость для Германии приобрести собственные колонии высказываются представители прежней колониальной бюрократии (бывш. министр колоний, депутат-центровик Белл, бывш. губернаторы отдельных колоний и т. д.), представители тяжелой индустрии (проф. Каро, Аденауер и Гугенберг) и торговой буржуазии главных экспортных портов Германии—Гамбурга и Бремена, деятели националистических организаций (Банг и др.), некоторые представители демократической интеллигенции (д-р А. Грабовский), социал-демократ Макс Коген-Ройс и, наконец, руководитель и генеральный секретарь христианских профсоюзов Ф. Балтруш. Таким образом, все те слои довоенной Германии, которые были носителями идеи германского империализма, вновь выступают провозвестниками неоимпериализма и подготовляют идеологически возможность для последнего в свое время поставить колониальную проблему практически.

[1]) «Politisches Handwörterbuch», Leipzig, 1923. стр. 1000.
[2]) Лукин-Антонов. «Очерки по новейшей истории Германии». ГИЗ. 1925, стр. 159.
[3]) Там же, стр. 162.

Как обосновывают германские неоимпериалисты необходимость захвата колоний для Германии?

Один из наиболее активных руководителей колониальной пропаганды, депутат рейхстага и бывш. губернатор африканских колоний д-р Шнее, выдвигает следующие доводы в пользу колоний: 1) перенаселение Германии и недостаточность немецкого сельского хозяйства для снабжения всего населения страны продуктами питания и сырьем,—без расширения собственных земель Германия будет находиться в возрастающей зависимости от заграницы в отношении ввоза сырья и продуктов питания. 2) Колонии будут содействовать усилению сбыта немецких промышленных товаров и развитию немецкого торгового флота. 3) Колонии содействуют развитию отечественной науки, так, например, благодаря колониальному опыту германская наука открыла средства лечения тропических болезней.

Другой участник анкеты бывш. губернатор Самоа, Шульц - Еверт, дополняет приведенные выше доводы оценкой колоний, как места для эмиграции избыточного населения Германии и как средства для «развития немецкого национального характера».

Социал-демократ и социал-империалист Коген - Ройс доказывает необходимость колоний с точки зрения: а) обеспечения независимости Германии в снабжении сырьем, б) возможности приобретения в колониях сырья по более дешевым ценам и в) увеличения активности платежного баланса страны в случае включения источников сырья в рамки «внутренней торговли» Германии.

Наиболее цинично подходит к этому вопросу известный либеральный публицист д-р Адольф Грабовский. В то время как многие участники анкеты замазывает империалистический характер колониальной политики лживыми «экономическими» доводами или апелляцией к пользе колоний для науки и национального характера, Грабовский берет быка прямо за рога. Он откровенно называет колониальную политику империалистической политикой и доказывает необходимость и целесообразность последней.

> «Капитализм,— говорит Грабовский,— есть до сих пор неслыханное развитие производственных сил земли. Должен ли он застопориться перед Африкой, потому что негры еще неспособны быть суб'ектом капитализма? Это невозможно, и это было бы не желательно. Это значило бы оставить неиспользованной часть земли».

Возражая далее против идеи превращения Африки в одну единую колонию об'единенной Европы, потому что это исключает важнейший фактор колониальной политики — конкуренцию колониальных держав между собой, — Грабовский говорит:

«Лоскутная земельная политика прежних колониальных времен прошла. Современная колониальная политика, которую нужно называть империалистической политикой, характеризуется тем, что каждая колониальная держава стремится создать свою колониальную империю, в которой каждая колония занимает твердое место, как источник сырья, рынок сбыта или область поселения белых... Империалистическая держава пытается направить развитие колонии на одну или только немного культур для того, чтобы во всем остальном сделать ее зависимой от всей империи. Туземцев при этом отчуждают от старых культур для того, чтобы заставить их служить одной новой... Туземец вовлекается при этом в поток капитализма, он учится думать по-капиталистически и начинает постепенно чувствовать себя доросшим до западно-европейских вторженцев».

Исходя из всех этих соображений, Грабовский высказывается за необходимость колониальной политики вообще и Германии в частности.

Уже цитированный нами социал-империалист Коген-Ройс высказывается на эту тему более подробно в журнале известного идеолога германского империализма Пауля Рорбаха «Немецкая Мысль» («Der Deutsche Gedanke»), организовавшем на своих страницах дискуссию «За или против колоний». В первой декабрьской (1927 г.) тетради этого журнала Коген - Ройс еще более цинично, чем в «Europäische Gespräche», требует колоний для Германии. По его мнению, нынешнее экономическое развитие мира идет по линии создания больших экономических империй. Примером такого развития он считает Британскую империю. «Она показывает, говорит он, срастание метрополии с прежними колониями в одну экономическую империю, в которой прежняя констелляция: здесь метрополия — там колонии, исчезает, уступая место экономической солидарности, вырастающей из чувства взаимопринадлежности». (Это-то в эпоху распада Британской империи, когда вопрос об отделении Канады и Австралии является только вопросом времени!). Исходя из этой им самим надуманной линии развития мирового хозяйства, Коген - Ройс требует превращения Африки в составную часть европейской или европейских экономических империй, каковыми, по его мнению, должны быть Франция и Германия, между которыми и должна быть разделена Африка.

Если сравнить эти важнейшие доводы самых различных представителей германской общественности с картиной развития и итогами германской колониальной политики до войны, то мы увидим, что доводы сегодняшнего дня противоречат довоенным фактам. В самом деле, роль германских колоний до войны в отношении переселения в них немцев, снабжения метрополии сырьем и сбыта немецких промышленных товаров была крайне незначительной. Экономический удельный вес их определяется цифрой ниже 1% всего внешнеторгового оборота Германии. Поэтому почти все указанные выше доводы лживы и предназначены для того, чтобы замазать действительные цели германского неоимпериализма. Роль колоний в эпоху империализма заключается в обеспечении для капиталистических государств места для сверхприбыльного экспорта капиталов, для вложения капиталов в предприятия колоний, где труд рабочих неизмеримо дешевле, чем в метрополиях, где низкий уровень классового самосознания пролетариата не угрожает прибылям капиталистов в результате стачек и других социальных конфликтов. Наконец, колонии нужны правящим классам империалистических стран для того, чтобы за счет колониальных прибылей иметь возможность подкупать верхушку рабочего класса и создавать реформистскую рабочую аристократию, являющуюся важнейшей опорой капитализма против пролетарской революции.

Именно в этом свете и нужно рассматривать колониальные тенденции подрастающего германского неоимпериализма. Германия, оправившаяся после экономических и социальных потрясений послевоенного периода и бывшая в течение ряда лет типичной страной импорта капиталов, начинает в 1927 г. выступать, как страна, экспортирующая капиталы. Правда, в этом отношении германский неоимпериализм делает только робкие детские шаги, однако, исключительно быстрый темп его развития позволяет предположить, что этот экспорт капиталов будет быстро расти, несмотря на рамки Версальского мира и плана Дуэса. Такие факты, как приобретение германским капиталом концессий в Африке и Новой Гвинее, как переход в его руки акций ряда акционерных обществ в Аргентине и Бразилии и др. странах Латинской Америки, являются первой ласточкой в указанном направлении. Впервые после войны Германия начала давать займы в 1926 г. на сумму в 67 млн. марок. За первую половину 1927 г. Германия вложила за границей 112 млн. марок[1]. Конечно, сами по себе эти цифры незначительны, но и они указывают на тенденцию развития. Те же факты об'ясняют нам, почему к 1928 г. колониальная проблема становится в Германии в порядок дня, почему пропаганда за колонии начинает становиться более дерзкой и настойчивой. Германский неоимпериализм подготовляет теперь почву для своих будущих выступлений с требованиями предоставления ему колоний. И если сегодня еще не созрели для этого экономические и политические предпосылки (невозможность большего экспорта капиталов из - за плана Дауэса, отсутствие необходимых для колониальной политики армии и флота и т. д.), то в скором времени они будут налицо, и тогда Германия должна быть, по мнению идеологов империализма, вполне, подготовлена для такого выступления. Недаром в последний год Германия начала усиленно строить военный флот, это абсолютно необходимое условие для активной империалистической политики.

Но германскому империализму не везет с колониями. Каждый раз, когда он готовится выходить на большую дорогу колониальной политики, он опаздывает.

Как мы уже указывали выше, Германия начала борьбу за колонии в конце девяностых годов прошлого века, в момент, когда лучшие земли были уже захвачены более старыми капиталистическими государствами. На этот раз германский империализм натыкается на новое серьезное препятствие: на широко развернувшееся революционно-освободительное движение угнетенных народов. Ему приходится теперь бороться за колонии в эпоху великой китайской революции, революционных и национальных движений в Голландской Индии, Сирии, Марокко и других странах Азии, Америки и Африки, в эпоху об'единения угнетенных народов в союзе с западным пролетариатом, вокруг мировой антиколониальной и антиимпериалистической лиги, наконец, в эпоху социалистического строительства в СССР. Бороться за колонии в момент, когда старые колониальные империи—Англия и Франция—потрясаются беспрерывными восстаниями в колониях, когда не прекращаются годами большие и малые колониальные войны, есть задача, разрешить которую германскому неоимпериализму может быть не под силу. Это прекрасно понимают идеологи последнего, поэтому одни из них до поры до времени считают целесообразным не выдвигать колониальной проблемы, другие же пытаются обойти эти трудности, отказываясь от претензий на колонии в странах с развитыми национально-освободительными движениями.

---

[1]) «Wirtschaft und Statistik» № 17 за 1927 г., стр. 739.

Ярче всего первую точку зрения выражает видный немецкий публицист Георг Клейнов в ответе на указанную выше анкету.

«Теоретический вопрос гласит,—говорит Клейнов,—имеет ли колониальная система, как ее сохраняют Англия и Франция, перспективу на длительное существование? Развитие английских колоний говорит против этого. Большевистская контрпропаганда встречает в Азии и Африке отзвук... Может ли старая политика быть возобновлена в Китае, является вопросом, требующим точнейшего изучения. Покачто я этому не верю. Что русская пропаганда среди других народов очень сильно влияет и вызывает глубокое изменение в общественном мнении населения Африки, я считаю установленным, ибо она исходит из высокого человеческого права. В текущий политический момент принятие колониального мандата имело бы последствием опасность, что новые колониальные интересы Германии привели бы ее на буксир Англии против Советского Союза... До сих пор я все еще вижу наибольшие перспективы для немецкого народа, как целого, на Востоке, в России, но не на стороне Англии».

Исходя из всего этого, Клейнов высказывается против новых колоний для Германии. Этой же точкой зрения руководствуются почти все противники колониальной политики Германии.

Иначе подходят к этому вопросу бывш. губернатор германской Африки Шнее и Койген - Ройс. Оба признают трудности, стоящие перед германским неоимпериализмом перед лицом борьбы колоний за свое освобождение, но оба находят выход из них.

«Германия должна, по моему мнению,—говорит Шнее,—добиваться колониальных мандатов только в таких областях, которые населены неразвитыми народами. В настоящее время сильное движение за независимость происходит у цветных народов старых культур в Азии и Сев. Африке. Я считал бы правильным, чтобы Германия заранее отвела от себя мысль быть вовлеченной в такого рода осложнения. С другой стороны, было бы совершенно ошибочно, если бы кто-нибудь по этим причинам высказался против приобретения вновь немецких колоний с неразвитыми народами, каковыми являются Средняя Африка и Южное море. Эти, по крайней мере на поколения вперед неспособны самоуправляться. Если бы из этих стран убрали всякое европейское управление, то следствием этого явилось бы не установление самоуправления, а возврат в прежний хаос».

В этом же духе высказывается и социал-империалист Коген - Ройс в «Немецкой Мысли» Рорбаха.

«Нельзя спорить,—пишет он,—что движение за независимость среди колониальных народов сделало большие успехи со времени последней войны, но имеется большое различие между азиатским и африканским населением. Лозунг: Африка африканцам!—не будет опасен для европейских колонизаторов, которые решатся порвать со старой... политикой эксплоатации туземцев. Открытие Африки без европейской помощи невозможно, и африканцам (которым все, что им нужно, не попадает без всякого) она нужна... Современное хозяйство не должно при правильном функционировании допустить, чтобы какойлибо источник сырья оставался без использования, поэтому открытие Африки является обязанностью Европы и необходимостью для нее. И Германия также не может во имя своих собственных, а также европейских интересов уклониться от этой обязанности».

Германский неоимпериализм кое-чему научился за время социальных кризисов в своей стране и от уроков русской и китайской революции. Он понял, что до богатых земель Азии и Сев. Африки, где развертываются острые социальные и национальные конфликты, у него руки коротки, поэтому он готов отказаться от всяких попыток приобрести старые привилегии в этих странах и ограничиться пред'явлением претензий на колонии в тех местах, где культурное развитие туземцев позволяет без больших политических трудностей и без больших затрат на колониальные войны против непокорных рабов эксплоатировать сказочно дешевую рабочую силу последних в целях получения сверхприбылей для капиталистической верхушки метрополии. Никакие высокие слова об «открытии Африки для африканцев» или о необходимости «вовлечения негров в европейскую культуру», проповедываемые в трогательном единодушии бывшим палачом африканских негров Шнее и предателем германского пролетариата Коген - Ройсом, не скроют империалистических целей современных стремлений Германии к колониям. Впрочем, сами империалисты этого и не скрывают. Так, в брошюре «Империализм и колониальная политика», изданной в июне 1927 г. «Германским колониальным обществом», автор ее, правительственный советник Ганс Цахе, полемизируя против выступлений немецких делегатов на конгрессе антиимпериалистической лиги в Брюсселе, пишет следующее:

«Фельетонист, который писал в «Берлинер Тагеблатт» о Брюссельском конгрессе, доходит до утверждения, что обнищание европейских рабочих имеет своей причиной конкуренцию дешевой рабочей силы угнетенных туземцев колоний... Хотят ли эти господа заставить наших лишних индустриальных рабочих возделывать в Камеруне земляной орех, а в Восточной Африке сизал? Или в чем еще состоит конкуренция негра с нашим «обнищавшим рабочим»? Или мы должны миямвесю (негритянское племя. *Н. Р.)* платить на наших плантациях жалованье в размерах, принятых в Европе, следовательно, их удесятерить? Каково было бы следствие? Ни один знаток негров не будет сомневаться, что они будут тогда только работать каждый десятый день, потому что их прожиточный минимум на десять дней будет удовлетворяться заработком одного дня. Но почему же нет? Ведь это якобы представители интересов рабочих Германии, которые хотят создать рай для негров, от которого немецкие рабочие будут толкаться еще дальше в ад!»

Этот совершенно открытый и циничный язык колониального эксплоататора высказывает то, что прикрывают своими «культурническими рассуждениями» «ученые» теоретики и «социалистические» прислужники германского неоимпериализма. Дешевый рабочий труд негров, отсутствие социальных конфликтов и классовой борьбы в «некультурных колониях» во имя сверхприбылей на капитал,—вот о чем мечтает германская буржуазия в 1928 г. после того, как она порасправила свои крылья внутри страны, вот на что должен обратить свои взоры германский пролетариат.

Но этим не исчерпываются трудности Германии в борьбе за колонии. Ведь колонии пока-что все поделены между победителями в мировой войне, ведь свободных, «бесхозяйных» земель нет, надо у кого - то их отнять,— так стоит теперь колониальный вопрос для Германии. И как раз все те колонии, на которые рефлектирует германский капитализм, находятся в руках такого могущественного империалистического государства, как Англия, для которой эти земли представляют потому особую ценность, что ее другие более старые колонии или превратились в полунезависимые доминионы (Канада, Австралия, Южная Африка) или переживают

период глубочайшего брожения и потрясаются острыми национальными и социальными конфликтами (Индия). Правда, Англия не является собственницей всех бывших немецких колоний, а только временным их управляющим в порядке мандата Лиги Наций, так что формально Германия может рассчитывать на возможность получения той или иной колонии в мандатное управление после истечения срока Англии. Но кто же может сомневаться в том, что название «мандатная область» является только маскировкой фактической собственности «мандатара» на соответствующие земли? Следует только вспомнить, что во время заключения Версальского мира попытки Англии и Франции получить немецкие колонии в собственность сорвались только вследствие сопротивления Соед. Штатов и что поэтому и было создано новое юридическое понятие мандатов. Сомнений нет, что мандатары и особенно Англия вовсе не намерены отдавать назад африканские колонии, в которые теперь усиленно вкладываются английские капиталы, могущие принести главные барыши только через несколько лет. Больше того, Англия сейчас уже практически подготавливает почву для юридического оформления перехода мандата в собственность английского империализма.

В настоящее время в Восточной Африке находится специальная английская правительственная комиссия под руководством Хильтона Юнга, которая имеет поручение изучить возможность об'единения мандатной области Танганайки (бывш. герм. колония) с английскими колониями (Кенья и др.) в один Восточноафриканский Доминион. Начиная со второй половины 1927 г. ряд официальных лиц и влиятельных деятелей в Восточной Африке публично высказывается за образование нового Доминиона и за закрепление навсегда мандатных земель за Англией. Так английский губернатор Кеньи, Эдвард Григг, выступая 30 августа 1927 г. в столице Кеньи—Наироби—в законодательном совете, сказал:

> «Возможность об'единения Танганайки с соседними государствами куплена тяжелыми жертвами. Если теперь, когда все связующие звенья находятся в английских руках, последние не будут скованы в цепь длительной крепости и длительной ценности, то эти жертвы оказались бы напрасно принесенными» [1]).

Летом же 1927 г. крупнейший землевладелец Кеньи лорд Деламур говорил на конференции землевладельцев в Наироби:

> «Будущность Танганайки может быть только тогда надежной для Английской империи, если она будет неразрывными федеративными узами связана с соседними английскими странами» [2]).

Наконец, в октябре 1927 г. уполномоченный лорда Деламура, мистер О'Шиа, говорил собравшимся фермерам:

> «Вы строите ненадежно, если Танганайка не будет окончательно связана с федерацией узами, которые не смогут быть разорваны... До тех пор, пока Великобритания желает иметь Танганайку, она ее может получить. Но опасность заключается в том, что в развитии британской интернациональной политики может наступить день, когда государственным мужам Великобритании покажется разумным обменять Танганайку на другие выгоды. Это то, против чего вы должны себя обеспечить. После окончания войны никто не решался предусмотреть возвращение Танганайки Германии. С тех пор, однако, мнения изменились. Сегодня международная политика Великобритании ни в какой

[1]) Цитировано по речи депутата народной партии Шнее в Рейхстаге 1 февраля 1928 г.; см. стенограмму пленума Рейхстага № 373, стр. 12567.

[2]) Там же.

> мере не является недружелюбной по отношению к Германии. Кажется обоснованным думать, что через пару лет международная политика приведет к дружественному согласию с Германией. В этом случае Танганайка может быть ценой согласия. Против этого мы должны себя обеспечить» [1]).

Таковы тенденции английского империализма—превратить Восточноафриканский мандат в собственную колонию для того, чтобы обеспечить себя от возможного перехода богатств этих земель в руки Германии. С этими трудностями Германии придется бороться, чтобы получить новые колонии, и ей в лучшем случае придется заплатить за это огромную цену [2]).

Германские неоимпериалисты прекрасно предвидят эти трудности. Поэтому они уже теперь работают над способами их преодоления и намечают пути борьбы за колонии. Так, цитированный нами депутат народной партии Шнее в своей речи в Рейхстаге 1 февраля с. г. требовал от правительства, чтобы оно протестовало немедленно в Совете Лиги Наций и ее мандатной комиссии против указанных «незакономерных» намерений Англии, и в ответ на это он получил обещание Штреземана заявить своевременно этот протест. Но немецкие политики идут дальше. Они пытаются подготовить международную обстановку для борьбы за колонии. Так как главным препятствием для возвращения Германии колоний является Англия, то многие германские политики стремятся создать так называемый континентальный блок во главе с Германией и Францией для того, чтобы, опираясь на него, сильнее нажимать на Англию. Тот же Коген-Ройс в уже цитированной статье в «Немецкой Мысли» открыто проповедует блок Германии с Францией в колониальном вопросе:

> «Это требование,—говорит он,—тем скорее осуществится, чем теснее Германия будет работать с Францией, где раньше всего раздались голоса за возврат колоний Германии. У нас, как и во Франции, начинают постепенно сознавать, что от франко-германского сотрудничества зависит мир и будущее Европы. Чем теснее будет происходить экономическое сплетение между Германией и Францией, тем лучше это будет и для развития европейской колониальной империи в Африке; кооперация дома создает ее в колониях автоматически. Что мешает допустить Германию к развитию этой грандиозной колониальной империи, раз Британия по разным причинам не подходит для этой цели»? [3]).

[1]) Цитировано по речи депутата народной партии Шнее в Рейхстаге 1 февр. 1928 г., см. стенограмму пленума Рейхстага № 373, стр. 12567.

[2]) Для СССР это выступление английского колониального деятеля представляет еще и другой интерес: оно предуказывает возможную цену, за которую Англия в случае обострения конфликта против СССР попытается купить вхождение Германии в антисоветский блок. Мы ни в какой мере не гарантированы от того, что при нынешних стремлениях германского империализма эта цена окажется достаточной для того, чтобы поставить Германию в ряды наших врагов.

[3]) Вопрос о франко-германском колониальном сотрудничестве в Африке, видимо, начинает переходить из области теории в область практического осуществления. Близкая к герм. мин. ин. дел газета «Теглихе Рундшау» сообщает 13 февраля 1928 г., что французский сенатор Лемери, бывш. министр колоний Франции, специально посетил Берлин для обсуждения ряда вопросов, связанных с организацией смешанного франко-германского о-ва для эксплоатации французских колоний в Африке. В перспективе предстоит образование ряда таких колониальных обществ для работы в Гвинее, Экваториальной Африке, области слоновой кости и т. д. Одно такое общество уже функционирует под названием «Колониальное Общество Восточная Африка» (Коловея). Тот же Лемери предполагает выступить во французском сенате с запросом о незакономерных действиях Англии в мандатной области Танганайка.

Все эти приведенные стремления германского неоимпериализма к приобретению новых колоний и к созданию подходящих для этой цели международных империалистических комбинаций в Европе чреваты новыми противоречиями и новыми конфликтами в и без того напряженной и конфликтной обстановке капиталистической Европы. Перед лицом всех этих фактов германский пролетариат должен мобилизовать общественное мнение для того, чтобы своевременно наложить узду на германский неоимпериализм и на его захватнические тенденции.

М. Васильев.

О промкадрах[1]).

Рост социалистической промышленности с особенной остротой выдвигает вопрос о правильном подборе ответственных руководителей промышленности. До сих пор вопрос этот стоял как бы в стороне. Его заслоняли такие проблемы, как снижение себестоимости, повышение производительности труда, увеличение продукции и поднятие ее качества и т. д. В вопросе же о человеческом материале, о промышленных кадрах царило этакое настроение благополучия: работают, мол, люди, работают не плохо, зачем же их изучать? Нечего и говорить, что подобные настроения находятся в «зубодробительном» противоречии с задачами дня.

«Проверять людей,—говорил Ильич,—и проверять фактическое исполнение дела—в этом, еще раз в этом, только в этом теперь гвоздь всей работы, всей политики». Правда, он добавлял: «Это дело не нескольких месяцев, не одного года, а нескольких лет» [2]).

Некоторые хозяйственники настолько хорошо усвоили вторую часть ильичевского положения, что они забыли о его первой, основной части.

Проверка и учет, вопросы назначения, повышения квалификации наших хозяйственников и качественного улучшения их состава,—все это должно стать и становится во главу угла нашей хозяйственной работы.

Попытаемся на основе имеющегося материала осветить положение руководящих промышленных кадров в его сегодняшнем виде. К сожалению, данные, которыми мы располагаем, не рисуют полной картины, все же общее представление о качестве и лице наших хозяйственников они дают. Заметим также, что материалы касаются только промышленности союзного значения.

* * *

Начнем с партийного состава наших хозяйственников.

Материал учраспреда ВСНХ охватывает весьма ограниченный срок работы правлений, именно за два года подсчет произведен трижды, на 1 января 1926 года, на 1 января 1927 г. и на 1 января 1928 г. Тем не менее ценность его бесспорна, поскольку он вскрывает динамику восстановительного и начала реконструктивного периода.

Нижеследующая таблица рисует динамику роста партийного состава руководящих промкадров (в правлениях трестов, синдикатов и акц. об-в).

Парти ный состав руководящих промкадров.

	На январь	% партийцев в правлении
В трестах	26 года	70,4
	27 „	71,2
	28 „	71,4
В синдикатах	26 года	72,2
	27 „	81,6
	28 „	84,2
В акц. о-вах	26 года	68,6
	27 „	69,7
	28 „	68,4

[1]) Помещая статью т. Васильева, затрагивающую интересные проблемы, редакция полагает, что автор подходит к этим проблемам несколько ведомственно и узко, и приглашает читателей высказаться по данному вопросу.

[2]) Н. Ленин. Том XVIII, ч. 2, стр. 16.

Таким образом, партийная часть правлений растет из года в год. Как правило, отношение партийного состава правлений к беспартийному следующее: 2 : 1. В последнее время при формировании правлений на 3 партийных приходится один беспартийный специалист. Некоторое исключение в этом смысле представляют синдикаты. Надо помнить, однако, что в правления синдикатов входят представители трестов, тем самым нарушающие обычную пропорцию в сторону парт'ядра.

Что касается партийного стажа, то нельзя не отметить заметное сокращение числа членов правлений с дореволюционным партийным стажем. Причины здесь понятны. Это, во-первых, поредение старой гвардии большевиков вообще, выдвижение партийного молодняка, во-вторых. Преобладающая и все более увеличивающаяся категория партийцев в правлениях—это члены ВКП с восьми—десятилетним стажем. Особенно это заметно в трестах, которые, в отличие от синдикатов, близко стоят к предприятиям и потому впитывают оттуда наиболее передовые и способные элементы пролетарской общественности.

Общий вывод тот, что партийный состав в руководящих органах государственных хозоб'единений в основном удовлетворителен.

Несколько иную картину рисуют материалы социального состава руководящих промкадров.

Динамика социального состава в правлениях хозоб'единений.

		Янв. 26 г.			Янв. 27 г.			Янв. 28 г.		
		Парт.	Бесп.	Всего	Парт.	Бесп.	Всего	Парт.	Бесп.	Всего
Тресты	Рабочих	61,2	2,7	43,9	55,1	1,1	39,7	57,4	1,3	41,3
	Служащих	38,2	94,6	54,9	44,0	95,4	58,7	42,6	98,7	58,7
	Крестьян	0,6	2,7	1,2	0,9	3,5	1,7	—	—	—
	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Синдик.	Рабочих	42,9	—	31,0	37,1	—	30,3	44,8	5,5	38,6
	Служащ.	57,1	100	69,0	60,6	100	67,9	55,2	94,5	61,4
	Крестья	—	—	—	2,3	—	1,8	—	—	—
	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100
		Июль 26 года								
Акц. общ.	Рабочих	46,6	7,7	34,9	46,6	7,7	34,9	40,0	—	27,4
	Служащ.	53,4	84,6	62,8	53,4	84,6	62,8	58,5	100	71,6
	Крестьян	—	7,7	2,3	—	7,7	2,3	1,5	—	1,0
	Всего	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Как видно, удельный вес рабочих в правлениях трестов значительно выше, чем в других хозоб'единениях. И совершенно естественно, если принять во внимание отмеченный выше рост руководящего влияния в трестах партийного молодняка. В то же время в трестах, как и в акционерных обществах, за последние годы отмечается рост служащих за счет рабочих. В синдикатах картина обратная. Дело в том, что при образовании синдикатов в правления их вошло непропорционально большое количество служащих, несмотря на то, что % служащих в правлениях синдикатов неизменно падает, все же до сих пор еще он выше, чем в правлениях трестов. Правда, в значительной степени этот служилый элемент в правлениях приходится на их партийную часть.

Почти совершенно исчезают в правлениях крестьяне.

Наибольший % их представлен в акционерных обществах. Но и тут удельный вес их неуклонно падает.

Каковы практические выводы? Состав правлений хозоб'единений должен быть непременно пополнен рабочими-партийцами.

Что касается общеобразовательной и научно-технической подготовки, нужда в которой в теперешний реконструктивный период промышленности непомерно высока, то здесь положение несравненно хуже.

Оказывается, огромное большинство наших хозяйственников не только не имеет специальной технической подготовки, но и стоит на крайне низком образовательном уровне. Достаточно сказать, что на 1 января 1928 года в правлениях трестов находилось 45,6% с низшим образованием, в синдикатах—50% и в акционерных обществах—33,7%.

Характерно, что наименьшая подготовка—как раз в партийной части правлений. Так, на указанное время в правлениях трестов было 62,9% партийцев с низшим образованием, в синдикатах—56,2%, и в акционерных обществах—49,2%. Правда, число хозяйственников с низшим образованием в трестах и акционерных обществах заметно падает, зато оно угрожающе растет в синдикатах. В правлениях трестов отмечается внушительный рост беспартийных специалистов с высшим образованием, наоборот, количество партийцев с высшим образованием растет крайне медленно. В синдикатах, наоборот, число беспартийных с высшим образованием сокращается и значительно растет та же группа партийцев. Об'ясняется это, очевидно, переходом определенной массы инженеров с торговой деятельности в синдикатах на производственную работу.

Необходимо отметить также чрезвычайно положительное явление: как в трестах, так и в синдикатах растет группа партийцев со средним образованием. Но можно ли в общем признать образовательную подготовку наших руководящих хозяйственных кадров удовлетворительной? Ни в коем случае. Повышение общеобразовательной и научнотехнической квалификации командного состава нашей промышленности должно быть ударной задачей партии и правительства. Практика показывает, что зло всех зол нашего промышленного комсостава заключается в чрезмерной текучести его состава. Практика показывает также, что качество работы правлений хозучреждений прямо пропорционально продолжительности их существования. Иначе говоря, чем дольше работает данное правление или отдельный хозяйственник, тем богаче плоды, тем выше эффект. Между тем, как видно из нижеприводимой таблицы, продолжительность работы правлений совершенно не соответствует нормальным требованиям.

Текучесть состава правлений хозучреждений (в %%).

	Проработали:	Январь 1926 г.			Январь 1928 г.		
		Парт.	Бесп.	Всего.	Парт.	Бесп.	Всего.
По трестам	Менее 1 года	46,1	25,3	39,9	39,5	19,2	33,7
	От 1—2 лет	25,8	12,0	21,7	32,4	23,8	31,4
	„ 2—3 „	10,7	14,7	11,9	12,4	13,7	12,8
	„ 3—5 и выше	17,4	48,0	26,5	15,7	38,3	22,1
		100	100	100	100	100	100
По синдикатам.	Менее 1 года	36,2	11,4	29,4	52,6	11,8	45,3
	От 1—2 лет	35,2	28,6	33,3	21,1	29,4	24,2
	„ 2—3 „	24,2	37,1	27,8	12,8	11,8	12,6
	„ 3—5 и выше	4,4	22,8	9,5	11,5	47,0	17,9
		100	100	100	100	100	100

		На 1-е июля 1926 г.					
По акц. обществам	Менее 1 года	45,9	27,3	40,0	25,6	15,0	22,2
	От 1—2 лет	33,3	—	22,9	51,2	45,0	29,2
	„ 2—3 „	12,5	45,4	22,9	18,6	20,0	19,1
	„ 3—5 и свыше	8,3	27,3	14,2	4,6	20,0	9,5
		100	100	100	100	100	100

Из таблицы видно, что в трестах идет медленный процесс собирания сил. Партийцев, работающих менее года, становится все меньше, наоборот, увеличивается число работающих от 1—3 лет. Процент партийцев, работающих свыше 3 лет, более или менее стабилен, хотя он и имеет тенденцию к понижению. Значительно устойчивее группа беспартийных. Специалисты работают на одном месте гораздо дольше, чем партийные товарищи.

В синдикатах дело обстоит иначе. Группа работающих менее года растет, в особенности это заметно среди партийной части. Группа от 1—3 лет дает снижение. Увеличение категории работающих свыше 3 лет не обещает ровного нарастания. Как и в трестах, здесь характерно более устойчивое положение беспартийной части правлений.

Что касается акционерных обществ, то, несмотря на то, что 1-я группа уменьшилась в ней почти вдвое, число работающих от 1 до 2 лет соответственно увеличилось, все же в основном текучесть состава правлений сохранилась.

Вообще текучесть комсостава промышленности необычайно велика, хоть и становится меньше. Как правило, беспартийная часть, т.-е. специалисты, имеют в этом отношении большое преимущество перед партийными товарищами. Срок их работы в данном хозоб'единении значительно выше.

Теперь спустимся с трестовских высот непосредственно на предприятия. В частности, проследим состав директоров наших госпредприятий. В произведенное обследование вошли 770 директоров на 1 января 1926 года, из них 167 беспартийных, и 766 на 1 января 1928 года, из них 82 беспартийных.

Качественный состав директоров госпредприятий (в $^0/_0{}^0/_0$).

Директорский состав по разн. признакам	Январь 1926 г. Парт.	Январь 1926 г. Бесп.	Январь 1926 г. Всего.	Январь 1928 г. Парт.	Январь 1928 г. Бесп.	Январь 1928 г. Всего.
Партийность	78,3	21,7	100	89,3	8,7	100
Социальн. положен.						
Рабочих	70,8	10,2	57,7	70,3	4,9	63,3
Крестьян	7,6	7,2	7,4	4,0	—	3,5
Служащих и пр.	21,7	82,6	34,9	25,7	95,1	33,2
Итого	100	100	100	100	100	100
Образование.						
Низшее	75,0	31,8	65,6	78,6	14,8	71,6
Домашнее	5,3	3,6	4,9	3,7	2,5	3,5
Среднее	16,6	24,5	18,3	14,9	24,7	16,0
Высшее	3,1	40,1	11,2	2,8	58,0	8,9
Итого	100	100	100	100	100	100
Директор. стаж.						
Менее 1 года	43,0	29,9	40,1	38,3	20,7	36,4
От 1—2 лет	31,5	22,8	29,6	34,2	20,7	32,8
„ 2—3 „	11,4	20,4	13,4	16,7	19,5	17,0
„ 3—5 и выше	14,1	26,9	16,9	10,8	39,1	13,8
Итого	100	100	100	100	100	100

Партийный состав наших директоров неуклонно растет, он приближается к 100%, растет также рабочее ядро директоров. Группа «служащих», составляющая одну треть, относительно устойчива, но тенденция ее к понижению очевидна. Заметно сокращается группа крестьян, уступая дорогу выдвинувшимся рабочим из предприятий. Соответственно количественному росту рабочих директоров увеличивается группа с низшим образованием. Наоборот, среди беспартийных директоров за счет низшего и домашнего образования систематически растет группа с высшим образованием, что, естественно, положительно сказывается на квалификации руководства. Переходя к текучести состава, нужно сказать, что он оставляет желать много лучшего. Группа проработавших на предприятии менее одного года чрезвычайно велика, хотя и дала в текущем году некоторое снижение. Падает категория директоров: урегулирование этих вопросов—задача первостепенной важности со стажем от 2—3 лет.

Резюмируя, нужно сказать, что на ряду с совершенно здоровой тенденцией увеличения рабочего и партийного ядра директоров до сих пор слабым местом в нашей работе остается текучесть состава и низкая квалификация директоров: урегулирование этих вопросов—задача первостепенной важности и срочности.

В частности, задача переквалификации и переподготовки остро встает сейчас перед советскими промкадрами вообще.

Второе, что нужно отметить в отношении состава наших промкадров в целом,—это необходимость большего и большего увеличения партийного и рабочего ядра в правлениях хозоб'единений, что послужит верным залогом правильного и успешного осуществления партийных директив.

* * *

Количественный учет представляет совершенно необходимую часть работы по учету состава промкадров вообще: этим мы и занялись в предыдущей главе. Однако, количественный учет—только часть всей работы. Он дает представление о том, **кто** работает в руководящих органах хозоб'единений, но не отвечает на главный вопрос, **как** работают наши хозяйственники. Ответ на этот вопрос можно получить лишь путем **качественного** учета, т.-е. проверки, изучения и оценки работы правлений трестов, синдикатов, и индивидуальной оценки деятельности отдельных хозяйственников. Между тем, подобного учета до сих пор нам наладить не удалось. Учитывать свою продукцию, сырье, материалы, паросиловую энергию и проч. мы научились не плохо, но вот учесть, как работают руководители наших предприятий—этому мы еще не научились. В то же время качественный учет здесь особенно необходим. Ведь малейшая ошибка хозяйственника может стоить государству миллионов рублей убытка и неисчислимых политических последствий. Как обстояло дело с учетом до сих пор?

Вот уже шесть лет, как у нас существует система личных дел, которые заводятся на всех ответственных хозяйственников. В деле этом можно встретить и подробно написанную автобиографию и специальные анкеты, и послужной список,—одним словом, все, что хотите, только не то, что давало бы представление, **как** работает хозяйственник. Правда, иногда встречается устарелая характеристика, данная ревизионной комиссией, давным давно распущенной. Кроме того, на эти характеристики особенно полагаться нельзя в силу крайне нездоровых отношений, создавшихся в свое время между правлениями и ревкомиссиями, почему последние и были распущены. Иногда в личных делах встречаются характеристики со стороны партийных комитетов, к сожалению, они говорят, главным образом, о личных качествах товарищей и почти ничего—об их работе.

При назначении новых работников ВСНХ нередко выясняли его лицо путем случайных и отрывочных телефонных переговоров— способ весьма не надежный.

Таким образом, личные дела не дают нам сколько-нибудь ясного представления о работе хозяйственников. Вот почему подбор и распределение хозяйственных работников носит сплошь и рядом случайный, безответственный характер.

Благодаря отсутствию качественного учета подбор и распределение работников происходит механически, без учета слабых участков в руководстве промышленностью и выдвижения хозяйственников, проявивших себя на работе большего масштаба. Все это ставит вопрос о коренной реорганизации системы учета и о налаживании ее заново на совершенно других принципах.

Во главу угла учета нужно поставить не личные особенности и качества хозяйственника, а его конкретную работу в промышленности. Как, нам кажется, наиболее полную и об'ективную характеристику хозяйственников можно получить к моменту отчетности правления и утверждения его баланса, к которому и нужно приурочить учет. В течение отчетного года правление хозоргана неоднократно подвергается обследованиям различных организаций: РКИ, Главной Инспекции ВСНХ, местных учреждений и т. п. Материалы этих обследований могут дать чрезвычайно много для характеристики работы хозяйственников. Правлениям приходится также делать многочисленные доклады на различных с'ездах, производственных совещаниях, в партийных и профессиональных организациях. Постановления по этим докладам могут дать в высшей степени ценный материал как для оценки работы правления в целом и по отдельным его частям (достижения на производстве, капитальном строительстве, оборачиваемость капиталов и пр.), так и о работе каждого члена правления в отдельности.

Разумеется, при учете нужно принимать во внимание и личные особенности товарищей и уменье ориентироваться в работе по отношению к товарищам, спецам и пр. Характеристика работников должна быть глубоко продуманной и обоснованной, поверхностное, наплевательское отношение к ним может только помешать делу. Необходимо здесь выработать строжайшую ответственность.

Правильной постановке учета руководителей промышленности могут способствовать периодически, из года в год устраиваемые «учетные кампании», в которые необходимо вовлечь всю пролетарскую общественность в лице партии, профсоюзов, печати и т. д.

Работа по качественному учету требует продуманной и хорошо налаженной организации и подготовки, она должна проводиться вокруг определенных опорных пунктов. Такими пунктами должны быть, во-первых, предприятие, во-вторых, хозорган—трест и пр., в-третьих, главное управление и, наконец, в-четвертых, президиум ВСНХ СССР (в союзных республиках—краевые совнархозы). В указанных пунктах должны быть созданы специальные комиссии во главе с руководителями соответствующих хозорганов, с непременным участием представителей партийных и профессиональных организаций. В работу этих комиссий в качестве консультантов должны быть вовлечены все лица, так или иначе ответственные за работу аттестуемых. Решения комиссии, как правило, должны быть окончательными. Материалы ее работы никуда не посылаются, сообщаются лишь результаты, которые и заносятся в учетные карточки и личные дела. Заполнение требуемых ведомостей, отправка и проработка их на местах, где производятся назначения и перемещения, производятся в минимальный срок, чтобы [illegible] учетные данные могли быть использованы своевременно и без малейшего промедления.

Должны ли быть работы этих комиссий секретными? Секретность работы может вызвать отрицательное отношение, так как в комиссиях неизбежно

встают вопросы материального благополучия и общественного положения рабочих. Однако, нельзя признать нормальным и такое положение, когда каждый аттестуемый свободно может узнать данную ему характеристику, это может привести к весьма печальным результатам. При гласности работы воля комиссий будет скована малозаманчивыми перспективами склок и скандалов со стороны неудовлетворенных характеристикой комиссии. Таким образом, секретность работы комиссий в известной степени неизбежна. Конечно, только в известной степени. Необходимо, чтобы результат работы комиссий преподносился в товарищеской форме, чтобы комиссия исправляла работников, воспитывала их, толкала на учебу, поднимала стремление к повышению квалификации. Дело это трудное, щепетильное, оно требует большой осторожности и гибкости, которые, конечно, нас не остановят.

Наконец, надо решать вопрос о введении особых паспортов хозяйственников, в которые ежегодно вписываются выводы упомянутой выше комиссии. Эти записи наглядно покажут рост работника по сравнению с предыдущим годом. Но споры хозяйственников, несомненно, помогут правильному распределению и подбору работников и тем самым улучшат качественный состав наших промкадров.

* * *

Как говорилось выше, правильное распределение хозяйственников возможно лишь при хорошо поставленном персонально - качественном учете. Однако, не последнюю роль в подборе работников играет и сама система распределения. Кто, в каком порядке, в какой срок и при каких условиях производит подбор работников? Об этом мы и хотим поговорить в настоящей главе.

Существующая система распределения хозработников страдает, по крайней мере, двумя основными недостатками. Во-первых, обращает на себя внимание крайний параллелизм в подборе и распределении работников. Занято этим делом неимоверное множество учреждений, и нельзя сказать, чтобы от этого получался особенный эффект. Во-вторых, бросается в глаза удивительно медленное и бюрократически бесконечное прохождение назначаемых работников по инстанциям.

В самом деле, в подборе хозработников при существующей системе участвуют: Президиум ВСНХ, Главное управление, к которому относится хозорган, ЦК соответствующего профсоюза, директивный орган, местная организация ЦКК ВКП(б) и ОГПУ.

Самая же процедура назначения решительно не поддается описанию.

Подбор правлений производится по следующим инстанциям: учраспред ВСНХ, начальник главного управления, ЦК профсоюза, начальник административно-финансового управления, специальная комиссия под председательством зампреда ВСНХ, затем директивный орган, специальная промышленная комиссия и т. д., и т. д.

В среднем, назначаемые члены правления должны пройти не менее пяти «чистилищ», в которых заседают в среднем по десяти человек.

К этому следует добавить, что свободных резервов ответработников у нас не имеется, за исключением относительно небольшого кадра, по разным причинам неиспользованного. Следовательно, каждое новое формирование хозяйственного органа требует снятия с работы товарищей и длительного согласования этого с местными организациями и лицами, что также влияет на удлинение сроков при назначениях.

«Согласования» отнимают долгие недели (в среднем 5—6 недель), а иногда и месяцы, по [illegible] наконец, состав правления будет окончательно утвержден.

Неискушенные товарищи могут подумать, что подобный способ назначения гарантирует от ошибок и обеспечивает строгий и умелый подбор работников. К сожалению, это далеко не так, во всяком случае не всегда так. Для

доказательства сошлемся хотя бы на резолюцию пленума ЦК ВКП(б) по шахтинскому делу.

«При подборе работников, как правило, отсутствует серьезная проверка прошлой работы, нередко снятые за плохую работу хозяйственники переходят на новую и даже большую работу, вместо очистки хозорганов от этих элементов и выдвижения новых кадров хозяйственников. При назначении на ответственную работу сказывается нездоровая «семейственность», «дружеские связи» и пр.».

Эта жестокая, но подлинно большевистская критика недвусмысленно отмечает наши слабые места в деле подбора ответственных промышленных кадров.

Разумеется, обилие заседаний не есть гарантия от ошибочных назначений. Далее следует посмотреть, как много времени берет прохождение назначения правлений хозорганов при существующем порядке проработки и рассмотрения на многочисленных комиссиях.

Спрашивается: чем об'яснить все эти ненормальности в деле подбора промышленных кадров? Об'яснения нужно искать тут в двух причинах: во-первых, в слабом знакомстве с подбираемым составом,—оно вытекает из неудовлетворительно поставленного персонально-качественного учета,—и во-вторых, в связанной с этим слабым знакомством излишней централизации назначений из-за недоверия к низшим инстанциям. Трудно об'яснить иначе чем недоверием наличие трех-четырех комиссий по одному и тому же вопросу.

Конечно, в отдельных случаях при подборе правлений хозорганов, руководящих целой отраслью промышленности, такое недоверие совершенно естественно и законно, но, как правило, существующая процедура назначения оправдана быть не может. Следует помнить, что обилие лиц и комиссий при назначении вовсе не обеспечивает ответственности за решения, наоборот, в таких случаях неизвестно, с кого спрашивать за последствия.

Вопрос о децентрализации в деле подбора работников правлений союзных хозорганов необходимо решить возможно скорее, чтобы свести к минимуму параллелизм и процедуру назначений.

В настоящее время из существующих 1.121 номенклатурных назначений, 841 приходится на хозорганы, 280 на наркоматы. Все они должны пройти тот порядок и срок, который описан выше. Встает вопрос: неужели нельзя хотя бы половину из них провести более упрощенным способом?

Пострадает ли дело от того, что некоторое количество правлений союзных хозорганов будет назначаться Президиумом ВСНХ, а некоторое—даже одним начальником главка? Мы полагаем, что от этого дело только выиграет.

Уже теперь известное число хозорганов союзного значения можно передать полностью в главк, начальник которого должен взять на себя ответственность за назначения в правление. К числу таких хозорганов можно отнести, например, «Госметр», «Электросталь», Аккумуляторный трест, Редкие элементы, Минеральное сырье, «Эмбанефть» и пр. Назначение директоров таких крупнейших фабрик и заводов, как «Красное Сормово», Коломенский завод, заводы Югостали и т. п. (всего около 28), можно передать на тех же началах главному управлению.

Назначение правлений других хозорганов должно отойти исключительно к Президиуму ВСНХ и не поступать в директивный орган. К числу таких предприятий следует отнести те хозорганы, значение которых в хозяйственной жизни СССР хотя и больше перечисленных, но которые все же ведущей роли в промышленности не занимают.

К таким хозорганам следует отнести Белорецкий трест, Уралмедь, Госшвеймашину, Шелкотрест, МОГЭС, Кузбасстрест, Спичсиндикат и т. п.

Согласование с профсоюзами и местными организациями должно попрежнему остаться. В случае невозможности добиться соглашения, спорные вопросы должны передаваться сторонами в директивный орган, где они и получают разрешение. За директивным органом должно остаться также право поверки и контроля над работой перечисленных хозорганов по подбору и назначению.

Однако, существующую систему придется сохранить в остальной половине союзных хозорганов, внеся лишь в их работу больше четкости и ответственности. Основная причина сохранения старой системы состоит в недостатке учетных данных, о чем мы говорили выше, и, что еще более важно, в чрезвычайно ответственной роли руководителей этих хозорганов.

Последние справедливо могут быть названы командными высотами советской промышленности, определяющими наш экономический рост и ведущими за собой все народное хозяйство. Вот почему назначение руководителей этих хозорганов приобретает важнейшее политическое значение. В этом смысле даже существующая система назначений может быть даже оправдана. К этой группе хозорганов следует отнести ГОМЗЫ, Югосталь, Южмаштрест, ГЭТ, военную промышленность, крупнейшие текстильные тресты, Донуголь, Азнефть, Резинотрест и пр.

Конкретно наши предложения и отличие их от существующей системы можно представить в следующем виде.

Число номенклатурных должностей

	1-я группа Утверждаем. директивным органом	2-я группа Утвержд. През. ВСНХ по соглаш. с ЦК проф-союза	3-я группа Утвержден. Главком по согл. с ЦК профсоюза
1. При существующ. системе:			
а) по хозорганам	693	109	—
б) по наркомату	148	171	—
Итого	841	280	—
2. При вновь предлагаемой:			
а) по хозорганам	298	109	303
б) по наркомату	144	96	677
Итого	442	205	680

Из общего числа имеющихся номенклатур при новой системе только 442 будут проводиться через директивный орган. В отношении другой половины дело значительно упрощается, уже потому, что 205 номенклатур ВСНХ будут проходить всего через две комиссии, а 680 главковских будут проходить через одну комиссию, если таковая будет создана в главке.

В настоящее же время подбирается столь большое количество кандидатов на требующиеся номенклатурные должности, что ручаться за абсолютную доброкачественность этого подбора совершенно невозможно.

Виной этому являются опять-таки недостаточные учетные данные, а также то обстоятельство, что изучением и подбором работников в Учраспреде ВСНХ и директивного органа занимаются всего 5—6 человек, которые не могут охватить как следует столь значительное число номенклатур. Потому наше предложение оставить в директивном органе лишь 442 номенклатуры придаст делу их изучения более практический и реальный характер.

В то же время передача дела назначения и подбора работников исключительно в распоряжение ВСНХ и главка заставит подтянуться аппарат их учраспреда и улучшить свою работу.

Предложение о классификации номенклатур на три группы в зависимости от ответственности выполняемой работы не блещет особенным радикализмом, но оно есть безусловно шаг вперед по сравнению с существующей системой подбора хозработников.

Для более же радикального изменения системы назначения условия, по нашему мнению, не созрели.

* * *

В заключение—несколько слов об учебе промкадров, приобретающей в условиях реконструируемого периода хозяйства все более и более актуальное значение и непосредственно связанной с подбором работников в промышленности.

Резолюция последнего пленума ЦК партии по шахтинскому делу говорит по этому поводу следующее: «В соответствии с ростом и сложностью хозяйственного строительства хозяйственники должны поставить перед собой задачу: путем получения специальных знаний и изучения техники производства овладеть технико-производственной стороной дела».

Теперь больше чем когда-нибудь нельзя руководить промышленностью, обладая только находчивостью, «натиском, бойкостью, или энергией».

Наши промкадры и их резервы условно можно разделить на три следующие категории: 1) хозяйственники, ведущие руководящую работу; 2) партийцы, работающие в средних звеньях, и 3) партийцы в производстве и аппарате хозорганов, из которых должны комплектоваться средние звенья. На какую же из этих категорий нужно держать ставку в первую очередь в смысле вовлечения ее в серьезную и систематическую учебу?

Мы думаем, что в первую очередь надо озаботиться переподготовкой первой категории, т.-е. теперешних руководителей, имеющих за собой практику ответственной хозяйственной работы. Скупиться здесь не следует. Надо открыть не одну, а несколько промакадемий.

Расходы на них, несомненно, окупятся сторицей, когда руководить новым строительством начнет подготовленный комсостав промышленности.

Снятие хозяйственников с работы и посылка их на учебу не ослабит руководство промышленностью, можно будет установить строго рассчитанную очередность их учебы. Не может пугать нас и долгий срок учебы, так как строить мы только-что начали и строить предстоит еще много, не один десяток лет.

Некоторым товарищам кажется зазорным «на старости лет» учиться. Многие из них будут ссылаться на года и разные свои недуги,—им следует помнить, что в течение последних лет происходит строжайший отбор хозработников и что никто из них не гарантирован от «сокращения» при имеющейся у них квалификации и подготовке.

Вторая отмеченная нами категория (партийцы, работающие в средних звеньях), к сожалению, очень немногочисленна, она насчитывает всего 5—6%. Очередная задача в ближайшие месяцы максимально увеличивать эту группу.

Для работы в средних звеньях промышленности мы имеем сравнительно небольшие резервы, которые в дальнейшем, по нашему мнению, должны комплектоваться через соответствующие курсы административных, финансовых и торговых работников, преимущественно из рабочих. Работа в среднем звене требует особой специализации, которая может быть получена лишь путем продолжительной подготовки, что обязывает нас к максимальному уменьшению текучести руководящего состава на этом участке.

Задача учебы, научно-технической подготовки и квалификации стоит и перед 3 категорией, т.-е. всеми активными партийцами и рабочими, работающими на производстве.

Лозунгом дня должен быть: «Даешь цивилизованного хозяйственника!».

Этот тип хозяйственника может выйти только из рабочего класса, строящего социализм. Надо, чтобы за этим лозунгом пошли широкие массы рабочих, могущие дать своему предприятию нужное число руководителей. Поднять культурность и технические знания рабочих, выдвигающих из своей среды промышленный комсостав, начиная от заведующего цехом, директора предприятий и кончая руководителем треста,—эта задача, рассчитанная на долгие годы, должна стать ударной во всей нашей работе. И тогда дело индустриализации пойдет быстрым шагом вперед.

Б. Спектор.

Профсоюзы и работа в деревне[1]).

Вопрос о работе профсоюзов в деревне приобретает сейчас особо важное значение в связи с последними постановлениями XV партс'езда о реконструкции крестьянского хозяйства и перестроении его на социалистический лад, «при усиленном участии профсоюзов во всей общественной жизни деревни».

Вопрос этот имеет уже целую историю. Переходу к новой экономической политике, как известно, предшествовала дискуссия о профсоюзах.

X с'езд партии в марте 1921 г. подвел итог этой дискуссии и дал теоретическую установку нашей политике в области работы профсоюзов вообще и деревенской в частности. Крестьянский вопрос к тому времени встал перед партией во всей его широте.

«Задачи профсоюзов,—гласит резолюция X с'езда,—лежат главным образом в области организационно-хозяйственной и воспитательной. Эти задачи профсоюзы должны выполнять не в качестве самодовлеющей организационно-изолированной силы, а в качестве одного из основных аппаратов советского государства, руководимого компартией».

Профсоюзы «по мере развития коммунистического сознания и творческих сил масс, должны постепенно превратиться в вспомогательные органы пролетарского государства».

В данный же период «профсоюз, систематически заботящийся о всех сторонах жизни и быта рабочего как на фабрике, так и вне ее, может явиться первоначальной школой организационных навыков и политического воспитания для самых широких и даже отсталых масс трудящихся. Свою роль школы коммунизма в данный период профсоюзы выполняют постольку, поскольку они являются руководителями пролетарских масс в деле коммунистической практики, т.-е. практической реорганизации и построения хозяйства на коммунистических началах».

Взяв на себя эту задачу, партия пролетариата должна была обратить и обратила внимание прежде всего на собирание работающих по найму в деревне, дабы через эти организации идейно влиять на все крестьянство. Именно на X с'езде впервые был поставлен вопрос о работе профсоюзов в деревне.

Свое отношение к крестьянству партия выявила на X с'езде не только в резолюции о замене разверстки продналогом, но и в вопросе о профсоюзах и их работе в деревне.

«Очередной задачей партии и профсоюзов в настоящий момент,—читаем мы в резолюции с'езда,—требующей сугубого внимания и напряжения сил, является усиление организационного и идейного

[1]) В порядке постановки вопросов.

влияния городского пролетариата на трудящиеся массы деревни».

Отсутствие опыта не дало еще никакого практического материала по работе в деревне. Поэтому с'езд ограничился общими указаниями, в частности о концентрации распыленных по деревням лиц, работающих по найму, вокруг профсоюзных секретариатов.

Ровно через год, на XI с'езде партии, снова пришлось заняться вопросом о профсоюзах. Новое в этих решениях вытекало из создавшихся своеобразных условий нэпа и изменившейся в связи с ними тактики профсоюзов (вопрос об управлении промышленностью, работа на частных и государственных предприятиях и т. д.).

Правда, на работе профсоюзов в деревне с'езд специально не останавливался, но он еще раз подчеркнул необходимость связи партии с массой рабочих, а через них—со всей массой трудящихся.

XIV с'езд партии дал директиву о более близком и гибком приспособлении профсоюзного аппарата к выросшим пролетарским массам и ко вновь втянутым в производство элементам деревни.

К тому времени уже накопился известный опыт профсоюзной работы в деревне. Успеху работы в значительной степени мешал параллелизм, при котором отдельные союзы самостоятельно развивали свою особую культурно-просветительную сеть, поглощая огромное количество средств и сил. В связи с этим XIV с'езд партии постановил:

«Проникновение профсоюзного влияния в деревню в дальнейшем должно итти по следующим четырем линиям: а) через Всеработземлес, б) путем усиления работы союзов, охватывающих сезонных рабочих (главным образом строителей, отчасти горняков и др.), в) путем усиления работы на предприятиях, расположенных в сельских местностях, г) путем усиления работы над новыми рабочими».

С'езд дал ряд указаний, направленных к укреплению работы союза Всеработземлеса и превращению его в подлинно пролетарскую организацию.

В основном же содержание работы в деревне в формулировке XIV с'езда должно быть направлено к содействию культурному под'ему и обеспечению союза города и деревни.

В промежуток между XIV и XV с'ездами нашей партии социалистический сектор народного хозяйства значительно вырос. К XV с'езду мы уже имели несколько миллионов крестьянских хозяйств, об'единенных сельскохозяйственной и другими видами кооперации, колхозами. Системой контрактации было охвачено огромное количество крестьянских хозяйств, которые связались через кооперацию с государственной промышленностью.

Первый камень социалистического фундамента был заложен. «Достигнутые успехи политики партии в деревне и создавшаяся в связи с этим новая обстановка позволяет партии пролетариата принять ряд новых мер, ограничивающих развитие капитализма в деревне и ведущих крестьянское хозяйство к социализму»,—так определил задачу работы в деревне XV с'езд—задачу, рассчитанную на ряд лет. Из резолюции XV партс'езда видно, что нужда в укреплении профсоюзов на селе не только не миновала, но и возросла, что в связи с этим они «должны усилить свое участие во всей общественной жизни деревни». Особо с'езд подчеркнул необходимость «значительного расширения профсоюзами культработы в деревне, особенно среди членов профсоюзов, связанных значительную часть года с крестьянским хозяйством».

Итак, задача активного участия профсоюзов в социалистическом переустройстве деревни не нова,—она была намечена еще IX с'ездом нашей партии, но в теперешний момент непосредственного строительства она приобретает особенно реальное и положительное значение.

Готовы ли профсоюзы к осуществлению возложенной на них задачи? И если нет, то что именно нужно изменить в практике профсоюзной работы в деревне, чтобы ускорить процесс социалистического строительства в сельском хозяйстве и обеспечить необходимое влияние организованного пролетариата на всю общественную жизнь деревни? К этому вопросу мы и подойдем в настоящей статье.

Практика работы профсоюзов в деревне.

С деревней связаны довольно значительные кадры членов профсоюзов. Так, например, около 30% организованных в профсоюзы текстильщиков (около 250 тыс. чел.) проживают в деревне непосредственно и связаны с сельским хозяйством. Около 300 тысяч строителей-сезонников, 100 тысяч торфяников, 70 тысяч сахарников и не меньше 30 тыс. бумажников точно так же проживают круглый год в деревнях.

Если подсчитать одно только это количество, плюс число членов союза сельхозлесрабочих, то мы получим круглую цифру в 2 миллиона.

Фактически это число «деревенщиков» гораздо больше, так как среди членов других союзов (химиков, металлистов, пищевиков, кожевников и пр.) имеется также крепкая связь с землей. Перейдем, однако, к рассмотрению практики профсоюзной работы в деревне. Начнем с наиболее многочисленного и сплошь «деревенского» союза сельхозлесрабочих.

По предварительным данным союза на июль 1927 г. в его рядах находилось 1.189 тыс. организованных рабочих. Из них около 500.000 или 42%— батраки и пастухи, 82.000—в лесничествах, остальная масса членов союза работает по найму в низовой с.-х. кооперации и мелкой кустарной промышленности (139,1 тыс.) в аппарате с.-х. кооперации, земорганах (113 тыс.) и на сплаве, лесозаготовках (78,5 тыс.).

Отличительная черта огромного большинства всей этой массы рабочих—ее связь с сельским хозяйством на своих крохотных, иногда убыточных и почти всегда малодоходных участках. Материалы отдела статистики труда ЦСУ за 1926 г. так рисуют связь батраков с землей:

Батрацкие хозяйства	По РСФСР	По СССР.
	в процентах.	
Без земли	35	36
С землей без посева	5,6	5,5
С посевом без рабочего скота	26,6	29,1
С посевом и рабочим скотом	32,0	29,0
Всех батрацких хозяйств, связанных с землей	64,2	63,6

Из обследованных НК РКИ 10.949 батрацких хозяйств 52,5% батраков имеют бедняцкие хозяйства. По отдельным губерниям этот % поднимается значительно выше.

Из приведенных данных мы видим, что батраки в довольно солидном проценте, от 52 до 64, связаны с землей и сельским хозяйством (считая и беспосевных, но имеющих землю).

Мы не знакомы с имущественным положением батраков—членов союза сельхозлесрабочих. Незнаком с ним и союз. Не рискуя впасть в большую ошибку, мы пользуемся поэтому материалами НК РКИ и ЦСУ.

Спрашивается, как реагирует союз сельхозлесрабочих на наличие у половины всех членов союза—батраков—мелких бедняцких наделов?

К сожалению, никак. Союз зачастую только тогда замечает батраков-«земледельцев», когда они уже успели обрасти и только для того, чтобы поскорее от них отделаться и вытолкнуть из рядов союза.

А ведь как полезно было бы использовать эту категорию трудящихся, связанных с землей в деле вовлечения в союз широких миллионных масс батрачества и роста социалистических элементов хозяйства в деревне.

Приспособив свою работу к запросам и нуждам батраков, способствуя их производственному кооперированию, союз добился бы тем самым усиленного вовлечения батраков в союз, в котором батраки увидели бы действенного защитника своих интересов, орган качественного улучшения своих рядов и т. д.

В постановлениях ЦК сельхозлесрабочих по культработе мы не нашли решительно никаких указаний по части агропропаганды среди батрачества, об отношении союза к сельскохозяйственной кооперации, о совместимости союзного и кооперативного членства в различных видах сельскохозяйственной кооперации (мелиоративной, молочной, птицеводной, семеноводческой и проч.). У ЦК нет даже ясной линии по отношению к членам союза—«земледельцам».

Мы заранее отвергаем всякое подозрение в собственническом уклоне. Мы весьма далеки от мысли об организации союзом земледельческих артелей, коммун и проч. Но в то же время мы считаем совершенно недопустимым замалчивать огромной важности факт наличия у батраков земли и огромной тяги к ней всех, даже и безземельных батраков.

Чрезвычайно характерным для ЦК сельхозлесрабочих является устав кассы взаимопомощи, утвержденный V с'ездом союза. Согласно уставу, пособия батракам выдаются «на приобретение предметов первой необходимости и домашнего обихода простейших орудий производства (топор, пила, лопата)» [1].

По уставу получается, что, если у батрака нет, например, сапог, то он может на эти нужды получить деньги из кассы взаимопомощи, а вот для внесения пая в кооператив по совместной обработке земли или в мелиоративное товарищество касса взаимопомощи батраку денег выдавать не обязана и не должна.

Согласно уставу, батрак, нуждающийся в ссуде для приобретения сортовых семян, не может рассчитывать ни на какую поддержку кассы взаимопомощи. Даже при крайней ограниченности в средствах, слабости и неорганизованности союзных касс нельзя все же было не предусмотреть и обойти эти нужды громадной части батрачества.

Не менее характерной является политика ЦК и в области культработы среди батраков. В соответствующей резолюции V с'езда союза совершенно обойдены такие вопросы, как агропропаганда и сельскохозяйственное просвещение.

Неудивительна, поэтому, крайняя незначительность охвата союзом батраков. По всему СССР он не превышает 40% [2]).

Дальнейшие перспективы вовлечения в союз новых кадров батраков едва ли можно считать утешительными. По материалам ЦК союза на сентябрь 1926 г. выполнение трудодоговоров, заключенных в деревне, идет следующим образом:

Рабочий день выше определенного по договору в 73,3% случаев. В 25 из 100 случаев рабочий день неопределен вовсе. Фактически не имеют выходных дней у частных нанимателей 20% батраков и батрачек, а в нанятых обществами и группами—69,4%, в то время как 99,3% всех трудоговоров (около одного миллиона) было заключено через союз. В общей слож-

[1]) См. Типовой устав волостной районной кассы взаимопомощи, стр. 13.
[2]) Данные ЦСУ за 1926 год.

ности, этими договорами было охвачено только 58% батраков, 33% пастухов и 4% рабочих-кустарей [1]).

Цифры красноречиво говорят, что союз сельхозлесрабочих не удовлетворяет подчас самые элементарные нужды батраков и что виды на массовое вовлечение батраков в союз далеко не блестящи. Условием дальнейшего вовлечения батраков в союз может быть только усиление экономической работы союза.

В 3 пункте устава союза сельхозлесрабочих читаем: «Содействовать росту и укреплению государственного и кооперативного сельского и лесного хозяйства и установлению хозяйственной и культурной связи его с крестьянским хозяйством».

Как раз теперь партия настоятельно требует выполнения этой первостепенной задачи.

Но при изложенной выше политике союза, содействовать укреплению кооперативного сельского хозяйства совершенно невозможно. Как известно, в сельскохозяйственных кооперативах по уставу не должно быть наемных рабочих. Следовательно, и влияния-то негде союзу приложить. Стоя в стороне от сельского хозяйства, также трудно установить культурную связь с отдельными крестьянскими хозяйствами. Между тем, задача союза заключается не только и не столько в том, чтобы снабжать выборными представителями крестьянские организации на низах и в центре, сколько в непосредственном активном участии через своих членов в строительстве и укреплении этой кооперации.

Увы, сделано союзом в этой области микроскопически мало. Союз не сумел использовать свое влияние в деревенских организациях, чтобы способствовать батраку осесть на землю, коллективизироваться, получить кредит, обеспечить помощь близрасположенного совхоза. А ведь так и только так следует понимать 3-й пункт его устава.

Остановимся на методах участия союза сельхозлесрабочих в сельхозкооперации, как мы себе это мыслим.

По старой традиции батрак, в течение года не работавший по найму 3 месяца, исключается из союза. Таким образом происходит «очищение» союза за счет батраков, которые, будучи вытолкнутыми, отдаются в плен кулацкой стихии. Пора с этой традицией покончить. Весь союзный аппарат должен быть приспособлен к производственному кооперированию батрачества. Заведшие же свое хозяйство и исключенные из союза, должны оставаться в течение определенного периода под союзным шефством. Только при таком условии «содействие росту кооперативного хозяйства» будет осуществлено на деле.

Каковы взаимоотношения союза сельхозлесрабочих с другими союзами, члены которых живут круглый год в деревне, как выполняется союзами директива XIV партс'езда «о проведении профсоюзного влияния в деревне через Всеработземлес»,—все это мы увидим ниже из анализа работы других профсоюзов.

Перейдем теперь к другим профсоюзам.

По данным ЦК текстильщиков на 1 января 1926 г. из 216.103 «деревенщиков» владеют домом и землей—151.492 члена союза, или 70% всех живущих в деревне текстильщиков. 14.044 членов союза—17%—имеют пахотную землю, а 48.539 остальных членов союза, проживающих в деревне, или около 28% их, имеют собственные избы.

Таким образом, постоянную связь с землей имеют свыше 77% всех организованных текстилей, живущих в деревне. По Владимирской губ. в

[1]) См. «Как защищать интересы батраков и пастухов». Изд. ЦК союза сельхозлесрабочих. 1927 г.

1926 г. числилось 79.662 членов союза, из них в деревнях проживало 30.600 или 38,5%, по Иваново-Вознесенской губ. % «деревенщиков» доходит до 39, по отдельным же фабрикам—до 65—85%.

Обследования ЦК текстильщиков (1926 г.) дают следующее представление о степени связи с землей членов союза. 4.750 рабочих Высоковской фабрики, в Клинском уезде Московской губ., по земельному признаку можно разбить на три группы. Первая из них (около 60%) имеет полный душевой надел по едокам. Половина этой группы имеет скот (корову, лошадь и 2—3 головы мелкого скота) и сельскохозяйственный инвентарь. Эта группа должна быть отнесена в равных долях к средняцкой и средне-зажиточной части деревни. Вторая группа (25%) охватывает имеющих неполный душевой надел, огороды, частично полевую вспашку, неполный сельскохозяйственный инвентарь, в большинстве случаев одну корову. Эта группа может быть причислена к средняцким слоям деревни. Наконец, третья группа (15%) владеет домом, усадьбой, огородом, коровой.

Далее, из общего числа членов союза на Дулягинской фабрике (1.143) «75% имеют средне-крестьянские хозяйства, 20%—бедняцкие и 5%—кулацкие (2—3 лошади и 2—3 коровы)».

600 текстильщиков из 771, работающих в Нерехтской фабрике, владеют землей и домами.

Уже из одних этих—далеко не полных и отрывочных—данных видно, что среди текстильщиков связь с землей значительно крепче, чем сельхозлесрабочих, и что деревенская часть текстилей далеко не однородна в своем социальном составе.

Не пора ли, кстати сказать, приняться за тщательное изучение вопроса об удельном весе кулацких элементов в среде профсоюзов, которые членской книжкой и профсоюзными привилегиями бронируют себя от соответствующих мероприятий совласти?

Не подлежит сомнению, что раздвоенность нашей политики по отношению к кулаку с профсоюзным билетом и без оного деморализующе действует на психику крестьян и отсталых рабочих и тем самым мешает нашей борьбе с кулачеством.

Как же обслуживается основная масса «деревенщиков» по союзу текстильщиков?

Заседавший в январе текущего года расширенный пленум ЦК союза ни одного слова не сказал о тех мероприятиях, которые должны быть предприняты союзом для удовлетворения нужд «деревенщиков». Из резолюции пленума явствует, что вся работа союза в деревне сводится к культурно-просветительной работе с уклоном в сторону профпросвещения.

Насколько подобная постановка вопроса расходится с жизнью, видно из материалов обследования того же ЦК союза.

«К числу наиболее существенных недостатков в культработе среди рабочих, живущих в деревне, необходимо отнести... обнаружившийся местами сельскохозяйственный уклон в обслуживании рабочих (преобладают сельскохозяйственные темы и доклады в ущерб и за счет осьещения вопросов профессионально-производственного характера).

Другое обследование свидетельствует, что текстилей, связанных с деревней, больше всего интересуют «вопросы быта сельского хозяйства, что подтверждается проявленным интересом к поставленным лекциям по сельскому хозяйству.

Насколько действительно отвечает этим нуждам работа союза, видно из примера Владимирской губернии, в деревнях которой проживают 40% об'единенных в профсоюз текстилей.

С ноября 1926 по август 1927 г. Владимирским губотделом на работу среди членов союза текстильщиков в деревне было израсходовано 11.077 р.

(без данных по фабрике им. Кутузова). Всего же на культработу отчислено, по даиным губотдела, 42% членских взносов за год, т.-е. свыше 100.000 руб. Сюда не вошли специальные ассигнования ЦК, отпущенные на культработу Владимирскому губотделу и другие поступления. Таким образом, на 40% членов союза, живущих в деревне, израсходовано едва ли больше 10% всех ассигнованных на культработу средств.

Факт чрезвычайно поучительный и в комментариях не нуждающийся.

В заключение остановимся на методах культработы среди «деревенщиков».

В резолюции указанного пленума ЦК союза отмечается: «Приступить к оборудованию красных уголков в селах, где окажется не менее 100 членов союза, или договориться... об использовании изб-читален там, где они имеются»...

Трудно себе представить более общую и расплывчатую директиву.

Повидимому, симпатии ЦК текстильщиков на стороне красных уголков, так как они начинают именно с них, а не с изб-читален. Как конкретно использовать избы-читальни, к чему должно сводиться содержание работы в ней, об этом опять-таки ни слова в решениях пленума.

Союз строителей насчитывает в своих рядах не менее 300 тысяч рабочих, постоянно проживающих в деревне и периодически уходящих на заработки в город.

Заранее оговоримся, что вопрос о связи строителей с деревней не изучен, и потому сколько-нибудь подробными и точными материалами мы не располагаем.

В ноябре 1926 года третий пленум ЦК союза строительных рабочих дал директиву о работе в деревне среди членов союза, главным образом, отходников и сезонников. Директива имела в виду культработу в течение четырех зимних месяцев пребывания отходников и сезонников в деревне. Культработу рекомендовалось проводить в избе-читальне совместно с Политпросветом или союзом Всеработземлес. Там же, где имеется больше 500 человек сезонников, рекомендовалось устраивать, в случае надобности, избу-читальню на собственные средства союза, в целях профсоюзного просвещения и поднятия интереса сезонника к союзу. Взаимоотношения между местными органами политпросвета и союзом регулировались соответствующими договорами, по которым политпросветы обязывались обеспечивать избы-читальни лекторскими силами, ликвидаторами неграмотности и всякого рода учебными пособиями. Часть расходов на эти нужды брал на себя союз соответственно количеству своих членов. Октябрьский пленум ЦК союза строителей в 1927 году подтвердил свою прежнюю точку зрения о необходимости проведения работы на селе, совместно с Главполитпросветом. Методы работы здесь, как видно, более приемлемые для деревни по сравнению с союзом текстильщиков, который в своей деревенской работе выступал и выступает совершенно самостоятельно.

В то же время молчаливый отказ от услуг союза сельхозлесрабочих, свидетельствует о том, что взаимоотношения и сотрудничество между этими союзами в области культработы, оставляют желать лучшего. Приведем некоторые данные о работе союза строителей в деревне.

Согласно «сводке о проделанной работе в деревне за зиму 1926/27 г.», видно, что в 9 губерниях, в которых проживает преобладающая масса организованных строителей (Владимирская, Ярославская, Рязанская и др.), существовало около 70 союзных изб-читален. Руководство избами-читальнями со стороны союза осуществлялось через уездных уполномоченных, выделявшихся в уездах, где проживало не менее 5.000 членов союза. Между прочим, подбор уполномоченных, судя по материалам, носил случайный характер: выделялись почти сплошь незнакомые с профработой люди. Работа в избах-читальнях носила в большинстве случаев политпросветительный уклон. Контроля союза над избами-читальнями Главполитпросвета, работающими на договорных началах с союзом строителей, осуществить не удавалось. Средства союза фактически шли на обычные политпросветительные нужды изб-читален.

Таким образом, попытки организации в избах-читальнях профессионально-просветительной работы не увенчались для союза успехом.

Тем не менее, как было указано, на последнем пленуме ЦК союза подтвердил свое решение о необходимости работы с Главполитпросветом на договорных началах. И это понятно. При недостатке культурных сил в деревне, сезонности культработы, отсутствии у союза специального культурно-просветительного аппарата текстильщики не могли вести свою культработу в деревне иначе, чем через политпросветы и избы-читальни.

Насколько скудны средства, отпускаемые местными губотделами для деревенской работы, видно из отчета Ярославского губотдела за декабрь—апрель 1926/27 года. За это время губотделом израсходовано на содержание 4 собственных изб-читален и субсидирование 11 политпросветских по всей губернии 2.625 руб. 70 к. Понятно, что на таких средствах далеко не уедешь. Нижегородский губотдел истратил в 1925/26 году 2.500 руб., однако, не на избы-читальни, а на содержание 10 уполномоченных в 11 волостях (ныне институт уполномоченных по союзу всюду упразднен).

ЦК союза на деревенскую работу израсходовал за 3 года (с 1924 г. по 1926/27 г. включительно) всего 108 тыс. руб., т.-е. по 33 коп. на каждого сезонника в течение 3 лет,—сумма крайне незначительная.

Следующие данные показывают, насколько рационально использовывались ассигнованные средства.

За время с 1926 по 1927 год по 6 губотделам было израсходовано в деревне всего 16.624 руб. 98 коп. Из них на административно-хозяйственные расходы—9.098 руб. 89 коп., или около 47,8%, на собственно, культурные нужды—7.526 руб. 9 к., или около 39,5%. Расходы нераспределенные выражаются в сумме 1.891 руб. 94 коп.

Таким образом, средства, израсходованные на культработу союза в деревне, крайне мизерны и ни в коем случае не соответствуют ни времени, ни значению работы в деревне, где сезонники проживают 4 месяца, сплошь свободные от работ.

Бросается в глаза интерес к профсоюзной грамоте в деревне. Из материалов по 9 губерниям видно, что количество проведенных бесед и прочитанных лекций на профсоюзные темы вдвое больше всех остальных.

В течение 1926/27 гг. по 9 губерниям при избах-читальнях существовали 59 с.-х. кружков и 53 профсоюзных. Это доказывает, что тяга к сельскохозяйственным знаниям у членов союза строителей, живущих в деревне, огромная.

Состояние деревенской работы немногим отличается от отмеченных выше союзов.

«Деревенщиков» в этом союзе числится свыше 80.000 чел., или около 70%. Связь их с сельским хозяйством недостаточно выявлена, но она, безусловно, выше, чем во многих других союзах. Как известно, сахарозаводы почти сплошь расположены в деревнях, у источников сырья, свекловичных плантаций. Производство на этих заводах очень кратковременно, не более 2—2½ месяцев в году. Ясно, прожить на свой заработок сезонник не в состоянии. Он вынужден поэтому заниматься сельским хозяйством и кустарными промыслами. Что это так, видно из следующей таблицы ЦК сахарников на 1/I—28 г.

Наименование отдельных категорий рабочих	Численность каждой категории	Удельный вес в %%	Из них связанных с землей
1) Постоянные рабочие	27.634	24,7	24%
2) Сезонные	48.702	70%	45,8%
3) Поденные	4.649		439,%
4) Безработные	39.924		52,1%

Из таблицы видно, что из общего числа членов союза, постоянных рабочих только около 25%. Остальная масса рабочих-сахарников на ¾ полукрестьянская.

По далеко не полным материалам, связь с землей у этой категории рабочих-сахарников довольно высокая—от 44 до 55% и выше.

Данные переписи, произведенной союзом сахарников в феврале 1926 г., свидетельствуют, что 40% членов союза обладают недвижимым имуществом. Что касается сведений о распределении этого недвижимого имущества, то они имеются только в отношении 24,3%, или 26.000 хозяйств членов союза. Почти все хозяйства состоят из дома, усадьбы и определенного надела земли. Сведений о рабочем скоте в нашем распоряжении не имеется вовсе.

Указанные 26.000 хозяйств распределяются следующим образом:

1) 8.840 чл. союза или 34% сезонников имеют до 1 дес. земли.
2) 13.260 чл. союза или 51% сезонников имеют от 1 до 3 дес. земли.
3) 3.900 чл. союза или 15% сезонников имеют свыше 3 дес. земли.

Так как данные указанной переписи относятся, главным образом, к сезонникам черноземной полосы СССР, последнюю группу хозяйств с наделом земли свыше 3 дес. можно отнести к разряду зажиточных, если не кулацких.

Основная работа союза в деревне—ликвидация безграмотности—проводится через политпросветы при организованной материальной помощи губотделов. В целях обслуживания «деревенщиков», низовые организации союза входят в договорные соглашения с культучреждениями деревни. Окружным и районным об'единениям союза предложено выделить 20% из культфонда для этой работы.

В директивах ЦК культурные нужды «деревенщиков» совершенно не учтены.

Самый показательный премированный на конкурсе красный уголок при Бобровицком сахзаводе (Конотопский округ), не провел ни одной беседы или лекции на сельскохозяйственную тему.

Профсоюз сахарников,—это можно сказать и про многие другие союзы—решает вопрос очень просто: вместо того, чтобы возиться с какой-то агропропагандой, сельхозкооперацией и прочей «прозой», они всех «деревенщиков» зачисляют в категорию чистых пролетариев, союз на 100% становится пролетарским и тем самым автоматически исключается необходимость в какой-то особенной работе в деревне.

Из всех обследуемых союзов отрадное исключение представляют горняки. Принципиальная установка ЦК в деревенской работе целиком соответствует решениям XV с'езда.

Прошлогодняя резолюция ЦК союза по культработе среди торфяников в зимнее время обязывает местные организации согласовывать свою работу с уездными и волостными политпросветами.

Касаясь содержания работы изб-читален, организуемых на средства союза, совещание наметило два пути: производственно-профессиональный и сельскохозяйственный. Второй путь необходим в целях обслуживания запросов сельскохозяйственной массы торфяников, т.-е. той их части, которая существует преимущественно на доходы от сельского хозяйства.

Не забыта и кооперация. Резолюция совещания указывает на необходимость параллельного ведения агро- и кооп-пропаганды в контакте с местными кооперативными организациями.

Достаточное внимание уделяется вопросу снабжения изб-читален литературой по вопросам сельского хозяйства, профдвижения и кооперации. Вопрос о финансовой базе деревенской работы разработан конкретно и четко. «Расходы на работу среди торфяников в зимнее время производятся из соответствующего фонда ЦК в строго плановом порядке, по сметам, утвержденным ЦК.

Распределение расходов по отдельным статьям должно быть, примерно, следующее: а) на организационные расходы не более 20%; б) на политпросветработу—40% и в) на ликбез—40%.

Общая сумма средств, ассигнованных на работу в деревне союзом на текущий год, определяется в 56.083 руб. 16 коп., в том числе из средств союза на эту цель отпущено 10.559 руб. 10 коп.

За один год на 100.000 торфяников горняки израсходовали свыше 86.000 руб., т.-е. на 20.000 меньше, чем строители за 3 года на 300.000 сезонников. Есть, впрочем, одно неприятное общее у горняков и строителей. Из 35.000 руб., ассигнованных союзом горняков на зимнюю культработу, фактически израсходовано было только 22 тысячи рублей.

Обследование работы среди торфяников в Жиздринском уезде, Брянской губ., вскрывает причины этой добродетельной «экономии». В районе отмечается крайне пассивное отношение деревенской интеллигенции к избам-читальням. Об'ясняется это в значительной степени нищенской оплатой труда в избах-читальнях. За обучение взрослого неграмотного, требующее напряженного труда в продолжение 2—3 месяцев, преподаватель получает всего 5 рублей. Месячная оплата избача колеблется от 15 до 26 руб.

После этого становится совершенно понятным то безразличное и пассивное отношение деревенской интеллигенции к избам-читальням. Кустарничество, работа на авось, профсоюзная цеховщина и патриотизм (свои рабочие, свой красный уголок) при колоссальнейшем недостатке культурных сил в деревне и ограниченности средств—подобная система воспитания масс должна быть решительно пресечена. Нам не удалось обследовать все союзы, но опрошенные нами ЦК химиков, железнодорожников, бумажников, прямо признались, что никакими материалами о своей работе в деревне они не располагают по той простой причине, что этой работы не ведут.

Подводя итоги, мы остановимся мимоходом на деревенской работе профсоюзов.

Почти все директивы ВЦСПС о работе среди «деревенщиков» имеют в виду пребывание последних на производстве, а не на земле. Попытка культотдела ВЦСПС (на II всесоюзном культсовещании) об'единить в своих руках зимнюю рвботу в деревне, оказалась неудачной. ЦК каждого союза продолжал итти своей собственной дорогой на свой «страх и риск», без общего плана и руководства.

Такое положение сигнализирует опасность отрыва профсоюзов от массы организованных рабочих, тесно связанных с землей.

Существующая установка в культурной и экономической работе профсоюзов (за исключением профсоюза горняков), совершенно не увязана с типичной особенностью российского пролетариата—постоянной и традиционной связью части его с землей. Разумеется, можно по разному реагировать на эту социальную черту наших рабочих, но пройти мимо нее недопустимо.

С нашей точки зрения, эту связь огромной массы наших рабочих нужно использовать как могущественное средство влияния на пролетариат и руководства с его стороны неорганизованным крестьянством, ибо это является важнейшим условием «об'единения и преобразования мелких индивидуаль-

иых крестьянских хозяйств в крупные коллективы» (из резолюции по докладу тов. Молотова на XV с'езде ВКП(б).

Вот почему профсоюзы должны построить свою работу в деревне, так, чтобы способствовать широкой коллективизации хозяйства огромной массы членов союза, проживающих в деревне.

Попутно будет решена и другая, не менее важная задача. Мы уже видели, что по некоторым профсоюзам процент кулацких хозяйств угрожающе высок (текстильщики, сахарники). В то время, как по всему СССР % кулацких хозяйств в среднем не превышает 5, в указанных профсоюзах отношение кулацких хозяйств к общей массе хозяйств членов профсоюзов значительно выше (15 : 100).

Кроме того, в перспективе вероятно перерастание многих зажиточных хозяйств членов профсоюзов в явно-кулацкие. Мимо этой опасности профсоюзы пройти не могут.

Нужно учесть, что в основном зажиточный рабочий вовсе не стремится окулачиться. Поэтому отмеченная опасность кулацкого обрастания может быть в значительной степени, если не целиком, устранена об'единением рабочих-«деревенщиков» в сельскохозяйственные коллективы и кооперации под идейным и практическим руководством союза.

Какими практическими задачами связывает профсоюзы работа в деревне? Во-первых, профсоюзы должны покончить с кустарничеством, цеховщиной и патриотизмом в культработе, передоверив ее всецело политпросветам, договорившись о характере и содержании ее в центре и на местах.

Вместе с тем, нужно увеличить ассигнуемые средства для культнужд; за союзами, таким образом, должен остаться идейный и финансовый контроль над работой политпросветов.

Во-вторых, пора выявить принципиальное отношение профсоюзов в кооперации, в особенности к отдельным видам сельскохозяйственной кооперации (мелиоративиой, животноводческой, машинной, свекловичной и пр.). Нужно четко разграничить, в каких пределах и до какого момента профсоюзы ведут свою кооперативную работу в деревне и когда они передают ее непосредственно кооперативным органам. Некоторые товарищи высказывают опасение, что усиленная агрономическая и кооперативная работа среди «деревенщиков» сильно отразится на численности рабочего класса.

Опасения эти вряд ли основательны. Наоборот, от ухода рабочих-«деревенщиков» в земледелие пролетариат только выиграл бы, так как на место «деревенщиков», т.-е., по сути дела, полукрестьян-полупролетариев, в производство и профсоюз пришли бы чистые пролетарии, не имеющие никаких других источников существования, кроме фабрики.

Однако, союзы не выполнят своей политической роли, если они, ограничиваясь одной пропагандой, не примутся за конкретную помощь переходящим на землю членам профсоюзов. Не следует забывать, что этот переход связан у нас с потерей прав и преимуществ для членов профсоюзов.

Принятие шефства над кооперированными хозяйствами членов профсоюзов, юридическая помощь должны занять в этой работе одно из первых мест.

Методов тут много, у каждого союза они могут быть разные. Важно, чтобы союзы осмыслили, наконец, необходимость работы среди «деревенщиков», и чтобы они через иее осуществляли руководящее влияние пролетариата на неорганизованное крестьянство. И тогда постановления XV парт-с'езда о работе в деревне будут выполнены.

ДИСКУССИОННЫЙ ОТДЕЛ.

К. Бутаев.

К вопросу о постановке теоретических проблем переходной экономики.

(По поводу книги А. Леонтьева и Е. Хмельницкой «Очерки переходной экономики», 1927 г.).

Теоретический интерес к переходной форме хозяйства растет из года в год. Практика социалистического строительства и десятилетнее существование переходного периода в СССР требуют также своего теоретического осмысливания. Вместе с тем эта же практика дает уже некоторый «сырой материал» для теоретических обобщений закономерностей переходной экономики. В силу этих причин все чаще и чаще появляются на свет отдельные статьи, книги и даже отдельные исследования некоторых теоретических проблем переживаемого нами периода. Но все эти работы имеют характер отдельных экскурсов без достаточно серьезного обоснования и выяснения основ методологии теоретического исследования переходной экономики.

Как общее явление ни в одной еще теоретической работе не дана до сих пор развернутая характеристика качественной особенности переходной экономики, не выяснен еще ее «чистый абстрактный тип», с которого должно быть начато ее теоретическое изучение и которое видоизменяет методологические подходы к такому изучению. До сих пор почти все теоретики переходного хозяйства отправляются, с одной стороны, от капитализма, с другой — от социализма. И переходная экономика представляется им некоим сожительством этих двух систем, некоим их «химическим сродством» (по выражению Леонтьева и Хмельницкой). Отсюда у всех у них те же приемы изучения переходного хозяйства, какие они применяют, или, вернее, Маркс применял, к изучению производственных отношений при капитализме, тот же метод без каких-либо видоизменений и те же понятия и категории, что и при капитализме. В силу такого идеологического отставания от реальных отношений в жизни и в экономике все эти теоретические работы почти ни насколько не подвинули вперед постановку и исследование теоретических проблем переходного хозяйства. А жизнь, практика социалистического строительства и широкие массы требуют от советских ученых теоретического изучения переходной экономики. Попытки, которые были сделаны в этом направлении страдают вышеуказанными общими недостатками. К таким попыткам относится, несомненно, и новая работа тт. Леонтьева и Хмельницкой «Очерки переходной экономики».

Эта работа «представляет собою,—по свидетельству самих авторов,—опыт разбора ряда существенных вопросов переходного хозяйства». Книга затрагивает и освещает не в с е проблемы переходной системы хозяйства, а только н е к о т о р ы е, которые в совокупности должны,—по замыслу авторов,—представить особенности переходного хозяйства, его «новое качество», его, так сказать, социально новое «лицо». Второй ряд проблем, «связанных с воспроизводством» системы в целом, с его условиями динами-

ческого равновесия и тенденциями развития переходной экономики», авторы относят ко второй части своей работы, еще не появившейся.

Но в книге ставится тем не менее ряд основных проблем переходного хозяйства. Авторы пытаются теоретически осмыслить и анализировать переходное хозяйство, как качественно особую систему хозяйства, вскрыть его основные закономерности и их формы проявления, ставят перед собой проблему распределения, денег и кредита в переходном хозяйстве. Своей главной задачей авторы считают «систематизацию и обобщение целого ряда положений, выдвинутых как опытом хозяйственного строительства СССР, так и теоретической марксистской литературой». И в этой систематизации и обобщении до сих пор сказанного в этом отношении—главное достоинство книги, как книги, подытоживающей достигнутый уже уровень теоретического анализа и изучения переходного хозяйства, на основе практики последнего в своих конкретных проявлениях в хозяйстве СССР.

Книга, однако, не только суммирует вышедшие до сих пор в печати теоретические экскурсы в область переходного хозяйства, но пытается дать и новую постановку некоторых теоретических проблем (напр., проблемы распределения). Однако, в этих новых постановках не доводится до конца необходимая при этом оригинальность и глубина, которые требуются самим фактом постановок проблем. Поэтому книга в основном остается на уровне достигнутого и имеет больше компилятивный, чем самостоятельно-исследовательский характер.

Таков общий характер этой работы, как теоретической. Мы возьмем несколько основных проблем переходного хозяйства, нашедших свое освещение и постановку на страницах этой книги, и проследим за их теоретико-познавательным значением.

1. Об основном качестве переходной экономики.

Одной из основных теоретических проблем переходного хозяйства является познание и уяснение качественного своеобразия и особенности переходной системы хозяйства, нахождение, так сказать, его типа, а для целей научного исследования его «чистого абстрактного типа». Авторы названной книги, как и все, кто до сих пор занимался теоретическими вопросами советского хозяйства, хотя и ставили перед собой эту задачу, но тем не менее либо не могли ее решить, либо решали ее неверно.

Авторы книги подразделяют хозяйственные формы в основном только на два типа: на капиталистическую и некапиталистическую. К последней они относят и докапиталистические и послекапиталистические формы. Причем у них в данном случае речь идет не только об отношениях некапиталистических, но и н е т о в а р н ы х (стр. 22). Можно было бы думать, что у них в данном месте речь идет о разграничении «чистых» экономических форм. Но когда они дают формулировку: «Единое, сознательно-организованное о б щ е с т в о - хозяйство — такова п о с л е к а п и т а л и с т и ч е с к а я структура, взятая в чистом виде» (стр. 27), то тут уже становится ясным исходный момент в определении качественной особенности переходного хозяйства, как социалистической системы, т о л ь к о с капиталистической частью или капиталистическим привеском. Простое товарное хозяйство у них по существу не отделяется от капиталистического. Эти две формы хозяйства в основном они характеризуют как схожие формы хозяйства. «Простое товарное производство—первая с т у п е н ь к а п и т а л и с т и ч е с к о г о п р о и з в о д с т в а» (стр. 48).

Отсюда они делают вывод, что «переходное хозяйство представляет собой не механическую смесь, а х и м и ч е с к о е с о е д и н е н и е элементов прошлого и будущего в их определенном сочетании (стр. 80), «те

элементы гетерогенно-стихийного типа, которые имеют место в переходном хозяйстве, носят на своем челе отчетливую печать своего т о в а р н о - к а п и т а л и с т и ч е с к о г о происхождения и природы» (стр. 81).

Вот это-то определение качественного своеобразия переходного хозяйства мы считаем неверным, ибо оно не только не определяет этого своеобразия, но запутывает, затушевывает и смазывает его.

Мы не можем, конечно, сказать, что авторы везде и всюду не отличают эти две формы хозяйства друг от друга. Но тот факт, что они основное качество переходной экономики видят в единстве социалистического и капиталистического укладов, говорит о том, что они неверно определяют историческое качественное своеобразие переходной экономики.

Верно, что простое товарное хозяйство при свободной торговле «ежедневно и ежечасно рождает капитализм». Но это еще не значит, что простое товарное хозяйство есть капитализм. Ссылка на Ленина (стр. 48) тут не помогает. Ибо Ленин говорил всегда о т о м н е п р е м е н н о м у с л о в и и «рождения» капитализма из мелко-товарного хозяйства, которое дается с в о б о д н о й н е о б о б щ е с т в л е н н о й т о р г о в л е й. «Получается на основе известной (хотя бы и местной) с в о б о д ы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма» (т. XVIII, 215). «Свобода торговли означает рост капитализма». «Если есть мелкое хозяйство, если есть с в о б о д а обмена—появляется капитализм» (там же, стр. 197, 198, 199). Для того, чтобы мелко-товарное хозяйство было, или сделалось, «первой ступенью капитализма», недостаточно одного его наличия. Необходимо наличие и свободной торговли на основе частной собственности. При этом условии мелко-товарное хозяйство «ежечасно, ежеминутно рождает капитализм», но само все же не является капитализмом. При наших условиях наиболее общим и массовым представителем мелко-товарного производителя является середняцкое хозяйство в земледелии. По смыслу положения Леонтьева и Хмельницкой, он является капиталистом, хотя бы в начальной, «первой» ступени. Однако, из того обстоятельства, что из середняка при свободной торговле может родиться и кулак и наемный рабочий, еще нельзя делать вывода, что середняк — капиталист, буржуа, как это делала совсем недавно оппозиция. «Он отчасти собственник, отчасти труженик. Он н е э к с п л о а т и р у е т других представителей трудящихся» (Ленин, т. XVI, стр. 147). Он еще, следовательно, не капиталист, не буржуа и не наемный рабочий. Он и собственник средств производства и продукции и в то же время производитель, труженик. Середняк—это тип мелкого товаропроизводителя. Признание его капиталистом, хотя и в начальной стадии, опрокидывает всякую возможность правильного понимания существа переходной экономики, на какой путь фактически становятся авторы «Очерков переходной экономики». Ибо отсюда уже совсем недалеко до отрицания каких-либо «принципиально-иных» особенностей переходной системы. И вместе с тем также недалеко до отрицания, или в лучшем случае замалчивания некапиталистического пути развития мелко-товарной формы хозяйства в условиях ведущей роли крупной промышленности периода диктатуры пролетариата.

По существу мы имеем ч е т ы р е основные предпосылки и условия некапиталистической эволюции мелко-товарного производства вообще и крестьянского в частности. П е р в а я предпосылка лежит в самой структуре мелко-товарного производства. Классический тип мелкого товарного производства характеризуется непосредственным единством средств производства и рабочей силы. Владелец рабочей силы—производитель—в то же время является собственником средств производства. Поэтому структура самого этого производства основана на соответствии средств производ-

ства и рабочей силы ($\frac{Сп}{Рс}$ = 1—условно). Владение средствами производства на правах частной собственности сближает его с капиталистом. Наоборот, владение им же и рабочей силой сближает его с рабочим. Он—их единство. И в этом его двойственная природа. И в этой его двойственной природе заложена в о з м о ж н о с т ь как капиталистической, так и некапиталистической эволюции мелко-товарного производства. Если бы не была заложена такая возможность в самой структуре этой формы производства, то его окружение в виде свободной торговли на основе частной собственности или обобществленной торговли сами по себе еще не могли бы обеспечить тот или иной путь развития. Та или иная форма торговли способствует тут превращению заложенной в самой структуре возможности к той или иной форме эволюции в реальную, действительную форму движения, основа, предпосылка которого заложена в самой структуре этого способа производства. В этом смысле Маркс и говорит о разлагающем влиянии торговли на «те организации производства..., которые во всех своих различных формах имеют своей целью главным образом потребительную стоимость. Но в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и в н у т р е н н е г о с т р о я. А к чему приводит этот процесс разложения, т.-е. какой новый способ производства выступает на место старого, это з а в и с и т н е о т т о р г о в л и, а о т х а р а к т е р а с а м о г о с т а р о г о с п о с о б а п р о и з в о д с т в а»[1]).

Таким образом, если считать непреложной истиной, что мелко-товарное производство в с е г д а и в с ю д у, «ежечасно и ежеминутно рождает капитализм», то это означает признание мелко-товарного способа производства с такой внутренней структурой, в которой заложена т о л ь к о о д н а единственная возможность капиталистической эволюции при всяком и всяческом окружении и всякой исторической среде, которая опосредствует этот способ производства. Такая постановка вопроса не может считаться верной, ибо на основе ее логически придешь обязательно к неверным теоретическим выводам, а, следовательно, и к неправильным практическим выводам для экономической политики пролетарского государства.

Но, однако, одно констатирование заложенной в самой структуре мелко-товарного производства возможности к некапиталистической эволюции, конечно, еще не решает вопроса. Для превращения этой возможности в реальную форму движения нужны еще дополнительные условия, как нужны дополнительные условия для превращения возможности кризиса, заложенной в простом товарном обмене (Т—Д—Т), в реальный кризис капиталистического хозяйства. Тут должна выступить в т о р а я предпосылка некапиталистической эволюции мелко-товарного и, главным образом, крестьянского середняцкого хозяйства. Эта вторая предпосылка дана в обобществленной крупной промышленности, которая является в е д у щ е й все народное хозяйство отраслью в нашей переходной экономике. Если бы эта ведущая крупная промышленность была дана в форме частнокапиталистических предприятий, то историческая среда, создаваемая этой формой промышленности, превращала бы возможность капиталистической эволюции мелко-товарного производства в реальную форму эволюции этой формы хозяйства. Каждая форма крупной промышленности подчиняет и ведет мелкое производство по своему «образу и подобию». Обобществленная социалистическая крупная промышленность, наоборот, способствует превращению возможности некапиталистического социалистического развития в реальную форму эволюции мелко-товарного производства. И этим самым создается одно из условий социалистического пути развития этой формы производства.

[1]) «Кап.», III, ч. 1. Курсив наш. *К. Б.*

Но один самый факт обобществления крупной промышленности еще не превращает этой возможности в реальную форму движения. Тут выступает фактор формы связи этой промышленности с крестьянским хозяйством, как т р е т ь я необходимая предпосылка превращения данной в самой структуре возможности социалистического развития в реальную форму эволюции мелкого производства. Если эта форма связи остается частной свободной торговлей на основе частной собственности, то тем самым форма воздействия ведущей промышленности на мелкое производство остается формой свободной частной торговли, и тем самым само это воздействие в желательном для обобществленной промышленности направлении сводится почти на-нет. И, следовательно, возможность некапиталистической эволюции мелкого производства остается только возможностью, а возможность капиталистической эволюции на основе частной собственности на средства производства в этом производстве и частнособственнического торгового окружения делается реальной формой эволюции. Вот почему вопрос об обобществленной торговле, которая замыкает цепь обобществленного окружения мелкособственнического производства, становится необходимой предпосылкой, необходимым условием социалистической эволюции этой формы производства. Обобществленная промышленность и обобществленная торговля создают ту новую историческую среду, в которой возможность некапиталистического развития мелкого производства, заложенная в самой его структуре, превращается в реальную форму эволюции.

Это отмечает еще Маркс (см. «Письма М. и Э., стр. 264—266). Оба исхода капиталистической и некапиталистической эволюции мелкого производства в земледелии на основе общности земли—Маркс считал «a priori возможными». «Но как для одного, так и для другого, очевидно, нужны совершенно различные и с т о р и ч е с к и е с р е д ы» (Архив, кн. 1, стр. 274). Значит, все дело фактически сводится к «исторической среде», которая окружает мелкое производство. Если его окружают частнохозяйственная капиталистическая крупная промышленность и свободная торговля, свободный обмен,— мы имеем его капиталистический путь эволюции. Если его окружают обобществленная крупная промышленность и обобществленный обмен, обобществленная торговля, то мы, наоборот, должны иметь некапиталистический путь эволюции. На этом, ведь, принципе построен кооперативный план «врастания» мелко-товарных производителей в социализм. На этом, ведь, принципе основан знаменитый лозунг Ленина о торговле, как о центральном «з в е н е в исторической цепи событий, в переходных формах нашего строительства, за которое надо ухватиться всеми силами» и без которого мы не можем овладеть всей цепью и, следовательно, не построим социализма. И этот лозунг означал не что иное, как борьбу за т р е т ь ю предпосылку социалистического развития крестьянского хозяйства, которая замыкала бы на ряду с первыми двумя предпосылками совокупность условий создания той «исторической среды», которая необходима для превращения возможности некапиталистической эволюции в реальную форму движения мелкого производства.

Если при в с я к о й форме торговли мелкий товарный производитель неминуемо врастает в капитализм, а потому является капиталистом, то Ленин, вероятно, зря предлагал ухватиться за торговлю, как за центральное звено цепи в строительстве социализма, ибо это был бы сизифов труд. Мы «родили» бы вместо социализма капитализм. Тогда ни о какой некапиталистической эволюции мелкого производства говорить вообще нельзя. Но это было бы уже чистым отрицанием основ марксизма и ленинизма в этом вопросе, и само это отрицание не отличалось бы ничем от обыкновенного вульгарного ревизионизма.

Наконец, четвертой предпосылкой, четвертым условием некапиталистического пути развития мелко-товарного производства является воздействие государственной власти, государственных органов на процесс движения этой формы хозяйства. Мероприятия внеэкономического порядка, составляющие существенную часть экономической политики пролетарского государства и направленные по линии обеспечения роста социалистических элементов хозяйства и эволюции мелкого производства в сторону социализма, а не капитализма, способствуют созданию условий этой эволюции и тем самым превращают об'ективно данную в структуре мелкого производства возможность в действительную форму врастания его в социализм.

Для нахождения, следовательно, основного качества переходной экономики, недостаточно констатирования факта ежечасного рождения капитализма из мелко-товарного производства при всяких и всяческих условиях и опосредствованиях. Это качество лежит по линии единства социалистического и мелко-товарного (крестьянского) укладов хозяйства. Это единство не есть противоречивое единство только социализма и капитализма. Это единство есть противоречивое единство социалистического и мелко-товарного укладов. Но это противоречивое единство качественно существенно отличается от единства социализма и капитализма. Противоречие хозяйственной системы переходного периода, которое двигает вперед эту систему, лежит по линии единства этих двух укладов, но не по линии социализма плюс капитализм. Единство противоречий может быть реальным диалектическим единством в том случае, когда части этого единства не имеют об'ективной возможности раздельного существования. В этом отношении единство социализма и капитализма под это условие не попадает. Ибо и социалистический уклад и капиталистический сектор сами по себе могут об'ективно существовать раздельно. Этого нельзя сказать относительно единства социалистической промышленности и крестьянского мелко-товарного сельскохозяйственного производства. Помимо этого, факт двойственной природы мелко-товарного крестьянского производства обнаруживает две тенденции эволюции. Факт этой двойственной тенденции развития в единстве с социалистической промышленностью в совокупности дает то необходимое противоречие абстрактного типа переходной экономики, которое двигает вперед систему этой экономики. На основе невозможности раздельного существования двух этих укладов на основе общности интересов производителей в этих укладах, как производителей и там и здесь, система переходной экономики развивается по пути преодоления противоречий и превращения противоречивого единства в непосредственное единство без противоречий. В этом—основное качественное своеобразие переходной экономики, и из этого надо исходить при анализе закономерностей этой экономики.

Неверная по существу установка авторов «Очерков переходной экономики» в этом вопросе приводит к неясной и нечеткой и по существу неверной постановке вопроса о судьбе мелко-товарного производства в переходный период. Считать переходную экономику единством социалистического и капиталистического укладов—это значит по существу признать невозможность отыскания исторического своеобразного и характерного типа системы переходной экономики. И тут, конечно, не помогает и другая ссылка на Ленина (т. XVI, 347). Ленин говорил, что переходный период между капитализмом и коммунизмом «соединяет в себе черты и свойства обоих этих укладов». Но соединение черт и свойств обоих этих укладов еще не означает, что переходное хозяйство есть соединение капитализма и коммунизма. Черты или свойства коммунизма в переходном хозяйстве выражаются в новых производственных отношения обобществленного сектора. Черты или свойства капитализма относятся к формам учета продукции в переходном хозяйстве и «товарному типу» связи различных

отраслей, а также к побежденному, но еще не окончательно уничтоженному капитализму. Но этот последний—не единственный и не основной сектор переходной экономики рядом с социалистическим. Не в «химическом соединении» социализма и капитализма — основное качество переходного хозяйства. Такого «химического соединения» вообще не может быть, ибо, кроме товарной формы проявления производственных отношений, у этих двух секторов ничего общего нет, ничто их не об'единяет в структуре самих этих укладов. Нет общих черт во внутреннем строе производства. Одна форма проявления не дает «химического соединения», если нет внутренних качественных связей, цементирующих внутреннее единство двух противоположностей. Авторы книги видят «химическое сродство» только в форме «Социалистическое хозяйство обладает химическим сродством с товарно-капиталистической структурой лишь в том случае и при том условии, когда оно принимает фетишистическую, стихийно-рыночную, ценностную (валористическую) фоому производственных отношений» (стр. 110—111). Тут не «химическое сродство», которого не может быть, а «механическая смесь», ибо «форма проявления» сама по себе не дает и не может дать «химического единства» двух противоположных способов производства.

Если «между капитализмом и социализмом лежит длительная переходная эпоха» (стр. 38) и последняя представляет, по терминологии авторов, «химическое сродство» капитализма и социализма лишь по форме (а это означает механическую смесь по существу), то ясно отсюда, что «сожительство двух диаметрально-противоположных принципов» (стр. 78) неизбежно ведет к борьбе и только к борьбе между социализмом и несоциалистическим сектором хозяйства, который для авторов книги является не чем иным, как капитализмом. Авторы видят, следовательно, по существу только два основных сектора переходного хозяйства: социализм и капитализм, между которыми происходит постоянная борьба. А это ведь знакомая нам постановка вопроса в трудах Преображенского.

2. Об исходном моменте теоретического анализа переходной экономики.

К такой постановке вопроса привело авторов смешение мелко-товарного производства с капиталистическим. Благодаря этой установке они упустили из поля зрения главную характерную особенность переходного периода. На эту особенность, однако, указывал еще тов. Бухарин. «Для переходного периода характернейшей чертой является в основном двухклассовое общество, где проблема города и деревни, индустрии и сельского хозяйства, крупного и мелкого производства... выражает главную классовую проблему, проблему соотношения между рабочим классом и крестьянством» («Об экон. платформе оппозиции», сборн., 29). Проблема классов и классовых противоречий в переходный период не снимается. Это прекрасно знают и авторы «Очерков переходной экономики». Указывая на то, что пролетарская революция происходит не в «чистом» капиталистическом обществе, а в таком, где «имеются еще такие остатки прежних хозяйственных форм, как многомиллионное крестьянство, многочисленная мелкая буржуазия», авторы продолжают: «Поэтому даже после полной (курсив наш. *К. Б.*) победы над капиталистами проблема классовых отношений в стране не только не исчезает, но, напротив, встает во весь свой рост» (стр. 37).

Казалось бы, что этой самой постановкой вопроса авторы подошли весьма близко к определению «характернейшей черты» переходной экономики, как противоречивого единства двух экономических укладов: социали-

стического и мелко-товарного. Ибо, что еще может означать п о л н а я победа над капиталистами, как не уничтожение противоречия между рабочим классом и капиталистами, или как не сведение, по крайней мере, этого противоречия до минимума внутри страны уничтожением экономической базы существования капиталистического класса. Но, несмотря именно на победу рабочих над капиталистами, несмотря на существование многомиллионного «мелкого производителя», которого пролетарская революция уничтожить сразу не смогла и не может,—проблема классовых противоречий по существу остается у авторов в плоскости отношений рабочих и капиталистов. Ибо, переходная экономика, как химическое соединение социалистического и товарно-капиталистического,—означает не что иное, как экономическую основу классовых отношений двух классов: рабочих и капиталистов. (Тут, само собой разумеется, мы отвлекаемся от международного капитализма). Следовательно, хотя авторы указывают на классовые противоречия в переходном хозяйстве по линии мелко-товарных производителей и рабочих, но фактически понимают эти противоречия, как противоречия между рабочими и капиталистами, ибо для них простое товарное хозяйство безоговорочно—первая ступень капиталистического, а следовательно, и середняк—по своей природе тоже капиталист, хотя бы и в начальной стадии.

Такое понимание приводит к таким выводам, которые нельзя признать правильными. Классовые противоречия не снимаются в переходный период—это верно. Но есть ли основание предполагать, что между пролетариатом, с одной стороны, и основным классом мелко-товарных производителей,—с другой, в переходный период классовые противоречия усиливаются («встают во весь рост») и что между ними постоянная борьба и только борьба?.. (с. 78). Мы считаем эти два вывода авторов книги необоснованными и по существу неверными. Между этими двумя классами происходит борьба. Это верно. Но эта борьба основана не на эксплоатации одного другим, а на форме обладания средствами производства и готовой продукции. На одной стороне мы имеем частную форму собственности—в секторе мелко-товарном. На другой стороне мы имеем общественную форму собственности—в секторе социалистическом. Это создает между этими секторами, а следовательно, и между двумя указанными классами, противоречия, которые рождают борьбу за свою систему, за свою форму обладания и средствами производства и готовой продукцией. Это с одной стороны. С другой стороны, система переходного хозяйства не организована так, чтобы в самой организационной структуре его был заложен момент необходимой эксплоатации одного класса другим. (Сюда не относится момент неэквивалентного обмена между социалистическим и мелко-товарным секторами).

Вместе с тем и там и здесь и производители, и потребители тожественны. И там и здесь производители—собственники и средств производства и продукции (хотя и в различной форме собственности). И там и здесь производители те же потребители. В этих моментах, следовательно, кроется их общность интересов и отсутствие противоречий между обоими классами. На этих, ведь, моментах экономически был основан как военно-политический союз рабочих и крестьян в дни революции, и основан теперь их экономически-политический союз в период хозяйственного строительства. Поэтому классовые противоречия в переходный период не усиливаются в сравнении с капиталистическим строем, если под основными классами в этот период понимать класс рабочих и класс мелко-товарных производителей. Поэтому между ними не только есть и происходит борьба, но есть и происходит также с о т р у д н и ч е с т в о. Оба класса по существу друг другу не враждебны, друг друга не эксплуатируют. Следовательно, нет оснований для усиления противоречий между ними. Наоборот, имеются достаточно глубокие основания для постепенного ослабления и постепенного уничтожения всяких противоречий между

ними. Переходный период по существу есть период уничтожения этих противоречий. В этом и заключается та основная черта переходной системы, которая отличает ее от всех существующих систем хозяйства.

Авторы указанной выше книги по существу не заметили этой основной отличительной черты переходной экономики. Поэтому-то у них проблема характеристики этой экономики осталась на прежней, старой плоскости.

И отсюда та неверная методологическая установка, с которой они подходят к теоретическому исследованию переходного хозяйства. Авторы не нашли тот «абстрактный тип» переходного хозяйства, с которого надо начать теоретическое изучение переходной экономики. Между тем она была уже в основном указана тем же Бухариным. «Если ставить,—говорит он,—перед собой задачу исследования переходного хозяйства в его историческом своеобразии, то необходимо брать в качестве предельной абстракции двухклассовое общество, т.-е. к о м б и н а ц и ю пролетарской госпромышленности и крестьянского хозяйства» («Правда», 1926 г., № 153). Основное «историческое своеобразие» переходного хозяйства именно в этом сочетании, в этом двухклассовом обществе. Вне этого исходного, отправного пункта анализа мы будем брать все советское хозяйство в целом, как «предельную абстракцию», но на деле будем исходить т о л ь к о из одного сектора, а именно—из социалистического, что фактически и делают авторы «Очерков переходной экономики». Их «трехсекторное» хозяйство фактически превращается в односекторное, несмотря на их подгонку под «химическое сродство» всех трех секторов хозяйства.

Если мы откажемся исходить из двухклассового общества из двухсекторной системы, как характерной и основной особенности переходной экономики, то мы будем просто-напросто, по существу, эволюционизировать и «трансформировать» капитализм в социализм, если все, кроме социализма, принимать за капитализм. Если верно, что «социализм не может вызреть в рамках капиталистического хозяйства» (стр. 39), то «врастание капитализма» в социализм эволюционным и трасформационным путем, без революции и скачков также представить невозможно, если не становиться на точку зрения ревизионизма и социал-демократии. А ведь авторы «Очерков переходной экономики» понимают под трансформационным процессом «осуществление социализма, трансформацию хозяйства... как длительный процесс» (42) и как «т р а н с ф о р м а ц и ю к а п и т а л и с т и ч е с к и х п р о и з в о д с т в е н н ы х о т н о ш е н и й в социалистические отношения трудового товарищества» (стр. 32). Таким образом, у них капитализм автоматически врастает в социализм под «трансформационными явлениями и процессами, которые прямо или косвенно, посредственно или непосредственно, являются результатом т е л е о л о г и ч е с к о г о воздействия, направленного к социалистическому преобразованию хозяйственных отношений» (стр. 33)... Борьба «диаметрально противоположных принципов» (социалистического и капиталистического) внутри «химического сродства», таким образом, приводит под телеологическим воздействием пролетарского суб'екта хозяйства к пожиранию капиталистических отношений социалистическими, а вместе с тем и к пожиранию и мелко-товарных отношений, поскольку они тоже подводятся под рубрику капиталистических. Мы имеем, следовательно, борьбу и только борьбу, но никакого сотрудничества между секторами и классами. Тут, несомненно, выглядывает логика Преображенского. Она только выступает в другой, несколько прикрытой, форме.

Есть два основных исходных момента в деле теоретического изучения переходной экономики: 1) либо считать наше переходное хозяйство амальгамой социалистических и капиталистических отношений,—тогда есть только один путь, по которому обязательно нужно итти — это путь тов. Преображенского; 2) либо считать, что основная характерная особенность переход-

ного хозяйства заключается в единстве, «химическом сродстве» социалистических и мелко-товарных отношений,—тогда надо итти по верному пути, по которому еще никто глубоко и далеко не пошел из теоретиков переходного хозяйства. Авторы «Очерков переходной экономики» пошли по первому пути. Поэтому они не только не дали чего-либо нового в постановке проблем и методологии исследования переходного хозяйства, но, наоборот, повторили только уже сказанное и по существу неверно сказанное.

3. Нужна ли особая теоретическая система для переходной экономики?

Поскольку авторы книги обнаруживают такой неудачный подход к характеристике переходного хозяйства в целом, постольку они делают неверный вывод и относительно теоретического изучения переходного хозяйства. Раз переходная экономика для них «химическое сродство» только социалистических и товарно-капиталистических отношений, то проблема теоретического изучения и исследования остается в плоскости теоретической экономии, изучающей производственные отношения капиталистической системы. «Ни статика, ни динамика послекапиталистической экономической структуры общества не содержит проблем теоретико-экономического порядка» (стр. 27). При этом авторы считают, что послекапиталистическая экономическая структура и есть социализм. В таком случае, конечно, верно, что социалистическая экономическая структура «не содержит проблем теоретического порядка». Но послекапиталистическая экономическая структура общества еще не является социалистической структурой. Между социализмом и капитализмом лежит длительная переходная эпоха. Экономическая структура этой эпохи не является т о л ь к о смесью капитализма и социализма. И поэтому «задача исследования переходной экономики» не может быть решена только «к о м б и н и р о в а н н о й т е о р е т и к о - о п и с а т е л ь н о й р а б о т о й» (с. 81), подразумевая под теоретической частью этой работы теоретическую экономию, изучающую капиталистические производственные отношения.

Авторы утверждают, что «для переходной экономики н е л ь з я создавать особой теоретической системы, ибо это станет в в о п и ю щ е е п р о т и в о р е ч и е с о с н о в а м и м а р к с и с т с к о й т е о р е т и к о - э к о н о м и ч е с к о й м е т о д о л о г и и» (стр. 80, курсив наш. *К. Б.*). Это утверждение нельзя признать правильным.

Во-первых, нельзя отрицать и авторы не отрицают, что производственные отношения в переходную эпоху принципиально и н ы е, чем в капиталистическую эпоху. Качественное своеобразие и особенность этих отношений не может быть полностью познана только той теорией, которая изучает производственные отношения капитализма. Раз об'ект изучения и исследования принципиально иной, а в этом сомнения не может быть, то и подход и метод этого исследования, оставаясь твердо на базе диалектического материализма, должен меняться в зависимости от качественного своеобразия исследуемого об'екта. С каких это пор в марксистской литературе стало «непреложной истиной», что марксистский метод не должен видоизменяться в зависимости от своеобразия исследуемого об'екта? С каких это пор «марксистская теоретико-экономическая методология» обязует изучать особые, принципиально иные производственные отношения одной и той же теорией? Маркс, ведь, совершенно недвусмысленно указал, что «нельзя никогда притти к пониманию» различных явлений и качественно различных об'ектов, «пуская в ход повсюду и всегда одну и ту же отмычку какой-либо историко-философской теории, самое высшее достоинство которой заключается в ее надисторичности». («Письма М. и Эн.», стр. 267).

В о - в т о р ы х, известно положение Маркса, что «если бы форма проявления и сущность вещей совпадали—наука была бы излишней». На этом положении базируются и тт. Леонтьев и Хмельницкая (стр. 101). Отсюда вывод может быть сделан такой, что теоретическая экономия, как наука, изучает «сущность вещей»—производственные отношения капитализма—в «формах их проявления», в категориях капиталистического хозяйства. С другой стороны, известно положение Гегеля, не оспариваемое никем из марксистов, что форма не есть ничем не связанное с сущностью бытие. «Она (форма) лишь явление сущности в самой себе, собственная, ей присущая рефлексия» (Куно-Фишер, т. VIII, стр. 514). Форма проявления сущности должна и не может не быть адэкватной последней. Отсюда вывод, что форма проявления принципиально иных «новых» производственных отношений переходного хозяйства не может быть «ничем не связанное с ними бытие». Она должна быть адэкватной этим отношениям, им присущей, чтобы через изучение и исследование ее можно было попутно изучить и исследовать самую сущность, т.-е. производственные отношения переходного хозяйства. Возможно ли познание этой сущности через изучение и исследование только к а п и т а л и с т и ч е с к и х ф о р м проявления?

Нам кажется, что нельзя. Мы не можем отрицать, что рыночные категории имеют место в переходном хозяйстве. Равным образом нельзя отрицать возможность искажения адэкватности форм проявления «сущности вещей» в период изменения последних. Но изучение только капиталистических форм не может привести к изучению сущности явлений в переходном хозяйстве. В противном случае нам нужно будет з а р а н е е з н а т ь, что «новое содержание сочетается со старой формой» (стр. 262), что «под товарной ф о р м о й скрывается совершенно и н о е с о д е р ж а н и е людских производственных отношений» (стр. 265). А это означает, что мы должны знать заранее то, что исследуем через «форму проявления». Поэтому сводить все к «старой капиталистической форме» и «новому содержанию» и в этом видеть ц е н т р а л ь н у ю п р о б л е м у (стр. 105), которая должна быть решена теоретической экономией, изучающей капиталистические производственные отношения через изучение их адэкватных форм проявления,—это значит, не решать проблему, а отходить от нее и направлять ее решение не по тому руслу, по которому оно должно итти. Рыночные категории играют в переходном хозяйстве «роль костылей» (стр. 104), являются «двойным искажением и затемнением действительной сущности отношений» (стр. 306, 307), создают «своеобразный д у а л и с т и ч е с к и й характер переходной системы хозяйства» (стр. 276 и 305)—эти выводы сами по себе не решают теоретических проблем переходного хозяйства и сделаны автором книги не только на основе изучения «формы проявления» сущности отношений, но и на основе заранее ими допущенного постулата, что эти отношения принципиально иные, чем их формы проявления, и последние не соответствуют первым... Раз факт двойного искажения и несоответствия «форм проявления», «сущности отношений» имеется налицо, то уже тем самым, с одной стороны, дана трудность и невозможность изучения этих отношений только через их «форму проявления» и только с помощью того теоретического оружия, которое мы имеем для изучения капиталистических производственных отношений через их адэкватную форму проявления». С другой же стороны, мы знаем, что каждый тип производственных отношений людей придает вещам, через посредство которых эти отношения проявляются, особое «общественное свойство», социальную форму, а д э к в а т н у ю этому типу отношений. Благодаря этому и получается овеществление общественных отношений, непосредственное сращение материальных отношений производства с их и с т о р и ч е с к и - о б щ е с т в е н н о й ф о р м о й» (Кап., т. III, ч. 2, стр. 359).

Формы проявления производственных отношений в переходный период товарно-рыночные, стоимостные. Но это вовсе не значит, что эти формы

должны быть обязательно капиталистическими формами и служить формами проявлений диаметрально противоположной сущности отношений.

Товарно-рыночная форма проявления людских отношений сама по себе еще не есть капиталистическая форма. Ибо товарная форма отношений свойственна не только капиталистическому способу производства. «Денежное и товарное обращение,—говорит Маркс,—может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство потребительной стоимости». (Кап., т. III, ч. 1, стр. 312). Нельзя поэтому говорить о том, что формы проявления сущности отношений в переходном хозяйстве капиталистические и только и что товарно-рыночные категории не являются свойственными, адэкватными формами проявления сущности производственных отношений в переходном хозяйстве.

Авторы книги видят теоретические проблемы переходного хозяйства только в несоответствующих старых формах проявления «сущности вещей» этого хозяйства. Это «своеобразное расщепление внешних форм, внешней оболочки... и социального содержания производственных отношений вытекает из своеобразного дуалистического характера переходной системы хозяйства» (276), как системы, составляющей «химическое сродство» двух диаметрально-противоположных хозяйственных систем: социалистической и капиталистической. И отсюда они делают вывод, что в «вопросе о форме проявления и форме действия хозяйственного принципа в переходную эпоху заключается проблема, и этой проблемы часто не замечали в прежнее время» (стр. 105).

Всем и каждому известно теперь, что «форма проявления хозяйственного принципа» в переходную эпоху остается товарно-рыночной, стоимостной. Но знать это и переносить проблему только на форму как на нечто, не соответствующее самой «сущности вещей», переносить все теоретическое изучение переходной экономики на «чужеродную», имеющую самостоятельное от сущности бытие, форму,—это, значит по существу ничего не знать и ничего не узнать в теоретическом отношении в переходном хозяйстве. Изучение сущности производственных отношений в переходном хозяйстве может успешно подвинуться вперед только при изучении ей присущей, исторически данной формы проявления, которая реально дана в товарно-рыночных формах. Но такое изучение одновременно будет означать изучение не только формы, но и сущности в процессе изучения, ибо в противном случае мы тогда потеряем всякое «рациональное зерно» нашей теории в бесплодных абстракциях. Ибо, если дана только форма товарного производства и обращения, то, исходя только из этой формы, еще нельзя знать и изучить переходное хозяйство. Еще, ведь, Маркс говорил, что «производство товара и обращение товаров представляют явления, свойственные самым разнообразным способам производства, хотя и в различном масштабе. Мы, следовательно, ровно ничего не знаем о данных способах производства, об их differentia specifica, мы не можем составить себе о них никакого понятия, раз нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения»[1]).

В-третьих, слишком упрощенное и по существу неверное понимание переходной системы хозяйства не позволяет авторам сделать верного вывода насчет теории переходной экономики.

Они говорят: «Не будь в переходном хозяйстве элементов двух (подчеркнуто авторами. *К. Б.)* хозяйственных типов (социалистического и товарно-капиталистического)—мы не имели бы никакого права говорить об этом хозяйстве, как о переходном. Нельзя же в самом деле представлять себе переходный тип хозяйства чем-то вроде промежуточного полустанка между двумя станциями» (стр. 255—6). Переходным он является потому, что представляет «химическое сродство» «двух кругов: социалистического и частнохозяйственного» (стр. 255). Отсюда вытекает у них логически вывод о «комбинированной» науке о переходном хозяйстве.

[1]) «Кап.», I, стр. 82, примеч. Курсив наш. *К. Б.*

Но если говорить с точки зрения исторической динамики хозяйственных форм, то нет вообще никаких станций и полустанков. Еще ведь Энгельс говорил, что и «капиталистическое производство, будучи переходной экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий» («Письма М. и Э.», стр. 328). Нельзя представлять себе и социализм и капитализм какими-то двумя постоянными станциями, между которыми переходное хозяйство движется, как экспресс или как «Максим Горький».

Каждая система хозяйства представляет собой переходное хозяйство, и каждая такая хозяйственная система на определенный исторический отрезок времени имеет вполне определенную, исторически-видоизменяющуюся систему людских производственных отношений, вполне определенную форму проявления этих отношений и вполне определенные, этой исторической форме хозяйства свойственные внутренние противоречия, двигающие вперед всю хозяйственную систему.

Переходная экономика не представляет собой только мимолетное явление с точки зрения исторического развития хозяйственных отношений вообще. Хозяйственные отношения этого периода являются сами по себе вполне определенными и историческими. Они развиваются в противоречивых формах. И в этом развитии имеют устремление не на усиление, а на уничтожение этих внутренних противоречий, т.-е. развиваются в социалистические отношения. Эти исторически вполне определенные отношения переходной экономики, историческое единство внутренних противоречий, характерные имманентные закономерности системы, качественное своеобразие,—лежат в плоскости отношений и единства социалистического и мелко-товарного секторов. Как и всякая другая система хозяйства, переходная экономика, как исторически преходящая система, конечно, не представляет ни полустанка, ни станции. Но система отношений ее в их исторической динамике имеет вполне определенные закономерности. Для вскрытия и познания этих закономерностей необходимо анализировать их как в исторической статике (вертикальный разрез), так и в их исторической динамике (горизонтальный разрез). Поэтому приходится исследователю представлять эти отношения в своей голове в роде станции или полустанка, как это делается и в отношении капиталистической системы. И поскольку такой «полустанок» или «станция» не похожи ни по качеству, ни по историческому месту на прежние абстрактные «станции» — постольку нельзя их познать только «комбинированной теоретико-описательной» наукой, как наукой, представляющей собою «химическое сродство» (сиречь «механическую смесь») двух наук: описательной и теоретической, изучающей только капиталистическую «станцию». Поэтому необходимо создание новой, особой теории, теории переходного хозяйства. «Анализ всех... сложных переплетов и выведение основных закономерностей развития составляют теорию переходного хозяйства» (Бухарин, «Правда», 1926 г. № 148). Этой теории еще нет, но она должна быть создана.

(Продолжение следует).

должны быть обязательно капиталистическими формами и служить формами проявлений диаметрально противоположной сущности отношений.

Товарно-рыночная форма проявления людских отношений сама по себе еще не есть капиталистическая форма. Ибо товарная форма отношений свойственна не только капиталистическому способу производства. «Денежное и товарное обращение,—говорит Маркс,—может обслуживать сферы производства самых разнообразных организаций, которые по своей внутренней структуре все еще имеют главной целью производство *потребительной* стоимости». (Кап., т. III, ч. 1, стр. 312). Нельзя поэтому говорит о том, что формы проявления сущности отношений в переходном хозяйстве капиталистические и только и что товарно-рыночные категории не являются свойственными, адэкватными формами проявления сущности производственных отношений в переходном хозяйстве.

Авторы книги видят теоретические проблемы переходного хозяйства только в несоответствующих старых формах проявления «сущности вещей» этого хозяйства. Это «своеобразное расщепление внешних форм, внешней оболочки... и социального содержания производственных отношений вытекает из своеобразного *дуалистического* характера переходной системы хозяйства» (276), как системы, составляющей «химическое сродство» двух диаметрально-противоположных хозяйственных систем: социалистической и капиталистической. И отсюда они делают вывод, что в «вопросе о форме проявления и форме действия хозяйственного принципа в переходную эпоху заключается *проблема*, и этой проблемы часто не замечали в прежнее время» (стр. 105).

Всем и каждому известно теперь, что «форма проявления хозяйственного принципа» в переходную эпоху остается товарно-рыночной, стоимостной. Но знать это и перенести проблему только на форму как на нечто, не соответствующее самой «сущности вещей», перенести все теоретическое изучение переходной экономики на «чужеродную», имеющую самостоятельное от сущности бытие, форму,—это значит по существу ничего не знать и ничего не узнать в теоретическом отношении в переходном хозяйстве. Изучение сущности производственных отношений в переходном хозяйстве может успешно подвинуться вперед только при изучении ей присущей, исторически данной формы проявления, которая реально дана в товарно-рыночных формах. Но такое изучение одновременно будет означать изучение не только формы, но и сущности в процессе изучения, ибо в противном случае мы тогда потеряем всякое «рациональное зерно» нашей теории в бесплодных абстракциях. Ибо, если дана только форма товарного производства и обращения, то, исходя *только* из этой формы, еще нельзя знать и изучить переходное хозяйство. Еще, ведь, Маркс говорил, что «производство товара и обращение товаров представляют явления, свойственные *самым разнообразным способам производства*, хотя и в различном масштабе. Мы, следовательно, ровно ничего *не знаем о данных способах производства*, об их differentia specifica, мы *не можем составить себе о них никакого понятия, раз нам известны только общие им всем абстрактные категории товарного обращения*»[1]).

В-третьих, слишком упрощенное и по существу неверное понимание переходной системы хозяйства не позволяет авторам сделать верного вывода насчет теории переходной экономики.

Они говорят: «Не будь в переходном хозяйстве элементов *двух* (подчеркнуто авторами. *К. Б.*) хозяйственных типов (социалистического и товарно-капиталистического)—мы не имели бы никакого права говорить об

[1]) «Кап.», I, стр. 82, примеч. Курсив наш. *К. Б.*

этом хозяйстве, *как о переходном*. Нельзя же в самом деле представлять себе переходный тип хозяйства чем-то вроде промежуточного полустанка между двумя станциями» (стр. 255—6). Переходным он является потому, что представляет «химическое сродство» «двух кругов: социалистического и частнохозяйственного» (стр. 255). Отсюда вытекает у них логически вывод о «комбинированной» науке о переходном хозяйстве.

Но если говорить с точки зрения исторической динамики хозяйственных форм, то нет вообще никаких станций и полустанков. Еще ведь Энгельс говорил, что и «капиталистическое производство, будучи *переходной* экономической фазой, преисполнено внутренних противоречий» («Письма М. и Э.», стр. 328). Нельзя представлять себе и социализм и капитализм какими-то двумя постоянными станциями, между которыми переходное хозяйство движется, как экспресс или как «Максим Горький».

Каждая система хозяйства представляет собой переходное хозяйство, и каждая такая хозяйственная система на определенный исторический отрезок времени имеет вполне определенную, исторически-видоизменяющуюся систему людских производственных отношений, вполне определенную форму проявления этих отношений и вполне определенные, этой исторической форме хозяйства свойственные внутренние противоречия, двигающие вперед всю хозяйственную систему.

Переходная экономика не представляет собой только мимолетное явление с точки зрения исторического развития хозяйственных отношений вообще. Хозяйственные отношения этого периода являются сами по себе вполне определенными и историческими. Они развиваются в противоречивых формах. И в этом развитии имеют устремление не на усиление, а на уничтожение этих внутренних противоречий, т.-е. развиваются в социалистические отношения. Эти исторически вполне определенные отношения переходной экономики, историческое единство внутренних противоречий, характерные имманентные закономерности системы, качественное своеобразие,—лежат в плоскости отношений и единства социалистического и мелко-товарного секторов. Как и всякая другая система хозяйства, переходная экономика, как исторически преходящая система, конечно, не представляет ни полустанка, ни станции. Но система отношений ее в их исторической динамике имеет вполне определенные закономерности. Для вскрытия и познания этих закономерностей необходимо анализировать их как в исторической статике (вертикальный разрез), так и в их исторической динамике (горизонтальный разрез). Поэтому приходится исследователю представлять эти отношения в своей голове в роде станции или полустанка, как это делается и в отношении капиталистической системы. И поскольку такой «полустанок» или «станция» не похожи ни по качеству, ни по историческому месту на прежние абстрактные «станции» — постольку нельзя их познать только «комбинированной теоретико-описательной» наукой, как наукой, представляющей собою «химическое сродство» (сиречь «механическую смесь») двух наук: описательной и теоретической, изучающей только капиталистическую «станцию». Поэтому необходимо создание новой, *особой* теории, теории переходного хозяйства. «Анализ всех... сложных переплетов и выведение основных закономерностей развития составляют *теорию переходного хозяйства*» (Бухарин, «Правда», 1926 г. № 148). Этой теории еще нет, но она должна быть создана.

(Продолжение следует).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

КАК СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ ОСВЕЩАЮТ ПЕРЕД РАБОЧИМИ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА.

Г. Биншток.—«Введение в мировое хозяйство». Берлин, 1927 г. Стр. 164.

(Einführung in die Weltwirtschaft von Gregor Bienstock, Berlin, 1927. S. 164).

Небезызвестный русский меньшевик Григорий Биншток подвизается в настоящее время в качестве гастролера при «агитпропе» германской социал-демократии, как специалист по мировому хозяйству. Курс его лекций, читанный им в Берлине на общеобразовательных рабочих курсах и в рабочих аудиториях Гамбурга, издан теперь социал-демократическим издательством, как «руководство для преподавателей и слушателей рабочих курсов». В своих лекциях Биншток стремился не только осветить основные проблемы современного мирового хозяйства, но и охарактеризовать программу социал-демократии по вопросам мирового хозяйства.

По ряду причин, книга заслуживает сугубого внимания.

Первые главы работы посвящены анализу основных проблем мирового хозяйства. Нельзя отказать автору в умении изложить свою тему. Весьма сжато, использовывая богатый фактический и цифровой материал, автор очень интересно, местами даже увлекательно освещает важнейшие вопросы мирового хозяйства. Он дает определение мирового хозяйства, излагает историю его образования, международное движение населения, миграцию капиталов, разделение труда в мировом хозяйстве и образование цен на мировом рынке. Мы не будем останавливаться на изложении упомянутых разделов. Отдельные проблемы освещаются автором весьма ярко и в общем правильно, это особенно относится к экспорту капитала, борьбе за рынки сырья и характеристике новейшей таможенной политики, как орудия наступления монополистических об'единений. Встречаются, конечно, мелкие ошибки, неправильные формулировки, неточные выражения. Но дело не в этом!

На всей работе в целом лежит резкий отпечаток меньшевистских взглядов на современный капитализм. Автор излагает современное мировое хозяйство, как будто бы оно не пережило за последнее десятилетие глубочайших изменений. По Бинштоку война—это только небольшой этап в истории современного капитализма, на время прервавший поступательный ход его развития. Война кончилась—капитализм развивается попрежнему и даже в некоторых отраслях быстрее, чем до войны (например, глубокомысленные замечания о темпе роста оборотов мировой торговли после войны, стр. 104). Ни одним словом, ни одним намеком у автора не отмечены ни глубочайший кризис капиталистического мирового хозяйства после войны, ни колоссально усилившиеся антагонизмы внутри мирового хозяйства. Как будто бы за эти десять лет ничего не произошло. СССР вообще выпал из поля зрения Бинштока. Его слушатели не должны знать, что победивший пролетариат СССР нанес зияющую рану мировому капитализму. Лишь в одном месте автор упоминает о Советской России и то только для того,

чтобы гнусно ошельмовать величайшее завоевание социалистического строительства. Для автора «монополия внешней торговли советской России является не шагом вперед от капиталистических хозяйственных методов в направлении к социалистическому мировому хозяйству, но скорее регрессом, возвращением к методам внешней торговли ранней эпохи торгового капитализма» (стран. 133). Мы будем иметь еще случай остановиться на «концепции» автора, что Россия находится на начальной ступени капиталистического развития.

Последние главы автор посвящает «организации мирового хозяйства и международной политике социализма». Сперва он дает сжатую характеристику современного этапа капитализма-империализма. Определяя империализм, как политику финансового капитала, он—верный теории Каутского—считает, что империализм может вести и мирную политику, «что он не должен быть воинственным» (стран. 149) и становится таковым только при известных обстоятельствах. Затем автор переходит к установлению своего рода линии социалистической программы в отношении империализма. Тут на сцену в первую очередь всплывает теория Гильфердинга об «организованном» капитализме, положенная теперь, как известно, в основу программы международной социал-демократии. По мнению автора, развитие монополистических об'единений в рамках отдельных государств повело к тому, что в мировом хозяйстве друг другу противостоят не разрозненные, отдельные капиталистические предприятия, а единые капиталистические организации, благодаря чему «создаются необходимые предпосылки, что эти национальные, борющиеся друг с другом капиталистические организации придут к соглашению об экономической эксплоатации мира» (стран. 152). Дальнейшее развитие мирового хозяйства ведет к тому, что «конкуренция на мировом рынке будет ограничена, будет происходить распределение рынков сбыта товаров, экспорт капитала будет производиться по взаимному соглашению, другими словами—капиталистическое мировое хозяйство организуется» (стран. 153). Если эти тенденции имели уже место и до войны, то в настоящее время они во много раз усилились и «организованность мирового хозяйства может сегодня развиваться тем легче, что международный капитал сегодня находится на более высокой ступени концентрации, чем до войны» (там же). Мы не будем останавливаться на критике теории «организованного капитализма», которая есть не что иное, как несколько модифицированная старая теория Каутского об ультра-империализме. Эти теории уже давным-давно подвергнуты у нас исчерпывающей критике. Достаточно хотя бы напомнить, что об этом писал Ленин. «Спрашивается, «мыслимо» ли предположить, при условии сохранения капитализма (а именно такое условие предполагает Каутский), чтобы такие союзы (об'единения между капиталистическими государствами. *М. И.)* были не кратковременны, чтобы они исключали трения, конфликты и борьбу во всяческих и всех возможных формах. Достаточно ясно поставить вопрос, чтобы на него нельзя было дать иного ответа, кроме отрицательного. Ибо при капитализме немыслимо иное основание для раздела сфер влияния интересов, колоний и пр., кроме как учет силы участников дележа, силы общеэкономической, финансовой, военной и т. д... Поэтому «интер-империалистские» или «ультра-империалистские» союзы,—в какой бы форме эти союзы ни заключались, в форме ли одной империалистской коалиции против другой империалистской коалиции, или в форме всеобщего союза в с е х империалистских держав,—являются неизбежно лишь «передышками» между войнами» (Ленин, «Империализм», стран. 89. ГИЗ, 1926 г.).

Какую же политику должен повести, по мнению автора, по отношению к этому «организованному капитализму» пролетариат? Рассуждения автора настолько интересны, что заслуживают, чтобы на них остановиться

более подробно. В первую очередь, он констатирует, что лозунгом пролетариата не может быть в настоящее время возвращение к «свободной игре хозяйственных сил». Автор должен признать, что это значило бы отдать целиком мировое хозяйство в руки монополистических об'единений, и ему не остается ничего другого, как констатировать, что пролетариат—против «монополизации важнейших источников сырья могущественными капиталистическими группами, монополистического образования цен и т. д.» (стран. 159).

Как же бороться с этими монополистическими об'единениями? И тут автор разворачивает свой «смелый» план: «Как это ни звучит парадоксально с точки зрения буржуазного учения о свободе торговли, необходимо создать международный контроль над капиталистическими союзами» (стран. 159). Это требование автор считает важнейшим пунктом современной интернациональной экономической программы социализма!!!

Однако, затем автор сам пугается своей смелости. «Может ли социализм ставить себе сегодня эту цель?»—робко спрашивает автор (стран. 160). В рамках одного государства, по мнению автора, это вполне достижимо. Г. Биншток, ничтоже сумняшеся, утверждает, что «внутри государства капиталистические силы находятся под постоянным контролем демократического государства» (всюду разрядка моя. *М. И.*). Таким образом, по мнению автора, в настоящее время капиталистические тресты находятся под бдительным контролем государства, действующего в интересах широких демократических масс!!! Опровергнуть это замечательное открытие мы можем предоставить... самому же Бинштоку. Несколькими страницами раньше, говоря о роли финансового капитала, он следующим образом характеризует влияние последнего на современные государства: «На этой ступени развития (в эпоху финансового капитала. *М. И.*) имеет место внутреннее переплетение между государством и капитализмом. В этом сплетении, однако, государство все более и более превращается в орудие финансового капитала... Финансовый капитал подчиняет государственный аппарат своим целям» (стр. 146, разрядка моя. *М. И.*). Итак, государство, с одной стороны, игрушка в руках финансового капитала, с другой—это же государство призвано защищать интересы рабочих от хищнической политики трестов. У автора правая не знает, что творит левая.

Тезис о контроле современного государства над трестами нужен автору для того, чтобы доказать возможность организации контроля над международными об'единениями. Для этого должно иметься только междугосударственное образование, которое могло бы взять на себя осуществление этого контроля. Однако, ничего нового создавать, по мнению Бинштока, не нужно. Такое междугосударственное образование существует не более не менее, как в лице «Лиги Наций с ее экономическими комитетами, международными экономическими конференциями и т. д.». Вследствие этого все эти конференции, созываемые Лигой Наций, так важны для пролетариата, ибо «здесь создана трибуна, с которой социализм может влиять на международное общественное мнение» (стран. 160, разрядка моя. *М. И.*).

Сделав это замечательное открытие, автор, однако, спохватывается, что все это уже социал-демократы неоднократно твердили рабочим в продолжение последних лет. На практике, однако, пролетариат убеждался, что вся эта болтовня с «трибуны» Лиги Наций никакого влияния на политику финансовых заправил не имела и нисколько не улучшила положение рабочего класса. Прекрасно зная, что пролетариат стремится не к тому, чтобы попытками мелких реформ улучшить свое положение при капитализме, а к тому, чтобы сбросить ярмо капитализма навсегда, автор немедленно при-

нимается доказывать, что капитализм в настоящее время настолько прочен, что стремление к его свержению является «несбыточными мечтаниями». Прикидываясь невинным агнцем, он пишет: «Среди известной (разрядка моя. *М. И.*) части мирового пролетариата распространено мнение, что капиталистическое мировое хозяйство идет навстречу гибели, что мировой капитализм неизбежно обречен на уничтожение» (160). Чтобы опровергнуть это «мнение известной части мирового пролетариата», мнение, которое, как известно, до недавнего прошлого разделялось даже II Интернационалом, автор сводит вопрос о гибели капитализма к вульгарнейшему пониманию теории Розы Люксембург. «Вера в гибель мирового капитализма связывается с всеобщим процессом индустриализации мирового капитализма,—пишет автор.—Капитализм имеет якобы смысл до тех пор, пока он индустриализирует и цивилизирует мир, когда же этот процесс индустриализации и цивилизации в основном закончен, тогда нет жизненной необходимости в капитализме. Современный кризис европейского капитализма является доказательством того, что его историческая роль пришла к концу и над ним уже слышен погребальный звон» (стран. 161).

Учение о гибели капитализма, по мнению автора, не только неправильно, но и вредно для политики пролетариата, так как оно парализует интерес пролетариата к «исключительно важнейшим проблемам мировой хозяйственной политики» (стран. 101), т.-е. к организации при Лиге Наций контроля над трестами.

Чтобы раз навсегда, по его мнению, убить в своих слушателях веру в возможность скорой гибели капиталистического строя, Биншток пишет буквально следующее: «Мир находится не в конце, но в середине, а может быть, и в начале могущественного процесса индустриализации. Прежде всего, это относится к таким колоссальным хозяйственным областям, как Россия (!!!), Китай и Индия, население которых вместе составляет почти половину человечества. Этим областям нехватает только политической консолидации для того, чтобы процесс индустриализации пошел быстро вперед» (стран. 161, разрядка моя. *М. И.*). До такой чудовищно наглой характеристики современного капитализма не доходили худшие апологеты капиталистического строя. Автор не только не заметил победы пролетариата в СССР, мощного под'ема революционного движения в Китае, но для него все эти грандиознейшие явления—только «отсутствие политической консолидации», мешающее началу под'ема могущественной капиталистической индустриализации! После этого автор начинает глубокомысленно доказывать, что европейский пролетариат жизненно заинтересован в развитии капитализма «азиатских» стран, так как «таким образом для индустриальных стран откроется огромный рынок для экспорта товаров и капиталов» (стран. 161). В арсенале автора имеется радикальнейшее средство, которое должно излечить современное мировое хозяйство от кризиса. Послушаем самого автора: «Для хозяйственного под'ема русских, азиатских и т. д. народных масс так же, как для поднятия жизненного уровня европейского пролетариата, необходимыми предпосылками являются установление мира между народами и консолидация политической и социальной демократии во всем мире. Эти два пункта необходимо также включить в международную хозяйственную программу социализма» (стран. 162). В заключение автор поет дифирамбы современному капитализму. «Капитализм создал многогранные формы и организации, которые выросли в течение сотен лет и которые приспособлены к потребностям международного обмена» (стран. 162). Автор преисполнен благоговением перед капиталистическими формами организации мирового хозяйства. Он считает, что «разрушение этих форм обозначало бы колоссальный регресс человеческой культуры... Распад мирового хозяйства (капиталистиче-

ского. *М. И.*) являлся бы огромным горем для социализма» (стран. 162). И поэтому «политика социалистического пролетариата должна сводиться лишь к тому, чтобы заполнить формы капиталистического мирового хозяйства новым содержанием» (стран. 163). Это новое содержание и дано в вышеизложенной программе: 1) организация международного контроля над трестами, 2) установление мира между народами, 3) всеобщее распространение политической и социальной демократии. Мы не будем критиковать здесь эту чепуху, которую автор торжественно называет единственно возможной политикой социалистического пролетариата. Даже то немногое что автор сообщил в предыдущих главах о роли финансового капитала, о подчинении ему современного государства, о росте могущественных монополистических об'единений, вполне достаточно, чтобы каждому рабочему было ясно, что та карикатура на социалистическую программу, которую преподнес автор, невыполнима в рамках капитализма. Книга является показателем того, как низко пали современные социал-демократы и как они выбросили из своего багажа последние остатки веры в социализм. Но то обстоятельство, что подобные лекции могли читаться в крупнейших рабочих центрах Германии—в Берлине и Гамбурге—в 1927 году, показывает, что нашим братским коммунистическим партиям надлежит еще вести упорную пропагандистскую работу по раз'яснению основных проблем современного мирового хозяйства. Перед Коминтерном стоит задача—подготовить и издать работу по мировому хозяйству, в которой нашли бы свое освещение важнейшие проблемы современного мирового хозяйства. Такой новейшей сводной популярной работы нет еще до сих пор, к сожалению, ни на иностранных языках, ни даже на русском.

М. Иоэльсон.

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.